Географическая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.

ОЗЕРНЫЙ КРАЙ.

Н. А. Черемина
(Коршъ).

Цѣна 40 коп.



Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, свой д.
Москва.—[illegible].

Книгоиздательство Т-ва И. Д. Сытина.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ КАРТИНАХЪ.

КАРТИНЫ ВЪ КРАСКАХЪ СЪ ТЕКСТОМЪ.

Составл. подъ редакціей

Истор. Ком. Учебн. Отд. Общ. Распр. Техн. Зн.

въ художественной части принимаетъ ближайшее участіе

Н. А. КАСАТКИНЪ.

ОТПЕЧАТАНЫ СЛѢДУЮЩІЕ ЛИСТЫ:

Листъ I. **Начало Руси.** 3 картины: 1) Торгъ. 2) Печенѣгъ въ степи. 3) Убіеніе Аскольда и Дира.

Листъ II. **Первые князья.** 3 картины: 1) Полюдье. 2) Свиданіе Святослава съ Цимисхіемъ. 3) Погребеніе знатнаго русса.

Листъ III. **Крещеніе Руси.** 3 картины: 1) Праздникъ Купалы. 2) Убіеніе христіанъ-варяговъ. 3) Крещеніе кіевлянъ.

Листъ IV. **Татарская неволя.** 3 картины: 1) Владимирское разореніе. 2) Михаилъ въ Ордѣ. 3) Іоаннъ III топчетъ басму.

Листъ V. **Александръ Невскій.** 4 картины: 1) Ледовое побоище, 2) Пріемъ кардиналовъ. 3) Александръ въ Ордѣ. 4) Постриженіе Александра Невскаго.

Листъ VI. **Возвышеніе Москвы.** 4 картины: 1) Софья Витовтовна. 2) Дмитрій Донской у свят. Сергія. 3) Куликовская битва. 4) Москва при Іоаннѣ III.

Листъ VII. **Новгородъ Великій.** 4 картины: 1) Новгородская торговля. 2) Вѣче. 3) Ушкуйники. 4) Паденіе Новгорода.

Листъ VIII. **Іоаннъ IV Грозный.** 4 картины: 1) Рѣчь Іоанна къ народу. 2) Взятіе Казани. 3) Смерть митрополита Филиппа. 4) Завоеваніе Сибири.

Листъ IX. **Борисъ Годуновъ.** 4 картины: 1) Отказъ Бориса отъ престола. 2) Убіеніе царевича Димитрія. 3) Борисъ разсматриваетъ карту. 4) Постройка въ Кремлѣ при Борисѣ Годуновѣ.

Листъ X. **Смутное время.** 3 картины: 1) Сверженіе самозванца. 2) Рѣчь Минина. 3) Осада Троицкой лавры.

Листъ XI. **Царскій обиходъ.** 4 картины: 1) Выборъ невѣсты. 2) Выходъ на богомолье. 3) Пріемъ пословъ. 4) Соколиная охота.

Листъ XII. **Алексѣй Михайловичъ.** 4 картины: 1) Соборное уложеніе 2) Запорожцы. 3) Алексѣй Михайлов. и Никонъ. 4) Бояр. Морозова.

Листъ XIII. **Юность Петра Великаго.** 4 картины: 1) Обученіе Петра иностранцами. 2) Потѣхи Петра. 3) Казнь стрѣльцовъ. 4) Петръ въ Саардамѣ.

Листъ XIV. **Царствованіе Петра Великаго.** 4 картины: 1) Полтавскій бой. 2) Ассамблея. 3) Царевичъ Алексѣй. 4) Экзаменъ новика.

Листъ XV. **Екатерина II.** 4 картины: 1) Актъ въ Академіи. 2) Екатерина II у Ломоносова. 3) Судъ Пугачова. 4) Суворовъ.

Листъ XVI. **Отечественная война.** 3 картины: 1) Совѣтъ въ Филяхъ. 2) Наполеонъ въ Кремлѣ. 3) Старостиха Василиса.

Листъ XVII. **Александръ II.** 3 картины: 1) На войну. 2) Чтеніе манифеста. 3) Торгъ.

Листъ XVIII. **Александръ II.** 3 картины: 1) Дѣятели освобожденія. 2) На порогѣ школы. 3) Гласный судъ.

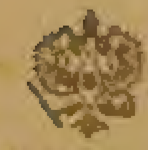
Каждаго листа 20 к., всей серіи 3 р. 60 к.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Географическая Комиссія Учебнаго Отд. О. Р. Т. З.

Озерный край.

Н. А. Черемина
(Коршъ).



Типографія Т-ва И. Д. СЫТИНА, Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1909.

Заинтересовавшись Озернымъ краемъ, желая поближе познакомиться съ его природой и обитателями, я рѣшилъ предпринять небольшое путешествіе. Для этой цѣли я двинулся въ путь съ первымъ весеннимъ пароходомъ, идущимъ изъ Петербурга въ Петрозаводскъ, не столько для того, чтобы посѣтить этотъ городъ, сколько для того, чтобы проѣхаться по озерамъ Ладожскому и Онежскому. Выбравъ хорошій ясный день, часовъ въ 10 утра, я поспѣшилъ на пароходъ. Ждать пришлось недолго. Пароходъ свистнулъ, тяжело громыхая колесами отошелъ отъ пристани и двинулся вверхъ по Невѣ. Нева довольно многоводная рѣка, мало извилистая; мѣстами она расширяется, образуетъ заливы, на порогахъ нѣсколько суживается, но они здѣсь настолько незначительны, что ихъ существованіе можно замѣтить только по тому, что теченіе становится нѣсколько быстрѣе, да вода начинаетъ рябиться.

При впаденіи въ Финскій заливъ Нева образуетъ дельту, на островахъ которой расположена часть Петербурга. Вѣтеръ, дующій съ запада, гонитъ воды Финскаго залива въ устье Невы и подпираетъ воду рѣки; рѣка выходитъ изъ береговъ, затопляетъ низменныя мѣста и производитъ тѣ ужасныя наводненія, которыя надолго остаются

въ памяти жителей, теряющихъ нерѣдко все свое достояніе.

При своемъ истокѣ Нева образуетъ два рукава, между которыми на небольшомъ островѣ Орѣховѣ стоитъ знаменитая Шлиссельбургская крѣпость, иначе называемая Орѣшекъ; въ настоящее время она утратила свое значеніе и служитъ тюрьмой. Сперва передъ моими глазами мелькали по берегамъ фабрики, заводы, потомъ мелкія селенія, а далѣе уже и рѣчные обрывы. Миновавъ Шлиссельбургскую крѣпость, пароходъ въѣзжаетъ въ Ладожское озеро.

Необъятная водная ширь представилась моему взору. Ладога—величайшее изъ озеръ Европы, это цѣлое море прѣсной воды, оно занимаетъ мѣсто въ 15.000 кв. миль; говорятъ, что прежде оно было еще больше и входило въ составъ пролива, который соединялъ Финскій заливъ съ Сѣвернымъ Океаномъ. Южные берега его низкіе, усѣяны камнями, называемыми валунами, сѣверные же высоки и состоятъ изъ скалъ; на сѣверѣ озеро гораздо глубже, чѣмъ на югѣ. Ладожское озеро начинаетъ замерзать въ октябрѣ, а иногда и въ декабрѣ, сѣверная же часть никогда не покрывается льдомъ раньше декабря; если морозы бываютъ небольшіе, то средина озера бываетъ совсѣмъ свободна ото льда, но въ суровыя зимы оно все сплошь покрывается льдомъ. Вскрывается оно неравномѣрно, у береговъ скорѣе, чѣмъ посрединѣ: этому способствуютъ рѣки и ручьи, которые вскрываясь несутъ свои воды въ озеро и взламываютъ ледъ у береговъ раньше, чѣмъ онъ вскроется на остальномъ пространствѣ озера. Для средины же мало вліянія температуры: тутъ требуется еще сильный вѣтеръ, онъ раскалы-

ваетъ ледъ, разбрасываетъ его по берегамъ, на которыхъ онъ сохраняется иногда до іюня.

Вода въ Ладожскомъ озерѣ такъ чиста и прозрачна, что на глубинѣ двухъ или трехъ саженей можно совершенно отчетливо различить самые мелкіе предметы, лежащіе на днѣ. Вода настолько холодна, что даже въ іюнѣ ее не рѣшаются пить, и хотя мнѣ очень хотѣлось искупаться, но я не рискнулъ, боясь простудиться и схватить сильнѣйшую зубную боль.

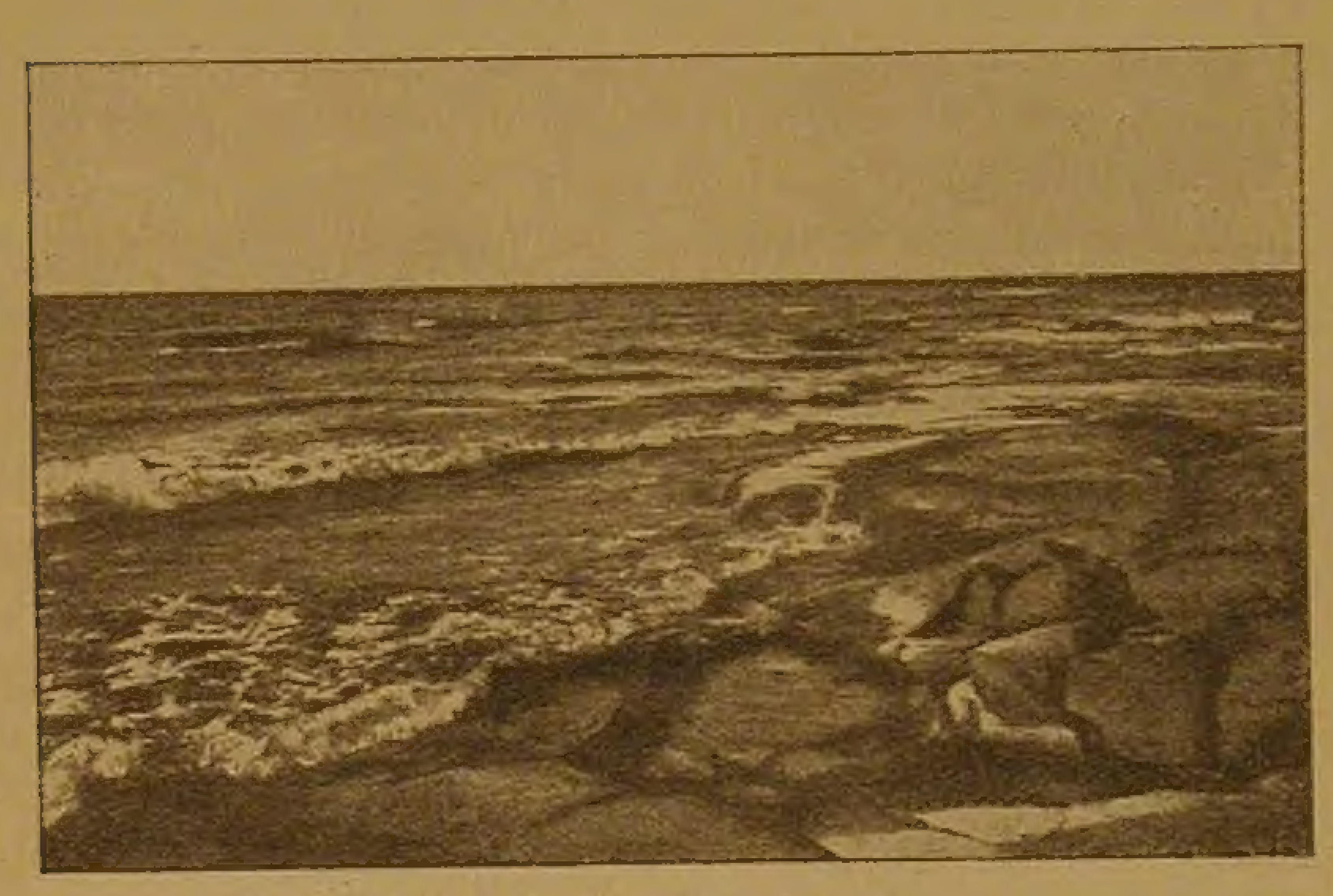


Рис. 1. Ладожское озеро.

Ладожское озеро считаютъ очень бурнымъ и опаснымъ для плаванія; говорятъ, будто бы въ немъ находится много подводныхъ камней, но когда его изслѣдовали, то ничего подобнаго не нашли, и если когда бываютъ крушенія, то происходятъ они чаще всего по винѣ капитановъ, очень мало знакомыхъ съ своимъ дѣломъ, и оттого, что плаваютъ по озеру большею частью плохенькія са-

модѣльныя суда. Кромѣ того, судоходство затрудняется туманами, которые появляются вскорѣ послѣ освобожденія его ото льда. Въ іюнѣ и въ іюлѣ южная часть озера бываетъ окутана туманомъ точно пеленой, такъ что береговъ нельзя совсѣмъ разглядѣть въ это время. Туманы эти бываютъ всего опаснѣе осенью, когда дуетъ сильный вѣтеръ и идетъ мелкій дождикъ. Въ это время требуется большая осторожность со стороны капитановъ, чтобы не наткнуться на камни или не встрѣтиться съ другимъ судномъ. Въ августѣ же туманъ исчезаетъ совершенно, горизонтъ становится яснымъ и чистымъ. Нѣкоторую опасность для судовъ представляетъ короткая и высокая волна, свойственная озеру; на сѣверѣ она бываетъ сильнѣе, такъ какъ озеро здѣсь глубже; когда же дуетъ сѣверо-восточный вѣтеръ, она бываетъ вездѣ одинакова. Какъ ни велико Ладожское озеро, но, когда начинаетъ бушевать вѣтеръ, то волнѣ все-таки мало простора, негдѣ разгуляться, поэтому она и высока и коротка. Эти вѣтры производятъ сильныя волны, а иногда достигаютъ силы настоящаго шторма. Въ озерѣ есть теченіе вдоль береговъ: по восточному берегу оно идетъ къ сѣверу, а тамъ загибается и спускается къ югу, къ устью Невы.

Погода стояла чудная, и я все время не сходилъ съ палубы,—наслаждался красотой озера, любовался далью. Два-три галіота, нѣсколько соймъ прошли мимо нашего парохода. Галіотъ—это двухмачтовое голландское судно, оно ввелось въ употребленіе еще при Петрѣ Великомъ. Галіоты нагружаются дровами, сѣномъ, ивовой корой. Соймы также старина-матушка: на нихъ плавали еще новго-



Рис. 2. Галіоты.

родцы во времена процвѣтанія Великаго Новгорода.

Сойма—наше родное судно; она годится на все: сойма перевозитъ черезъ Ладожское и Онежское озера богомольцевъ, ѣдущихъ изъ Петербурга въ Соловецкій монастырь, она же возитъ въ Петербургъ телятъ, живую рыбу. Я стоялъ и думалъ о томъ, сколько могло бы давать это чудное огромное озеро въ сравненіи съ тѣмъ, что оно даетъ теперь, если бы люди позаботились объ улучшеніи постройки судовъ, о болѣе основательномъ обученіи кормчихъ, если бы озеро было лучше изучено, а главное—если бы его берега были заселены болѣе развитыми и предпріимчивыми жителями, а не безграмотными старовѣрами и карелами. Мои думы были прерваны громкимъ разговоромъ по сосѣдству,—я оглянулся. Двое

мужчинъ вели оживленный разговоръ на эту же тему; одинъ изъ нихъ, старенькій, сѣденькій, говорилъ, обращаясь къ своему спутнику:

— Что жъ управляютъ нашими судами финны да сами же ладожане. Правда, финны — народъ дѣльный, да что толку-то въ этомъ, и они мало понимаютъ морское дѣло. Ну, а ладожане, кромѣ этого, еще самонадѣянны, — все-то они знаютъ; сейчасъ развернутъ передъ вами какую-нибудь раскрашенную лубочную карту, а спросить, какъ проѣхать туда-то, и получишь въ отвѣтъ что-нибудь въ родѣ того: „когда вздунетъ подсѣверный, тогда держи на востокъ, а впереди знай близко луды — мечи прочь, а исповѣдовавши воду, будешь на доброй глубинѣ, это вѣрно не сумлевай“. Вотъ и все.

— Н-да, — согласился собесѣдникъ, — что вѣрно, то вѣрно...

Къ вечеру пароходъ достигъ рѣки Свири, она значительно уже Невы, но берега ея гораздо красивѣе и живописнѣе по своимъ очертаніямъ; они поднимаются довольно высоко, покрыты густымъ лѣсомъ, за которымъ виднѣются горы, холмики, овраги. На Свири встрѣчаются значительные пороги, которые дѣлаютъ ея теченіе быстрѣе и затрудняютъ движеніе парохода; но все же она имѣетъ большое значеніе для края: она соединяетъ озера Ладожское съ Онежскимъ. Онежское озеро или Онего и меньше и уже Ладожскаго, сѣверные берега его также изрѣзаны, состоятъ изъ фіордовъ, т.-е. узкихъ, но длинныхъ и глубокихъ заливовъ съ крутыми скалистыми берегами; оно, дѣйствительно, очень опасно для плаванія вслѣдствіе своихъ „лудъ“, иначе говоря, подводныхъ камней; для обхода ихъ про-

рыть Онежскій обходный каналъ. Въ это озеро впадаютъ двѣ рѣки Шуя и Суна, знаменитыя своими водопадами, изъ которыхъ самый главный —Кивачъ, привлекающій каждый годъ немалое количество путешественниковъ.

Онего замерзаетъ сплошь, такъ что зимой черезъ него можно ѣхать прямо на саняхъ. Въ



Рис. 3. Колоссальный камень въ Церковной губѣ Онежскаго озера.

сильные морозы ледъ на озерѣ трескается иногда на сажень шириной; мѣстные жители возятъ за собой для такихъ случаевъ доски, по которымъ переводятъ лошадей и перетаскиваютъ возы. Онего имѣетъ около 300 верстъ въ окружности и называется мѣстными жителями моремъ. Въ немъ живутъ разныя рыбы и животныя, напримѣръ, тюлени, которыхъ можно видѣть зимой на отдѣльно плавающихъ льдинахъ. Онежское озеро

вскрывается раньше Ладожскаго; вообще же оно имѣетъ меньшее значеніе, хотя и могло бы приносить большую пользу, если бы попало въ лучшія руки. Но и теперь на его заливахъ и островахъ живетъ и кормится не мало народу. По немъ сплавляютъ лѣсъ; суда, нагруженныя хлѣбомъ и другими товарами, отправляются въ Петрозаводскъ, Повѣнецъ и другіе города. Хотя на Онежскомъ озерѣ встрѣчаются частыя мели, но все же судоходство на немъ обширное. Къ Вознесенской пристани приходитъ каждый годъ нѣсколько сотъ судовъ и десятки тысячъ бревенъ въ плотахъ. На Вознесенской пристани производится постройка судовъ, какъ рѣчныхъ, такъ и для плаванія по озерамъ. На одномъ изъ фіордовъ, тамъ, гдѣ въ Онежское озеро впадаетъ рѣка Лососинка, находится губернскій городъ Петрозаводскъ, который основалъ Петръ Великій въ 1703 году. Такъ какъ пароходъ останавливается у этого пункта и дальше ѣхать водою нельзя, то мнѣ и пришлось остановиться въ этомъ городѣ. Внѣшній видъ его довольно красивъ, онъ расположенъ на горѣ и весь утопаетъ въ зелени. Здѣсь еще до сихъ поръ на площади сохранился соборъ, построенный Петромъ Великимъ; служба въ немъ совершается разъ въ годъ, въ Петровъ день. На этой же площади недавно выстроили еще новый соборъ, наподобіе московскаго храма Христа Спасителя, только въ значительно меньшихъ размѣрахъ. Осматривать въ этомъ городѣ особенно нечего: на городской площади—памятникъ Петру Великому, мѣстный музей, въ самомъ городѣ Александровскій пушечный литейный заводъ,— вотъ и всѣ достопримѣчательности. Много жизни и красоты Петрозаводску придаетъ озеро. Я по-

шелъ полюбоваться имъ поближе: оно было спокойно, кое-гдѣ мелькали лодки съ рыбаками. Я подошелъ въ то самое время, когда одна изъ лодокъ причаливала къ берегу; началась разгрузка рыбы: тутъ были и лососи, и сиги, и



Рис. 4. Поръ-Порогъ на Сунѣ.

окуни, и щуки, и налимы, болѣе же всего стерлядей и сомовъ, которыхъ, какъ мнѣ разсказывали, прежде здѣсь не было; говорятъ, будто бы они стали заходить сюда изъ Волжскаго бассейна послѣ прорытія Маріинскаго канала. Я разговорился съ рыбаками, разспрашивая ихъ о ихъ жизни

и промыслѣ. Оказалось, что они все время рыбачили на Ладожскомъ озерѣ, что въ немъ рыбы куда больше, чѣмъ здѣсь, что собираются они обыкновенно цѣлыми артелями, покупаютъ общій неводъ, - одному не подъ силу, дорого; потомъ рыбу дѣлятъ поровну: зарабатываютъ хоть не очень много, а все же кормиться можно. Рыбешку, которая похуже, помельче, оставляютъ себѣ, ѣдятъ дома, въ голодные годы мелютъ ее въ муку, подсыпаютъ къ ржаной и пекутъ хлѣбы. Рыбу, что получше, да покрупнѣе, во всѣхъ видахъ—и живой, и копченой, и соленой—отправляютъ въ Петербургъ: хотѣлось мнѣ поподробнѣе поговорить съ рыбаками о ихъ житьѣ-бытьѣ, но я спѣшилъ въ гостинницу за моими спутниками, съ которыми я еще на пароходѣ сговорился отправиться вмѣстѣ на Кивачъ.

Прежде чѣмъ попасть на Кивачъ надо было миновать большое богатое село Шую, расположенное по обоимъ берегамъ рѣки того же названія. Это древнее торговое село состоитъ изъ 13 деревень; въ немъ бываютъ большія ярмарки, на которыя съѣзжается много народу; шуйскіе крестьяне большею частью раскольники, народъ зажиточный; говорятъ, они разбогатѣли еще больше отъ добыванія озерной и болотной желѣзной руды. Отъ Шуи мы двинулись по дорогѣ, ведущей къ Кончезерскому чугунно - машинному заводу. Дорога эта удивительно красива и живописна, по обѣимъ сторонамъ ея тянутся два длинныхъ узкихъ озера Кончезеро и Укшозеро: они отдѣлены другъ отъ друга скалистымъ перешейкомъ. Нѣсколько выше лежитъ Пертоозеро. Всѣ три озера расположены террасами, одно выше другого. Природа удивительно напоминаетъ Финляндію: озера,

надъ водой гранитныя скалы, поросшія густымъ лѣсомъ. Здѣсь-то между Укшо и Кончезерами и стоитъ большой заводъ, устроенный Петромъ Великимъ. На Кончезерѣ, по разсказамъ крестьянъ, столько островковъ, сколько дней въ году; они всѣ расположены вдоль озера и носятъ названіе



Рис. 5. Обвалъ горы Ругоза около Кончезера.

„святыхъ"; только одинъ островъ, Богъ вѣдаетъ, почему легъ поперекъ, зато и получилъ кличку „Дуракъ".

Такъ какъ дорога была не ближняя и довольно утомительная, то мы рѣшили отдохнуть и заночевать въ первой попавшейся деревушкѣ, чтобы на другой день съ новыми силами отправиться дальше. На утро мы двинулись къ рѣкѣ Сунѣ, чтобы попасть на водопадъ. Берега Суны

возвышенные, покрыты сплошь березовымъ и сосновымъ лѣсомъ; теченіе ея очень быстро; по ней сплавляется много лѣса, но сплавъ сильно затрудняетъ водопадъ или, какъ его иначе называютъ, „падунъ". Иныя бревна, попадая въ ревущій, бурный потокъ, разбиваются въ щепы, другія же послѣ продолжительнаго ныряніи и подбрасыванія появляются на поверхности цѣлыми и невредимыми.

Къ часу пополудни, въ самый жаръ, мы остановились въ лѣсу, въ глубокомъ облакѣ водяной пыли, на краю спуска съ высокой горы. Подлѣ гдѣ-то, изъ-за деревьевъ, ревѣлъ Кивачъ. Необходимо было спуститься къ Кивачу, не въ экипажахъ, а пѣшкомъ, что мы и сдѣлали; въ противномъ случаѣ мы лишились бы удовольствія видѣть, какъ мало-по-малу, влѣво, изъ-за густой хвои и стволовъ деревьевъ сквозь прозрачныя полуденныя тѣни, залегавшія въ лѣсу, мѣстами пронизанныя яркими снопами лучей солнца, неслись однѣ за другими, сначала бѣлыми клочьями, а потомъ огромными, бѣшеными бѣлыми массами, вихрившіяся стремнины Кивача. Еще нѣсколько шаговъ, и лѣсъ отступилъ совсѣмъ, и свирѣпый „падунъ" во всей своей дикой красѣ явился передъ нами, влѣво отъ моста, перекинутаго черезъ Суну. Моста этого ранѣе не было, и не было поэтому лучшаго вида на Кивачъ, съ разстоянія какихъ-нибудь ста саженъ, прямо лицомъ къ лицу съ грознымъ водопадомъ. Подъ ногами нашими уносились подъ мостъ истерзанныя пѣнившіяся струи воды, только что побывавшей въ водоворотѣ; множество столбиковъ бѣлой пѣны, точно плавающія башенки двигались передъ нашими глазами съ замѣча-

тельной быстротой. А влѣво въ блескѣ полуденнаго солнца, высился самъ падунъ, неумолкаемый, вѣчный, чудесный, точно бѣлый царь этой глухой, далекой мѣстности, изрекающій ка-



Рис. 6. Осиновый лѣсъ близъ Кивача.

кіе-то невѣдомые, все покрывающіе своими звуками законы.

Вблизи Кивачъ страшнѣе, величественнѣе своей семисаженной высотой, своими сердитыми бѣлыми кудрями. но вы какъ-то не овладѣваете имъ, вы его не окидываете взглядомъ въ той



Рис. 7. Кивачъ.

несокрушимой рамѣ, которая ему назначена и которая такъ безподобно хороша при взглядѣ на него съ моста. Желтоватая вода Суны, точно не предвидя, плавно, хотя и быстро подкатывается сверху къ водопаду. У самаго края его вы видите, какъ во всю ширину рѣки ее точно вздуваетъ: какъ бы слегка закипая, мощно изгибаясь, струи рѣки сразу попадаютъ въ стремнину, въ острый уголъ, образуемый двумя главными утесами. Что происходитъ тамъ, между этихъ двухъ утесовъ, этого не описать. Всѣхъ глаголовъ русскаго языка, изображающихъ стукъ и дѣйствіе, не хватитъ для этого описанія. Огромный плотъ съ зажженными на немъ грудами хвои, спущенный въ него, десятки балокъ, все это уходитъ въ него, поглощается. Говорятъ, что когда-то

былъ такой человѣкъ, который, попавъ въ водопадъ, увидѣлъ, пройдя его, свѣтъ Божій вторично.

Трудно повѣрить. Должно быть въ самомъ центрѣ водопада русло рѣки изрыто чрезвычайно глубоко, потому что огромныя пятисаженныя балки, попавъ въ него, пробывъ болѣе или менѣе долго подъ водой, выскакиваютъ изъ какихъ-то невѣдомыхъ глубинъ сломанныя, точно небольшіе карандашики [1]).

Во время своего недолгаго путешествія мнѣ удалось побывать во всѣхъ губерніяхъ Озернаго края, но особенно интереснымъ мнѣ показался сѣверо-западъ, т.-е. Олонецкая губернія.

Чѣмъ особенно поразилъ меня Озерный край и сѣверо-западъ въ особенности—это огромнымъ



Рис. 8. Водопадъ Гирвасъ на р. Сунѣ.

[1] Случевскій. «По сѣверо-западу Россіи».

количествомъ воды и лѣса. Лѣса тянутся на очень большомъ пространствѣ, они занимаютъ до 8.000.000 десятинъ и такъ густы, что имѣютъ видъ какихъ-то дебрей. Коренной житель привыкъ къ своей природѣ, къ своимъ угрюмымъ лѣсамъ, но человѣка заѣзжаго приводятъ въ изумленіе эти непроходимыя дебри, высокія, могучія сосны, огромныя заросли можжевельника, обросшіе мхомъ валуны, цѣлая масса мха, который фантастически окутываетъ вѣтви, охватываетъ сучья валежника; озера съ своей гладкой зеркальной поверхностью, разбросанныя тамъ и тутъ, отражающія въ себѣ мрачныя сосны-великаны. При взглядѣ на эту дикую красоту, невольно приходятъ на умъ слова изъ извѣстнаго стихотворенія: „тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ слѣды невиданныхъ звѣрей, избушка тамъ на курьихъ ножкахъ стоитъ безъ оконъ, безъ дверей". Говорятъ, что въ давнія времена въ Озерномъ краѣ было еще больше лѣса, но по мѣрѣ заселенія его лѣса стали вырубать, употреблять въ дѣло.

Олонецкая губернія, какъ болѣе удаленная отъ центра, сохранила больше лѣсовъ. Нѣкогда въ эти лѣса стремились раскольники, боясь преслѣдованія за вѣру со стороны властей. Здѣсь и до сихъ поръ можно встрѣтить еще вѣковые лѣса, нетронутые рукой человѣческой, мѣста, куда нельзя проѣхать ни весной ни лѣтомъ:

„Туды мала птица не залетываетъ,
Сѣрый заюшко не проскакиваетъ,
Извозчики туда не заѣзживаютъ,
Перехожіе калики не захаживаютъ".

Сѣверо-западъ Озернаго края имѣетъ большое сходство съ Финляндіей,—такіе же холмы, наз. здѣсь олонецкими; они состоятъ изъ невысокихъ

отдѣльныхъ кряжей и составляютъ продолженіе финляндскихъ горъ; такіе же огромные валуны, покрытые мхами, каменныя гряды „заборы“, называемые сельгами; скалы въ видѣ обточенныхъ холмовъ, носящихъ названіе „бараньихъ лбовъ“. Между ними въ долинахъ бѣлѣютъ озера, имѣющія преимущественно узкую удлиненную форму



Рис. 9. Обвалъ горы Зимней (Заонежье).

и большею частью вытянуты въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Къ югу мѣстность измѣняется, она принимаетъ видъ равнины, но равнина эта не утомляетъ глазъ своимъ однообразіемъ, какъ степныя пространства южныхъ губерній. Масса озеръ, невысокіе холмики, покрытые зеленью, ручьи, небольшія рѣчки, пашни съ зрѣющими хлѣбами, — все это придаетъ мѣстности очень живописный характеръ.

Вода окружаетъ Озерный край со всѣхъ сторонъ, куда ни посмотришь — озера и озера всевозможныхъ разнообразныхъ формъ; у мѣстныхъ жителей существуетъ легенда о томъ, что даже земля и горы произошли отъ воды: сначала въ мірѣ была одна вода да вѣтеръ; вѣтеръ дулъ, вода волновалась, шумѣла; неугомонный ропотъ ея несся къ небу и безпокоилъ Бога. Наконецъ Богу это очень надоѣло; разгнѣванный, онъ однимъ словомъ приказалъ окаменѣть волнамъ. Волны, какъ были, такъ и остановились, окаменѣли, превратились въ горы; отдѣльныя брызги превратились въ камни и скалы; благодаря дождямъ, въ углубленіяхъ между горъ образовались озера и рѣки; первоначальную форму волнъ горы утратили уже постепенно. Въ Олонецкой губерніи насчитывается болѣе 2000 озеръ; они очень интересны своими особенностями; есть среди нихъ такія, которыя исчезаютъ по временамъ; вообще же озера постепенно усыхаютъ и зарастаютъ. Временно исчезающихъ озеръ семь: Шимозеро, Долгоозеро, Куштозеро, Каинское, Уидозеро, Кочеозеро, Альмозеро. Въ этихъ озерахъ вода по временамъ исчезаетъ, она уходитъ въ такъ называемыя пучины, т.-е. воронкообразныя отверстія на днѣ; что онѣ дѣйствительно существуютъ, и что вода уходитъ именно туда, можно видѣть потому, что, въ то время какъ вода исчезаетъ изъ озера, рыба, находившаяся раньше въ нихъ, появляется вдругъ въ колодцахъ: это доказываетъ, что между озеромъ и колодцемъ существуетъ подземная связь. Иногда озера на время исчезаютъ совершенно, на осушенномъ днѣ ихъ образуются покосы. Рыба, которой бываетъ очень много въ такихъ озерахъ, не всегда успѣ-



Рис. 10. На берегу Крестозера (Лодейнопольск. у.).

ваетъ уйти, и жители ловятъ ее въ большомъ количествѣ послѣ ухода воды. Всѣ эти странныя явленія жители объясняютъ не иначе, какъ вмѣшательствомъ водяного. О Куштозерѣ у нихъ есть легенда такого содержанія: обитатель Куштозера водяной царь, по разсказамъ, страшный любитель игры въ карты, кости, вообще во всякую азартную игру. Познакомился онъ какъ-то съ Онежскимъ водянымъ царемъ и, такъ какъ тотъ обладалъ большимъ пространствомъ водъ и вообще имѣлъ больше достатковъ, да и правила игры зналъ гораздо лучше, то и оставался всегда въ выигрышѣ; захолустный Куштозерскій водяной царь почти каждый разъ проигрывался. Сначала проигрывалъ онъ деньги, потомъ воду и рыбу и, наконецъ, закабалилъ самого себя. Проигравши себя, онъ долженъ былъ по временамъ уходить въ Онего зарабатывать свой проигрышъ.

И вотъ, когда онъ уходилъ, то въ озерѣ и не оставалось ни капли воды, пока онъ не возвращался обратно; какъ только же онъ возвращался въ свое мѣсто, онъ приводилъ назадъ воду и рыбу и опять жилъ до тѣхъ поръ, пока не приходило время уходить на службу.

Зарастающихъ озеръ съ годами прибавляется все больше и больше. Зарастаніе озеръ происходитъ не только въ Озерномъ краѣ, но и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Зарастаютъ озера такимъ образомъ: у береговъ озера, гдѣ глубина воды не превышаетъ аршина, появляются густыя заросли тростника, камыша и другихъ растеній съ высокими стеблями. Тростникъ имѣетъ большую способность разрастаться; жители нѣкоторыхъ деревень по восточному берегу Чудского озера, разводятъ тростникъ для защиты берега отъ наводненій: заросли тростника образуютъ часто цѣлые лѣса. За полосой тростника, гдѣ глубина озера сразу становится значительнѣе, поверхность воды часто бываетъ покрыта очень большими листьями бѣлыхъ и желтыхъ кувшинокъ; берега озеръ, даже если они высоки и скалисты, постепенно выравниваются, понижаются, размываемые дождевыми и снѣговыми водами, а смытые съ береговъ осадки сносятся въ озеро. По мѣрѣ накопленія ила озеро мелѣетъ, хотя и разливается въ ширь, затопляя мелкія прибрежья; тростникъ и сопровождающія его растенія, осока и др., переплетаются своими корневищами и, ежегодно отмирая, повышаютъ дно. Такимъ образомъ, озеро постепенно мелѣетъ, и дно медленно покрывается гніющими растительными остатками. Площадь озера вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается, т.-е. увеличивается испареніе съ его поверхности. Въ

концѣ-концовъ озеро превращается въ зыбкое болото, вскорѣ на немъ, какъ на готовой почвѣ, появляются еще кустарниковыя и древесныя растенія, которыя дѣлаютъ его еще плотнѣе, такъ что онъ бываетъ способенъ выдерживать даже тяжесть человѣческаго тѣла, хотя подъ ковромъ находится нерѣдко слой воды въ нѣсколько аршинъ глубины и поэтому ходить по немъ очень рискованно; обыкновенно для этого употребляютъ двѣ доски, которыя подкладываютъ подъ ноги попеременно: въ случаѣ опасности, когда почувствуешь, что начинаешь погружаться, за нихъ очень удобно ухватиться. Если озеро не особенно велико, то оно можетъ совсѣмъ зарасти описаннымъ путемъ, при чемъ иногда отъ прежняго бассейна остается только нѣсколько „оконъ" или „окнищъ" на мѣстѣ наиболѣе глубокихъ котловинъ озера, которыя, однако, въ концѣ-концовъ также медленно исчезаютъ, и озеро превращается въ настоящее болото. Сравненіе старыхъ картъ какого-нибудь озера съ современнымъ его состояніемъ очень часто указываетъ на болѣе или менѣе замѣтное уменьшеніе размѣровъ озера, что можетъ быть объяснено только зарастаніемъ.

О существованіи воды или жидкаго болота подъ слоемъ почвы, кажущейся на первый взглядъ твердой, приходится узнавать иногда только случайно. И въ Западной Европѣ и у насъ бывали случаи, когда желѣзнодорожныя насыпи безслѣдно исчезали подъ болотнымъ покровомъ. Такой случай былъ, напримѣръ, при постройкѣ Николаевской желѣзной дороги, насыпь которой у станціи Колпино, уже доведенная до конца, провалилась, хотя поверхностная кора этихъ болотъ была крѣпка и имѣла видъ твердой почвы.

Еще чаще озера превращаются въ торфяники, т.-е. затягиваются разрастающимся моховымъ покровомъ, поэтому такъ называемыя торфяниковыя болота занимаютъ обширныя пространства въ нашемъ краѣ.

Торфяниковый мохъ—это маленькое некрасивое растеньице, которое, несмотря на всю свою невзрачность, имѣетъ большое значеніе для всего края. Вѣточки этого мха зеленыя, мягкія, при высыханіи онѣ становятся бѣлыми: мхомъ перекладываютъ бревна при постройкѣ избъ.

Выше было сказано, что каждое озеро, подъ вліяніемъ сноса съ береговъ, повышая свой уровень, затопляетъ береговыя низины. На этихъ мелководныхъ мѣстахъ охотно поселяется мохъ. Очень быстро размножаясь и заболачивая прилегающій берегъ, мохъ, какъ губка, жадно впитываетъ влагу изъ воздуха и превращаетъ захваченную имъ площадь въ болото.

Разрастаясь все далѣе и далѣе отъ озера на берега, онъ подходитъ къ лѣсу, окутаетъ деревья своими влажными кольцами, и онѣ медленно гибнутъ отъ излишней влажности, а болѣе всего оттого, что корни ихъ оказываются погруженными въ медленно и поздно оттаивающій ледяной слой. Поэтому на всѣхъ такихъ болотахъ уныло и одиноко здѣсь и тамъ стоятъ полуизсохшія деревья, сгубленныя мхомъ, а въ нѣдрахъ болота не мало погибшихъ сосенъ и елей, затянутыхъ въ его трясины. На торфяниковыхъ болотахъ растетъ клюква, морошка, голубика; крестьяне собираютъ много этихъ ягодъ, про голубику же говорятъ, что сборъ ея особенно труденъ, будто бы отъ нея болитъ и кружится голова: но это вовсе не такъ, ихъ вводитъ въ

заблужденіе богульникъ, растеніе, которое обладаетъ сладкимъ одурманивающимъ запахомъ и которое растетъ всегда по сосѣдству съ голубикой. Въ этихъ болотахъ водится очень много дичи, особенно куропатокъ.

Невольно при взглядѣ на окружающую природу, на огромное количество воды, придетъ на умъ вопросъ, откуда появилась она въ такомъ изобиліи, что за причины ея распространенія по всему Озерному краю.

Въ отдаленныя времена вся эта страна представляла изъ себя огромный ледникъ, толщина льда равнялась 1000 метрамъ; край напоминалъ своимъ видомъ Гренландію, которая и теперь почти вся лежитъ подъ ледянымъ покровомъ. Съ сѣверо-запада, съ Скандинавскихъ горъ, надвинулся въ предѣлы Россіи ледникъ. Распространяясь все дальше и дальше къ югу, онъ облекъ всю сѣверную и среднюю Россію сплошнымъ снѣжно-ледянымъ саваномъ. Вся обширная равнина погрузилась въ непробудный, длившійся сотнями вѣковъ сонъ; растительная и животная жизнь сохранилась только на югѣ,—и тамъ, гдѣ теперь красуются большіе города, гдѣ по судоходнымъ рѣкамъ бѣгутъ пароходы, тащатся барки, гдѣ подъ мирную пѣсню жаворонка цвѣтутъ поля и нивы,—тамъ развертывались унылые пейзажи далекаго сѣвера... Угрюмое небо, подъ нимъ безграничная ледяная пустыня, холодное не грѣющее солнце и снѣгъ, искрящійся безчисленными огоньками... Мертвая тишина, никакихъ слѣдовъ жизни.

Не только одна Россія была окована ледянымъ покровомъ, такимъ же непробуднымъ сномъ спала и значительная часть сѣверной Европы. Вся площадь, покрытая льдомъ, въ Европѣ дости-

гала 6 милліоновъ квадратныхъ километровъ, что составляетъ почти $^{1}/_{3}$ всего европейскаго материка. Въ виду такого огромнаго распространенія льдовъ описываемую эпоху называютъ *ледниковою*.

Великій ледникъ, облекшій поверхность Россіи, находился въ движеніи: онъ медленно сползалъ и разрушалъ все, что попадалось ему на пути: встрѣчая гранитныя скалы, ломалъ и увлекалъ ихъ за собой, бороздилъ землю, выпахивалъ рытвины, ложбины, если ему на пути попадалась рѣка, озеро, даже морской заливъ, онъ врѣзывался въ нихъ. Поверхность ледника была свободна отъ обломковъ, но зато на днѣ своемъ ледникъ несъ огромныя массы обломочнаго матеріала и нерѣдко камни огромныхъ размѣровъ: глядя на нихъ, можно поражаться силѣ и могуществу ледника. Когда ледъ стаялъ, весь обломочный матеріалъ остался на поверхности. Такимъ образомъ памятниками ледниковой эпохи въ Россіи являются заносные камни или *валуны*, величина которыхъ достигаетъ очень большихъ размѣровъ. Самые крупные валуны извѣстны въ Финляндіи, Олонецкой и Петербургской губерніяхъ. Здѣсь камни въ ростъ человѣка встрѣчаются очень часто. Однимъ изъ замѣчательныхъ валуновъ этой мѣстности является „Конь-камень" на островѣ Коневцѣ, послужившій фундаментомъ для цѣлой церкви. Другой замѣчательный валунъ доставилъ матеріалъ для подножія памятника Петра Великаго въ Петербургѣ. Онъ вѣсилъ первоначально 600.000 пудовъ. До обработки эта глыба носила среди мѣстныхъ жителей названіе „Громъ-камень". На валунахъ сохранились еще до сихъ поръ штрихи, борозды и царапины, онѣ всѣ тянутся съ с.-с.-з. на ю.-ю.-в. по направле-

нію движенія ледника и обладаютъ удивительной правильностью: кажется, будто они проведены по линейкѣ гигантскимъ рѣзцомъ.

Горы края были прежде много выше: сползая съ ихъ склоновъ, ледникъ сглаживалъ ихъ, понижалъ и оторванными скалами, перетеревъ ихъ отчасти въ щебень и даже глину, засыпалъ до-



Рис. 11. Каменистый берегъ Валаама.

лины и низменности между горами и по сосѣдству съ ними. Оторванные отъ горъ осколки располагаются всегда на ледникахъ грядами, вдоль ледника, а на концѣ его и поперекъ, кромѣ того, дно ледника, его бока начинены, такъ сказать, всякими обломками, измельченными отъ тренія другъ объ друга и о бока долины.



Рис. 12. Порогъ Порусъ на р. Сегежѣ.

Мѣстами песокъ, щебень, камни, глина, смѣшавшись вмѣстѣ, образовали довольно живописные холмы, между которыми въ котловинахъ тамъ и тутъ появились озера и болота. Мало-помалу ледъ сталъ таять, съ юга отодвигаться къ сѣверу, наконецъ, растаялъ совершенно: вода наполнила собой всѣ глубокія трещины и рытвины, и вся страна покрылась многочисленными озерами. Нѣкоторыя сохранились и до сихъ поръ, но многія изъ нихъ исчезли, превратившись въ торфяникъ. Такъ сложились черты пестраго и не лишеннаго прелести *моренного ландшафта*. Ледниковая эпоха оставила значительные слѣды своего пребыванія. Граниты и гнейсы, слагающіе поверхность Финляндіи, Олонецкаго края, представляли благопріятное поле для дѣятельности льда. Сползая по поверхности скалъ, протаскивая по нимъ огромныя массы суглинковъ и песковъ,

ледъ шлифовалъ и полировалъ эти каменныя массы и нерѣдко придавалъ имъ своеобразныя очертанія „бараньихъ лбовъ“. Въ Олонецкой губерніи примѣромъ „бараньяго лба“ можетъ служить огромная скала, на которой расположено село Соломенное. Много „бараньихъ лбовъ“ можно видѣть на берегахъ рѣки Суны, особенно вблизи водопада Гирваса.

Климатъ въ этой странѣ озеръ, лѣсовъ и болотъ суровый, сырой; но все же онъ гораздо теплѣе другихъ мѣстностей, лежащихъ восточнѣе подъ той же широтой: онъ смягчается близостью Балтійскаго моря, Финскаго залива, Ладожскимъ и Онежскимъ озерами. Вліяніе этого послѣдняго особенно замѣтно на Заонежьѣ, гдѣ климатъ зна-



Рис. 13. Часть „бараньяго лба“.

чительно мягче. На западѣ Россіи климатъ вообще умѣреннѣе, чѣмъ на востокѣ, это объясняется вліяніемъ Гольфштрома, теплаго заливнаго теченія Атлантическаго океана. Заливнымъ его называютъ потому, что, прежде чѣмъ вступить въ океанъ, оно описываетъ большой кругъ въ Мексиканскомъ заливѣ. Ни одно теченіе не имѣетъ такого большого вліянія на климатъ. Гольфштромъ представляетъ собой быструю, широкую и теплую рѣку въ океанѣ, русло ея состоитъ изъ холодной воды; одинъ изъ знаменитыхъ писателей такъ говоритъ о Гольфштромѣ: „Есть одна рѣка въ океанѣ, она не высыхаетъ во время сильныхъ засухъ и не разливается во время самаго большого половодія. Берегами ея и русломъ служатъ слои холодной воды, между которыми быстро струятся ея теплыя синія воды. Нигдѣ на земномъ шарѣ нѣтъ столь величественнаго потока“. Гольфштромъ несетъ массу теплой воды, которая имѣетъ великолѣпный лазурный цвѣтъ.

Зима въ Озерномъ краѣ тянется мѣсяцевъ пять. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля снѣгъ начинаетъ исчезать, становится теплѣе: когда же на сѣверѣ начинаютъ вскрываться рѣки Сѣв. Двина, Печора и др., появляется восточный вѣтеръ и снова выпадаетъ снѣгъ и наступаютъ холода.

Обыкновенно почки на деревьяхъ здѣсь вскрываются въ первыхъ числахъ мая. Весенній возвратъ холодовъ очень вредитъ растительности и посѣвамъ, такъ что огородничество здѣсь въ самомъ жалкомъ видѣ, капуста, напримѣръ, почти вся пропадаетъ.

Со второй половины іюля начинаетъ чувствоваться приближеніе осени; небо большею частью

покрыто сѣрыми тучами, дождь идетъ, какъ изъ сита, постоянные густые туманы; вслѣдствіе влажности, тумановъ, испареній отъ болотъ, распространяются лихорадки, ревматизмы и другія болѣзни.

Озерный край одна изъ наиболѣе орошаемыхъ мѣстностей Европейской Россіи, и ненастныхъ дней здѣсь больше, чѣмъ ясныхъ. Больше дождей выпадаетъ осенью, а конецъ весны и начало лѣта— самое сухое время. Атмосферные осадки выпадаютъ неравномѣрно во всей области, больше всего въ Олонецкой губерніи.

Почва края мѣстами глинистая, болотистая, песчаная; чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ она становится каменистѣе, болѣе засыпана обломками гранита; она очень неплодородна, неудобна для обработки. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ климатическихъ условій и неплодородной почвы, земледѣліе далеко не процвѣтаетъ; надо много унавоживать землю, чтобы получился порядочный урожай, а держать много скота жители не имѣютъ возможности, такъ какъ нѣтъ хорошихъ пастбищъ, да и много скота истребляютъ волки, медвѣди и моровая язва, очень распространенная здѣсь; она является слѣдствіемъ пребыванія въ сырой и болотистой мѣстности. У здѣшнихъ крестьянъ существуетъ особенная система земледѣлія, называемая „огневой“ или подсѣчной. Одинъ изъ писателей изображаетъ такой картиной работу на подсѣкѣ: „Едва весеннее солнце сгонитъ снѣгъ, какъ олончанинъ,—приземистый крѣпышъ,—отправляется въ лѣсъ. На деревьяхъ еще только распускается листъ, и холодъ такъ силенъ, что нѣтъ возможности снять съ себя тяжелую зимнюю одежду. На крестьянинѣ, поверхъ синей холстинной или розовой ситцевой рубахи, надѣта еще вязаная изъ толстой шерсти рубашка,

длиною по поясъ, а на ней овчинный полушубокъ, да на полушубкѣ суконный кафтанъ, подпоясанный кушакомъ; на головѣ баранья шапка. Тяжела такая одежда для весны, когда въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстахъ уже цвѣтетъ ландышъ и свищетъ соловей. Но что подѣлаешь, когда нѣтъ еще тепла въ сѣверной сторонѣ, а въ лѣсахъ, по низинамъ и оврагамъ, кое-гдѣ лежитъ снѣгъ. Узкою, еле замѣтною, лѣсною тропинкою пробирается крестьянинъ, тяжело шлепая по лужамъ неуклюжими сапогами изъ бѣлой кожи, подъ которыми для тепла обуты суконныя онучи. Съ тропинки крестьянинъ свернулъ въ лѣсную чащу и все идетъ впередъ, осторожно пробираясь мимо камней, перелѣзая черезъ поваленныя вѣтромъ деревья, обходя болота и крутыя скалы, переправляясь черезъ ручьи.

Въ лѣсу онъ свой человѣкъ,—каждый ручеекъ знаетъ, всѣ щелья еще мальчишкой облазилъ, всѣ сельги во время осенняго полѣсья (охоты) обходилъ, около болотъ зимою на лѣсной заготовкѣ работалъ. Но лѣсъ такъ обширенъ и дикъ, что иной разъ крестьянинъ съ недоумѣніемъ останавливается и, оглядываясь по сторонамъ, соображаетъ: куда онъ зашелъ? куда дальше путь держать? По направленію сучьевъ сосны и ели онъ отыскиваетъ сѣверъ и безошибочно направляетъ свой путь дальше.

Наконецъ передъ нимъ знакомая сельга, а вотъ и памятная кривая береза, на которой „осеннись въ лонскомъ году“ (осенью въ прошломъ году) онъ сдѣлалъ зарубку топоромъ, когда полѣсовалъ (охотился) въ здѣшнихъ мѣстахъ. Съ глубочайшимъ вниманіемъ онъ осматриваетъ всю сельгу, потомъ идетъ дальше отыскивать другую

знакомую сельгу, а отъ другой—къ третьей и т. д. Это онъ выбираетъ удобное мѣсто расчистить подсѣку. Выборъ мѣста для подсѣки—дѣло очень важное, отъ котораго вполнѣ зависитъ хлѣбный урожай. Поэтому при выборѣ нужно принять въ расчетъ много разныхъ условій, и особенно обратить вниманіе на почву и породу лѣса. Къ счастью, два послѣднія условія большею частью совпа-



Рис. 14. Поселокъ у крестьянина на р. Сежѣ.

даютъ между собою. Гдѣ растетъ лиственный лѣсъ,—береза, осина, ольха съ ивнякомъ, тамъ почва содержитъ въ себѣ много добраго для земледѣльца перегноя, тамъ она покрыта сочной травою и цвѣтами, туда лѣтомъ бабы ходятъ собирать грибы: это самыя лучшія и дорогія мѣста для подсѣкъ. Гораздо хуже по плодородію та подсѣка, гдѣ растетъ ель и гдѣ почва глинистая. Если ель смѣшана съ березою и осиною, то и

почва содержитъ въ себѣ больше суглинка и перегноя, и урожай здѣсь лучше. Но когда ель растетъ въ смѣси съ сосною, тогда подъ ними глинистая почва бываетъ покрыта слоемъ мха и даетъ худшій урожай. Самое плохое мѣсто для подсѣки, гдѣ преобладаетъ сосна, а подъ нею песчаная почва, слабо прикрытая перегноемъ опавшей хвои.

Когда выборъ для подсѣки сдѣланъ, весеннее солнце просушитъ землю, и листъ на деревѣ развернется въ копейку, обыкновенно въ началѣ іюня или въ концѣ мая, крестьянинъ срубаетъ лѣсъ на облюбованномъ мѣстѣ и оставляетъ здѣсь срубленныя деревья на цѣлый годъ, чтобы они просохли, а земля подъ ними хорошенько пропрѣла. На другой годъ въ то же самое время, крестьянинъ, выбравъ ясный и тихій день, приходитъ на мѣсто порубки и стелетъ достаточно просохшіе деревья и сучья въ небольшіе костры, подъ которыми положены жерди съ такимъ расчетомъ, чтобы по нимъ можно было передвигать костры по направленію вѣтра. Эти костры зажигаются съ подвѣтренной стороны, и огонь быстро охватываетъ все пространство сѣчи. Въ клубахъ то сѣраго, то чернаго, то синяго дыма мелькаютъ и лижутъ землю огненные языки причудливыхъ формъ, то теряясь въ густомъ дыму, то вновь ярко вспыхивая и разбрасывая вокругъ себя миріады блестящихъ искръ. И въ этой массѣ огня и дыма, и жгучихъ огненныхъ искръ, то тамъ, то здѣсь быстро мелькаетъ фигура мужика съ шестомъ въ рукахъ.

Онъ „валитъ“ лѣсъ, т.-е. передвигаетъ шестомъ костры съ мѣста на мѣсто, наблюдая, чтобы хорошенько пригорѣли древесные корни и „дубрава“ (дернъ).

Искры летятъ въ глаза ему, ѣдкій дымъ застилаетъ дыханіе, а мужикъ бѣгаетъ себѣ въ огнѣ, какъ грѣшникъ въ аду на картинѣ страшнаго суда. Послѣ такой работы рѣдкій не страдаетъ воспаленіемъ глазъ, но мало кто думаетъ объ этомъ, поглощенный одною мыслью, одной заботой—добыть хлѣбушка семьѣ. Но до хлѣбушка еще далеко. Того и гляди, поднимется сильный вѣтеръ и снесетъ съ гари или пала драгоцѣнную сажу и пепелъ, попусту развѣетъ ихъ по дикому лѣсу, и тогда даромъ пропадетъ мученическій трудъ мужика. Оттого крестьянинъ спѣшитъ, какъ можно скорѣе, очистить палъ отъ несгорѣвшихъ деревьевъ и взорать землю. Трудно сказать, что тяжелѣе—выжиганье ли, подсѣка или орка. Орютъ особою сохою съ болѣе прямыми сошниками и безъ палицы, поднимая землю не глубже $1^1/_2$ вершка. Соха то и дѣло задѣваетъ за корни, такъ что пахарь все время долженъ нести ее на себѣ, то опуская вглубь, то поднимая кверху. Тутъ нужны и опытный пахарь и привычная лошадь, иначе, того и гляди, сошка задѣнетъ за пень или корень и переломится.

За оркою прямо сѣютъ зерно и потомъ боронуютъ деревянными боронами, слаженными изъ еловыхъ плахъ съ длинными сучьями вмѣсто зубьевъ. На подсѣкѣ дѣлаются два-три посѣва, рѣдко болѣе, и потомъ она запускается подъ лѣсную заросль лѣтъ на 20—25. Чѣмъ глубже на сѣверъ, тѣмъ медленнѣе растутъ деревья, и оттого подсѣки запускаютъ подъ заросль, на болѣе продолжительный срокъ,—даже до 60 лѣтъ*.

Если сравнить мученическій трудъ крестьянина при заработкѣ подсѣкъ съ воздѣлываніемъ постоянныхъ пахотныхъ полей, то послѣднее по-

кажется не трудомъ, а забавою. Отсюда понятно, какъ велика нужда, которая гонитъ крестьянина въ лѣсъ расчищать подсѣки. Такая система хозяйства, сопряженная съ огромнымъ трудомъ, конечно, не могла быть принята, какъ постоянная, поэтому крестьянинъ при первой возможности забрасываетъ „подсѣки" и старается обработать участокъ лѣса подъ постоянную пашню или же осушить болото, что также очень трудно и тяжело. Зачастую за это принимается не только одна деревня, но нѣсколько вмѣстѣ, и если удается выполнить такую работу, то урожаи въ первые годы бываютъ огромные, когда же земля истощится, ее пускають подъ сѣнокосъ. Многіе мѣстные крестьяне разбогатѣли отъ такой осушки болота. Но не всѣ болота поддаются осушкѣ, есть такія узкія болотистыя полосы, поросшія лѣсомъ; склоны ихъ круты, дно каменисто, онѣ называются „орги". Ихъ осушить стоитъ большихъ денегъ. Подсѣчная система является какъ бы переходной ступенью отъ первобытнаго хозяйства къ постоянному, начало этому положили новгородцы, они первые начали сѣять хлѣбъ на выжженныхъ мѣстахъ.

Заброшенныя подсѣки спустя нѣсколько лѣтъ превращаются въ лѣсныя болота, такъ называемыя „лядины". Это происходитъ слѣдующимъ образомъ, когда земля истощается, ее бросаютъ, и этотъ участокъ начинаетъ зарастать мелкимъ лѣсомъ, кустарникомъ, прутнякомъ. На сожженныхъ мѣстахъ почти никогда не выростаютъ вновь ели и сосны, потому что мелкія ковровыя растенія не даютъ сѣменамъ проникать въ почву, если же и появятся вновь сосны, то вперемежку съ лиственными деревьями, которыя любятъ болѣе

сырую почву. Видъ „лядины“ безотраденъ; прутнякъ лѣзетъ отсвсюду изъ мховъ, изъ-подъ старыхъ корней, окутываетъ сгнившія деревья; что ни шагъ, то нога проваливается или въ гнилой пень, или въ топь. Деревья, сучья, корни, пни,— все окутано точно паутиной мхомъ, болотными травами, цвѣтами, а подъ всѣмъ этимъ пловучимъ покровомъ вода, гниль, такая глубокая вязкая грязь, что можно увязнуть. Для того, чтобы можно было удобнѣе пробраться, въ такихъ мѣстахъ наложенъ и хворостъ, и палки, и бревна, но и это часто мало помогаетъ при переходѣ; вообще путешествіе по „лядинамъ“ безъ человѣка свѣдущаго положительно немыслимо; лѣтомъ все-таки лучше, но весной сосѣднія деревни бываютъ отрѣзаны другъ отъ друга. Зима—самое удобное время для хожденія по этимъ мѣстамъ; вода замерзаетъ, такъ что, если даже и не очень большой снѣгъ, то все-таки нога ступаетъ на твердое мѣсто, тѣмъ болѣе, что ледъ бываетъ всегда очень крѣпкій.

Въ апрѣлѣ, во время усиленнаго таянія льда сообщеніе съ „лядиной“ очень затруднительно. Если кому изъ крестьянъ надо вывезти сѣно, накошенное лѣтомъ, или нарубленныя дрова, не вывезенныя зимой, то не мало труда и мученій приходится принять въ это время. И люди и скотъ полагаютъ много силъ, чтобы перевезти добро; они вязнутъ, чуть не по горло, по нѣскольку часовъ бьются на одномъ и томъ же мѣстѣ и, наконецъ, истомленные долгой борьбой, кое-какъ добираются до дому. Почва „на лядинахъ“ никогда не высыхаетъ, даже на сравнительно высокихъ мѣстахъ, гдѣ косятъ,—и здѣсь видна вода, земля и тутъ не совсѣмъ устойчива, такъ что не мало сѣна погниваетъ на мѣстѣ; словомъ, куда

ни ступишь, всюду трясина. Привольно живется всякой птицѣ на этихъ „лядинахъ", никто ее не безпокоитъ; а если бы и захотѣлось кому поохотиться, „лядина" не позволяетъ: пройти по „лядинѣ" безъ треска и шума — немыслимо: только ступишь, подъ ногой вода хлюпнула, слѣва переломился сухой сучокъ, справа глухо треснулъ пень, и всѣ эти звуки почему-то раздаются такъ гулко, что птица услышитъ на далекомъ разстояніи и, конечно, укроется заблаговременно въ густомъ прутнякѣ. Лядины мало удобны для посѣва, такъ какъ почва содержитъ много глины. Хлѣбъ портится: какъ въ дождливое, такъ и въ сухое время; въ дождливое время онъ вымокаетъ, а въ сухое гніетъ, -глина не пропускаетъ воду, и она задерживается у корня. Сѣна много, но оно пропадаетъ въ большомъ количествѣ, — вывозить его очень трудно, такъ какъ проѣзду мало. Рубка лѣсу даетъ здѣсь порядочный заработокъ. Кромѣ сѣна и дровъ, добываютъ еще кору ивняка, которая употребляется на дубленіе кожъ, но это занятіе сопряжено также съ большими трудностями. Вслѣдствіе сильной сырости на „лядинахъ" весной появляется цѣлая туча комаровъ, которые здѣсь такъ сильно жалятъ, такъ раздражаютъ, что человѣкъ не только не въ состояніи бываетъ работать, но смотрѣть на Божій свѣтъ не можетъ. Раскладываютъ костры, зажигаютъ пни, ничто не помогаетъ. Послѣ комаровъ наступаетъ время слѣпней, оводовъ, потомъ появляются какія-то мошки. Словомъ, „лядина" даетъ очень мало крестьянину, а трудовъ требуетъ много.

Сѣютъ жители на своихъ „подсѣкахъ" рожь, овесъ, ячмень.

Такъ какъ земледѣліе, несмотря на всѣ старанія, даетъ жителю Озерного края очень мало, то онъ и принялся за другіе промыслы.

Лѣсъ даетъ не мало прибыли и давалъ бы еще больше, если крестьяне умѣли обращаться съ нимъ, пользовались бы умно, а не такимъ хищническимъ образомъ, какъ теперь. Срубаютъ обыкновенно самыя большія деревья и берутъ только толстые стволы, а верхушки, большія вѣтки, сучья,— все это оставляется, пропадаетъ даромъ. Лѣсъ портится отъ такой безпорядочной рубки; пней не выкорчевываютъ, поэтому они трухнютъ, смѣшиваются съ перегнившими сучьями и впослѣдствіи вмѣсто чудеснаго лѣса образуется топкое болото.

Благодаря такой неправильной вырубкѣ, сколько истреблено лѣсовъ и сколько ихъ убываетъ. Въ истребленіи лѣсовъ виновато и подсѣчное хозяйство; гдѣ населеніе меньше, тамъ лѣсу больше, и наоборотъ.

Испортитъ крестьянинъ лѣсу много, посѣетъ, а какъ соберетъ урожай хлѣба, то на всю семью, дай Богъ, чтобы на мѣсяцъ хватило. Черезъ три года, много четыре, „подсѣку" бросаютъ, и это мѣсто ни на что уже больше не бываетъ пригодно. Много лѣсовъ въ Озерномъ краѣ гибнетъ отъ заболачиванія, особенно въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ достаточныхъ уклоновъ для стока воды. Въ хвойныхъ лѣсахъ, на почвахъ супесчаныхъ и суглинистыхъ, обыкновенно имѣется болѣе или менѣе густой почвенный покровъ изъ хвои, опавшихъ вѣтвей и остатковъ травянистой растительности. Особенно же много всякаго рода древесныхъ остатковъ на мѣстѣ безпорядочныхъ порубокъ. Атмосферныя воды, просачиваясь черезъ такія почвы, обогащаются кислотами (образующимися

при разложеніи органическихъ веществъ) и, дѣйствуя на почву растворяющимъ образомъ, уносятъ изъ нея все, что можетъ быть растворено, главнымъ образомъ, соединенія желѣза. На извѣстномъ разстояніи отъ поверхности обыкновенно на глубинѣ 1 фута или меньше, появляется слой, изъ котораго растворимыя вещества унесены, почему этотъ слой пріобрѣтаетъ свѣтлую, часто даже бѣлую окраску, рѣзко отличающую данный слой отъ вышележащаго чернаго. Вещества, вынесенныя изъ этого обезцвѣченнаго или оподзоленнаго слоя, отлагаются нѣсколько ниже, гдѣ образуется слой, обогащенный тѣми веществами, которыя были вынесены сверху. Этотъ обогащенный слой носитъ названіе ортштейна или рудяка. Окраска его темнобурая, главнымъ образомъ, отъ соединенія желѣза и отъ органическихъ веществъ. Ортштейнъ залегаетъ то небольшими гнѣздами, то сплошнымъ пластомъ, часто до того твердымъ, что его не только съ трудомъ пробиваетъ лопата, но и для корней деревьевъ онъ становится совершенно непроницаемымъ. Вода черезъ него также перестаетъ просачиваться, такъ что на поверхности почвы образуются ея застои, и создаются условія для заболачиванія мѣстности, для появленія лужъ воды и болотныхъ растеній,—нерѣдко на мѣстѣ стараго могучаго лѣса черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ порубки возникаетъ безотрадное топкое болото.

Лѣсъ Озернаго края состоитъ преимущественно изъ ели и сосны. Много сосенъ разсажено по берегамъ Фискаго залива на песчаныхъ наносахъ, называемыхъ дюнами; дюны—это подвижные песчаные холмы, при вѣтрѣ клубящіеся пескомъ и достигающіе иногда значительной высоты. Волны

постоянно выносить на берегъ песокъ, вѣтеръ гонитъ песокъ дальше, песчаная гора все растетъ, песокъ заносится на нѣсколько верстъ отъ береговъ и нерѣдко засыпаетъ пашню, вредитъ посѣвамъ; во избѣжаніе такихъ бѣдствій, чтобы укрѣпить дюны, ихъ засаживаютъ рядами сосенъ.

Кромѣ хвойныхъ деревьевъ, здѣсь встрѣчаются и лиственныя, напр., цѣлыя липовыя рощи, которыя попадаются въ Олонецкой губ., на Онежскомъ озерѣ. Въ Псковской губ., особенно на югѣ, тянутся великолѣпные дубовые лѣса, имѣющіе большое значеніе, какъ строительный матеріалъ. Впрочемъ, дубовые лѣса представляютъ искусственныя насажденія и могутъ расти въ очень немногихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ почва суше и, слѣдовательно, лучше защищена отъ глубокаго зимняго промерзанія, и почти исключительно на юго-западѣ Озерной области.

Встрѣчаются также осина, береза, черемуха, рябина, а изъ плодовыхъ деревьевъ на югѣ — яблоня.

Лѣсъ Озернаго края служитъ однимъ изъ важныхъ источниковъ торговли и вообще развитія мѣстныхъ промысловъ. Куда только ни идетъ лѣсъ—и на „подсѣки“, и на постройки, и на всякаго рода издѣлія. Строевой лѣсъ вырубаютъ, сплавляютъ, распиливаютъ на доски, дрова; кора и та идетъ въ дѣло; изъ коры березы вьютъ веревки, дѣлаютъ короба, сумки для переноски вещей, въ глухихъ деревняхъ даже сапоги дѣлаютъ изъ бересты и посуду, напримѣръ, берестяные котлы. Олонецкіе лѣса удивительно красивы, но березовые олончанинъ испортилъ обдираніемъ бересты. Занимаются этимъ въ іюнѣ и іюлѣ и причиняютъ большой вредъ деревьямъ.

Очень много могъ бы давать лѣсъ жителямъ, но всѣ крупныя дѣла сосредоточены въ рукахъ лѣсопромышленниковъ, которые наживаютъ десятки, сотни тысячъ, а коренные хозяева—крестьяне, пользуются крохами; они и срубаютъ лѣсъ, и сплавляютъ, и распиливаютъ за грошевую плату; а сколько требуется силы, смѣлости при сплавѣ лѣса, сколько риску для жизни, да и мало ли людей погибаетъ во время сплава. Срубятъ лѣсъ зимой, отвезутъ его къ сплавнымъ рѣчкамъ, а весной пріѣзжаютъ на эти мѣста, и начинается работа.

„Быстро несутся десятки тысячъ бревенъ къ порогамъ, а сотня цѣлая рабочихъ съ баграми въ рукахъ отталкиваютъ ими отъ береговъ причаливающія бревна; на спокойномъ теченіи все идетъ благополучно. Но вотъ и пороги; съ шумомъ и плескомъ перескакиваютъ бревна словно игрушки черезъ камни порога; но вотъ одно бревнышко зацѣпилось за камень, стало какъ-то нырять, окунаться и, наконецъ, останавливается; съ трескомъ на него налетаетъ другое, третье, сотня, тысяча, и въ короткое время словно гора стала на порогѣ. Засуетился народъ на берегу, готовитъ лодку—надо разломать „заторъ". Лодка отчаливаетъ. Люди серьезны, не слышно разговоровъ; теченіе быстро доноситъ ихъ до затора, и начинается быстрая работа—баграми разламывать [illegible] бревна: словно въ бирюльки [illegible] растаскиваютъ рабочіе заторъ. Наконецъ остается [illegible] десятокъ бревенъ,—тогда лодка от[illegible] добѣгаетъ до берега, а [illegible] много [illegible] и притомъ [illegible]. Оставшіеся на берегу крестьяне [illegible]. Вотъ [illegible], нако-

нецъ, отталкиваетъ и послѣднее бревно, на которомъ онъ стоитъ, и съ быстротой молніи, несется внизъ по теченію. Онъ крѣпко втыкаетъ въ бревно багоръ свой, устанавливается покрѣпче на ногахъ, и стоя проносится по порогу. Крикъ одобренія вырывается у зрителей".



Рис. 15. Сплавъ лѣса.

Однако такое истребленіе лѣса, какое производятъ пока промышленники, чрезвычайно убыточно и вредно.

По мѣрѣ уменьшенія лѣсовъ начинаютъ переводиться постепенно и лѣсные звѣри, разнообразная лѣсная дичь. Охота здѣсь пока отличная. Въ концѣ лѣта обыкновенно отправляются на охоту, куда-нибудь подальше отъ дома. Охотятся съ винтовкой, которую охотникъ мастеритъ собственноручно. Она кремневая, стволъ привязанъ къ ложу бечевками,

а то прикрученъ берестой; непривычному человѣку ни за что не справиться съ такимъ оружіемъ,—не то что попасть въ цѣль, а и выстрѣлить не сумѣетъ; но олончанинъ искусно управляетъ своей незатѣйливой винтовкой, — рѣдко-рѣдко, когда промахнется. Винтовки ихъ раздѣляются на малопульныя и большепульныя: первыя употребляются для мелкаго звѣря—зайца, бѣлки, которымъ цѣлятъ всегда въ голову, чтобы не испортить шкурку; а вторыя—для большихъ звѣрей—волковъ, медвѣдей. Лисицъ, зайцевъ ловятъ капканами. Зимой охотятся на медвѣдя при помощи рогатины, но это бываетъ только въ томъ случаѣ, если мужикъ попадается врасплохъ: рогатина портитъ шкуру, а она стоитъ не дешево. Обыкновенно же охотятся на медвѣдя „съ лабаза": берутъ жерди, укрѣпляютъ ихъ на сучьяхъ дерева; на нихъ взлѣзаетъ охотникъ и ждетъ звѣря: внизу кладется падаль; и вотъ какъ только подойдетъ Мишка, охотникъ прицѣлится такъ, чтобы убить его сразу, и норовитъ попасть непремѣнно между глазъ. Зимой же охотятся на оленя. лося, выдру. Охотятся всегда съ вѣрнымъ помощникомъ лѣсного охотника—лайкой, иначе называемой „карелкой". Это небольшая собака, съ длинной мохнатой шерстью, съ острой мордой, короткими стоячими ушами; масти она бываетъ различной. Обучена она очень хорошо: какъ только собака увидитъ звѣря или птицу, она будетъ лаять до тѣхъ поръ, пока не придетъ хозяинъ; на каждаго звѣря и птицу она лаетъ особенно, такъ что охотникъ всегда можетъ догадаться, кого подмѣтила лайка.

Охотятся много и на птицъ: на тетеревей, глухарей, рябчиковъ. Убиваютъ ежегодно до



Рис. 16. Медвѣдь въ олонецкихъ лѣсахъ.

15 тысячъ штукъ, такъ какъ на дичь всегда хорошій спросъ. Охота на лѣсную дичь особенно распространена въ уѣздахъ Повѣнецкомъ и Пудожскомъ. Въ здѣшнихъ болотахъ водятся водяныя курочки, бекасы, бѣлыя куропатки; на рѣкахъ и озерахъ—утки, гуси, лебеди. Хоть и убиваютъ много птицы, но прибыли она приноситъ мало. По недостатку удобныхъ путей сообщенія олончанинъ не можетъ самъ имѣть сношенія съ рынкомъ и поэтому сбываетъ всю набитую дичь скупщикамъ-промышленникамъ; они пользуются крестьянской нуждой, довѣрчивостью и зачастую платятъ за дичь не деньгами, а какимъ-нибудь товаромъ, пулями и др. А бываетъ и такъ: зная, въ какое время крестьяне больше всего нуждаются въ деньгахъ, эти скупщики пользуются тѣмъ, что крестьянину негдѣ ихъ достать, и скупаютъ всю добычу охотниковъ, иногда впередъ, по той цѣнѣ, по которой сами хотятъ.

За цѣлый годъ странствованія по лѣснымъ и болотнымъ дебрямъ, какъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ старожиловъ, крестьянинъ выручаетъ рублей 25 — 30, а пара рябчиковъ приходится копеекъ 15. Чтобы избѣжать продажи скупщикамъ, нѣкоторые отправляютъ зимой мороженную дичь въ Петербургъ. Много хлопотъ бываетъ съ этимъ дѣломъ, а выгоды опять-таки немного: нужны подводы, лошадь, да и самому въ дорогѣ прокормиться надо, такъ что, въ концѣ-концовъ, оказывается, что какъ ни безчеловѣченъ скупщикъ, но безъ него еще меньше выручается. Да иначе и быть не можетъ при отдаленности городовъ и рынковъ, при плохихъ дорогахъ и полномъ безсиліи, а часто и

неумѣнье крестьянъ самимъ взять въ руки это дѣло сообща.

Прежде огромныя пространства Озернаго края были покрыты непроходимыми лѣсами, мхами, болотами со множествомъ дикихъ звѣрей; человѣкомъ эти мѣста были мало обитаемы: селеній было немного. Угодья и урочища были въ лѣсахъ и назывались „лѣшія рѣки“, „лѣшія озера“ и „лѣшіе лѣса“. Жили здѣсь финскія языческія племена: чудь, карелы. Мало-по-малу въ эту глушь стали наѣзжать люди изъ Новгорода; еще въ очень давнія времена они заглядывали сюда для торговли съ чудью, привлекаемые лѣсами и массой звѣрей. Новгородъ издавна велъ торговлю мѣхами съ западомъ и югомъ. Кромѣ того, привлекалъ новгородцевъ просторъ земли, которую они стремились обратить подъ пашни; шли сюда также и недовольные новгородскими порядками, позже раскольники, притѣсняемые правительствомъ, бѣжали укрыться въ непроходимыхъ дебряхъ. Новгородцы частью оттѣснили финновъ на сѣверъ и западъ, частью смѣшались съ ними. Сперва финскія племена относились недовѣрчиво и неріязненно къ пришельцамъ, такъ что христіанство распространялось среди нихъ очень медленно; причиной этому были сами новгородцы; какъ для людей торговыхъ, нажива для нихъ была на первомъ планѣ. Распространенію же христіанской вѣры среди финновъ много способствовали пустынники. Пустынникъ, выбирая обыкновенно какое-нибудь мѣсто въ лѣсу или на берегу озера, водружалъ крестъ, около ставилъ небольшую часовню, строилъ поблизости крошечную убогую хижинку для самого себя. Сперва подъ вліяніемъ знакомства съ новгородцами, туземцы отдалялись и относились

враждебно къ пустынникамъ, притѣсняли ихъ, а иногда и убивали, но чѣмъ они ближе знакомились съ ними, узнавали ихъ, тѣмъ дружелюбнѣе становились: видѣли, что эти люди совсѣмъ не походили на новгородцевъ: они не только ничего не брали у нихъ, но сами старались дѣлиться съ ними всѣмъ, что у нихъ было. И вотъ ихъ ученіе, полное смиренія, добра, прощенія, покорило дикаго человѣка. Слава о святой жизни пустынножителей стала распространяться далеко за предѣлы лѣсовъ и болотъ. Къ убогой хижинкѣ начинали приходить люди и строиться, и мѣстечко, гдѣ прежде въ уединеніи молился какой-нибудь подвижникъ, превращалось въ большой монастырь.

Въ настоящее время Озерный край населяютъ русскіе и карелы. Прежде карелы вели бродячую жизнь: рыбачили, охотились на звѣря; но постепенно отчасти подъ вліяніемъ русскихъ, а главное, вслѣдствіе стѣсненія новыми пришельцами, захватившими много земли, карелы принуждены были заняться земледѣліемъ, торговлей, промыслами, вообще всѣмъ тѣмъ, чѣмъ занимается русскій насельникъ. О томъ, каковы были карелы раньше, можно судить по слѣдующей поговоркѣ: „въ лѣсахъ живутъ, такъ пню и поклоняются“, впрочемъ, эту поговорку примѣняютъ къ себѣ до сихъ поръ и русскіе олончане.

Особенно много карелъ живетъ въ Олонецкой губерніи: прежде ихъ было еще больше, такъ что весь край назывался Кареліей.

По своей наружности карелъ небольшого роста; сложеніе не пропорціонально, руки слишкомъ длинны, ноги въ сравненіи съ длиной туловища—коротки; лицо скуластое, носъ широкій, волосы рѣдкіе, прямые, глаза свѣтло-сѣрые водянистые,

за что русскіе не даромъ прозвали ихъ „чудью бѣлоглазой“. Карелы сохранили до сихъ поръ нѣкоторыя черты, свойственныя финскому племени; они очень упрямы и упорны въ своихъ понятіяхъ; эти черты въ нихъ высказываются такъ рѣзко, что у русскихъ на ихъ счетъ сложилась пословица, которой они и дразнятъ кареляка: „карела, карела, три года горѣла, а не выгорѣла“.

По характеру карелъ молчаливѣе и замкнутѣе русскаго: онъ правдивъ, довѣрчивъ, трудолюбивъ: весной, лѣтомъ, осенью онъ работаетъ въ лѣсу, на озерѣ, на рѣкѣ, а зимою большею частью въ городѣ; онъ рѣдко бываетъ въ семьѣ, трудится много, а не богатѣетъ и даже нерѣдко голодаетъ.

Карелъ нравственъ и трезвъ, въ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ не бываетъ ни дракъ ни пьянства; впрочемъ, это оттого, что туда не успѣли еще проникнуть городскія привычки; чѣмъ ближе къ городамъ, тѣмъ нравственность падаетъ ниже, пороки развиваются быстрѣе. Умственно карелы мало развиты, особенно въ отдаленныхъ уголкахъ, гдѣ сношеніе съ сосѣдями затруднительно, вслѣдствіе бездорожья. Они такъ привыкли жить обособленно, что, если къ нимъ заѣдетъ путешественникъ, то не скоро добьется отвѣтовъ на свои вопросы, даже отъ взрослыхъ, не говоря уже о ребятишкахъ, которые ударятся врассыпную при видѣ незнакомаго лица. Неразвитость зависитъ еще, конечно, оттого, что грамотность мало распространена. Ближе къ городамъ встрѣчаются довольно хорошо устроенныя школы; вообще же небогатое мѣстное земство не можетъ много тратить на школы.

Карелъ устроился хозяйственнѣе и лучше русскаго; для своихъ селеній онъ выбираетъ су-

хія гористыя мѣста, избѣгаетъ озеръ и рѣкъ, потому что туманы и испаренія, подымающіеся отъ воды, дурно вліяютъ на здоровье, способствуютъ распространенію болѣзней. Карелу на возвышенныхъ мѣстахъ живется лучше, чѣмъ русскому у воды; умираетъ ихъ меньше, чѣмъ русскихъ. У карелъ и скотина лучше, и они ее очень берегутъ, держатъ въ теплѣ. Вообще карелъ во всемъ практичнѣе своего русскаго сосѣда, которому, глядя на его житье-бытье, завидно становится, что онъ и выражаетъ въ своей пословицѣ: „гдѣ русскій сапоги съѣлъ, тамъ кареликъ руки нагрѣлъ“ и восклицаетъ; „кореляку-то не жизнь, кареликъ, что свѣтлякъ въ лѣсу живетъ“. Теперь карелы почти обрусѣли и своимъ бытомъ мало отличаются отъ русскихъ олончанъ.

Олончанинъ по своей наружности рѣзко отличается отъ карела; онъ средняго роста, коренастый, черты лица довольно правильныя, часто красивыя, волосы русые, иногда кудрявые, глаза темные. Олончане очень сильны: женщина по своей силѣ не уступаетъ мужчинѣ, поэтому исполняетъ успѣшно тѣ же работы: работаетъ въ полѣ, на пашнѣ, ѣздитъ въ лѣсъ, рубитъ дрова и т. д. По виду олончанинъ гордъ; у него нѣтъ того простодушія, какъ у крестьянина средней Россіи; но все же онъ удивительно гостепріименъ: онъ угоститъ васъ изъ послѣдняго и съ трудомъ согласится принять плату. Нѣсколько разъ мнѣ приходилось заѣзжать на ночлегъ: войдешь въ избу, встрѣтятъ привѣтливо, но сдержанно, сперва какъ будто побаиваются, но черезъ какіе-нибудь полчаса сами начнутъ разсказывать про свою жизнь, показывать свои раскольничьи книги, иконы, и такъ довѣрчиво, просто, что невольно

почувствуешь себя, какъ дома. Олончане большею частью раскольники; въ церковь они не ходятъ, на исповѣди и причастіи не бываютъ, и, какъ большинство русскихъ раскольниковъ и сек-



Рис. 17. Крестьянинъ д. Авдѣевской (Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ.).

тантовъ, ведутъ болѣе трезвую и дружную жизнь: водки не пьютъ, табаку не курятъ, въ бѣдѣ охотно помогаютъ другъ другу. Къ разнымъ новшествамъ старики относятся равнодушно; моло-

Духъ же склоняется больше къ православію, по-видимому, подъ вліяніемъ школъ.

На видъ олончанинъ неповоротливъ, лѣнивъ, но на самомъ же дѣлѣ онъ очень трудолюбивъ и аккуратенъ: ему трудно приняться за работу, когда же возьмется, то работаетъ за четверыхъ; онъ очень честенъ, никогда ничего не украдетъ: можно, напримѣръ, оставить и лодку и рыболовныя сѣти и быть покойнымъ, что все будетъ цѣло; есть у нихъ одинъ недостатокъ,—любятъ щеголять и мужики и бабы, особенно въ Заонежьѣ. Не даромъ и пѣсня такая сложилась:

„Удалы добры молодцы
Носятъ поддевку дорогихъ суконъ,
На ноженькахъ сапоженьки козловые,
Кругъ сердечка кушачики шелковые,
На головушкѣ шляпеньки пуховыя,
На бѣлой груди цѣпочки золоченыя".

И какъ нарядившись „удалый добрый молодецъ калевой гребеночкой учесываетъ свои жемчужные кудерушки и завиваетъ ихъ въ колечки золоченыя".

А красныя дѣвушки носятъ
„Цвѣтное батистое платьице, –
Сарафаны новомодные, раструбистые,
На головушкѣ жемчужную поднѣсочку,
На поднѣсочкѣ розову косыночку".

Въ завивную свою косу русую вплетаютъ дорогія, золотыя ленточки, по русой косѣ кладутъ цвѣты алые,

„Во ушеньки—сережки брилліантовы;
На бѣлую грудь цѣпочку золоченую,
На плеченьки шубу соболиную".

Національный женскій костюмъ олончанокъ удивительно красивъ. Лѣтомъ онѣ надѣваютъ сарафанъ шелковый или штофный, тонкую, бѣлую рубашку съ пышными рукавами, душегрѣйку, въ



Рис. 18. Промышленникъ жемчуга.

косу вплетаютъ ленты, а на шею надѣваютъ бусы въ большомъ количествѣ. Особенно хорошъ головной уборъ. Надѣвается кокошникъ, шитый жемчугомъ и разноцвѣтными камнями, сзади онъ завязывается большимъ бантомъ, на лобъ надѣ-

вается „подизъ"—это полоса, плетеная изъ бѣлаго конскаго волоса, вся покрытая жемчугомъ и изогнутая въ видѣ трехъ круглыхъ зубцовъ. Зимой онѣ носятъ шубки съ мѣховыми воротниками изъ лисы или куницы. Костюмы эти переходятъ изъ рода въ родъ,—отъ матери къ дочери и т. д., и надѣваются въ торжественные случаи: въ церковь, на ярмарки. Такой костюмъ сталъ уже довольно рѣдокъ, его можно видѣть въ отдаленныхъ уголкахъ, напр., въ Пудожскомъ уѣздѣ. Теперь съ каждымъ годомъ все больше и больше входятъ въ моду городскія платья; волосы дѣвушки стали плести въ двѣ косы, а женщины укладываютъ ихъ вѣнкомъ и надѣваютъ сверху новойникъ. Главнымъ украшеніемъ и до сихъ поръ служатъ повязки, усыпанныя жемчугомъ, эти повязки стоятъ очень дорого, иногда нѣсколько сотъ рублей; онѣ также переходятъ изъ рода въ родъ.

Жемчугъ ловятъ чаще всего женщины и дѣти въ рѣкѣ Повѣнчанкѣ и частью продаютъ на ярмаркахъ за очень хорошую цѣну.

Мужчины зимой носятъ шапки изъ оленьяго мѣха съ наушниками, а лѣтомъ окутываютъ голову кускомъ полотна, оставляютъ открытымъ только самое лицо; этотъ головной уборъ, носящій названіе „кукеля", надѣваютъ въ защиту отъ комаровъ, оводовъ и разной мошкары, которой очень много и въ лѣсахъ и на рѣкахъ, гдѣ, какъ мы видѣли, постоянно пребываетъ крестьянинъ. Сапоги изъ бѣлой кожи, очень прочные и непромокаемые.

Олончане любятъ увеселенія, по праздникамъ собираются въ хороводы, пляшутъ, поютъ пѣсни. Нѣкоторые олончане живутъ богато, главнымъ

образомъ, тѣ, кому удалось разжиться на заработкахъ на сторонѣ, особенно въ Петербургѣ.

Вслѣдствіе особыхъ условій жизни и обычныхъ занятій, заставляющихъ постоянно переѣзжать съ мѣста на мѣсто, въ характерѣ олончанина выработалась извѣстная непосѣдливость, предпріимчивость, живость; поэтому олончане легче всего устраиваются около торговли и промышленности и неохотно идутъ въ ремесленники. Плотники, столяры еще есть, но сапожниковъ, портныхъ между ними очень мало, и вообще тамъ, гдѣ нужна усидчивость, олончанинъ совсѣмъ не пригоденъ.

Лѣсныя дебри не смутили энергичнаго, трудолюбиваго олончанина, онъ не покорился природѣ, онъ остался размашистымъ, рѣшительнымъ. Говоръ у олончанъ своеобразный. Заонежанинъ говоритъ нараспѣвъ, слова произноситъ медленно, съ разстановкой, мягко.

Деревни расположены на довольно большомъ разстояніи одна отъ другой и обыкновенно не велики по числу дворовъ: встрѣчаются даже такія, которыя состоятъ изъ двухъ-трехъ дворовъ, окруженныхъ лѣсомъ; селъ большихъ очень мало; иногда селомъ называется нѣсколько маленькихъ деревенекъ, которыя тянутся на десятокъ верстъ. Вслѣдствіе большихъ разстояній отъ одной деревни до другой и рѣдкости построекъ, пожары бываютъ очень рѣдко. Такъ какъ у здѣшнихъ жителей лѣсу вдоволь, то и постройки ихъ имѣютъ весьма зажиточный видъ; избы строятся двухъ- и трехъэтажныя, часто еще съ нѣсколькими пристройками, въ которыхъ у болѣе богатыхъ раскольниковъ помѣщается молельня со старинными дорогими иконами.

Избы построены удобно, хозяйственно, горницы высокія, свѣтлыя, иногда въ пять, шесть оконъ; полъ почти вездѣ поднятъ надъ землей на сажень и больше; фундамента обыкновенно нѣтъ, хотя кирпичи выдѣлываются во многихъ мѣстахъ. Въ подполицѣ хранится разный домашній скарбъ; зимой, напримѣръ, туда прячутъ рѣпу, чанъ съ рѣпнымъ квасомъ и т. п. запасы; у бѣдныхъ, которые не имѣютъ двора, въ подпольѣ зимуетъ и скотъ.

Въ первой горницѣ, въ переднемъ углу, обыкновенно висятъ иконы и картины божественнаго содержанія; у русскихъ здѣсь же помѣщается столъ, а у карелъ его ставятъ посрединѣ комнаты, между двумя окнами. У русскихъ наверху двѣ комнаты и внизу двѣ, у бѣдныхъ одна комната и сѣни. Въ заднемъ углу горницы помѣщается огромная русская печь, дымовой трубы не бываетъ, а въ крышѣ находится дверца, называемая „хайло“, безъ которой въ избѣ набиралось бы слишкомъ много дыма; печь отдѣляется занавѣской, за которой всегда бываетъ царство ребятишекъ, и гдѣ стряпается обѣдъ. Вдоль стѣнъ стоятъ лавки, но онѣ не очень широки, спать на нихъ неудобно. Впрочемъ, русскіе спятъ чаще всего на полу, на тюфякахъ, на овчинѣ, карелъ же всегда имѣетъ кровать. У зажиточныхъ крестьянъ изба дѣлится на двѣ части; одна комната для собственнаго жилья, другая — чистая, пріемная; пріемная эта оклеена обоями, потолокъ выбѣленъ, полъ или крашеный или чисто вымытый, двери, ведущія въ чистую, часто бываютъ выкрашены въ бѣлую краску; мебель городского фасона и нерѣдко обита какой-нибудь прочной матеріей; по стѣнамъ развѣшаны дешевыя плохія

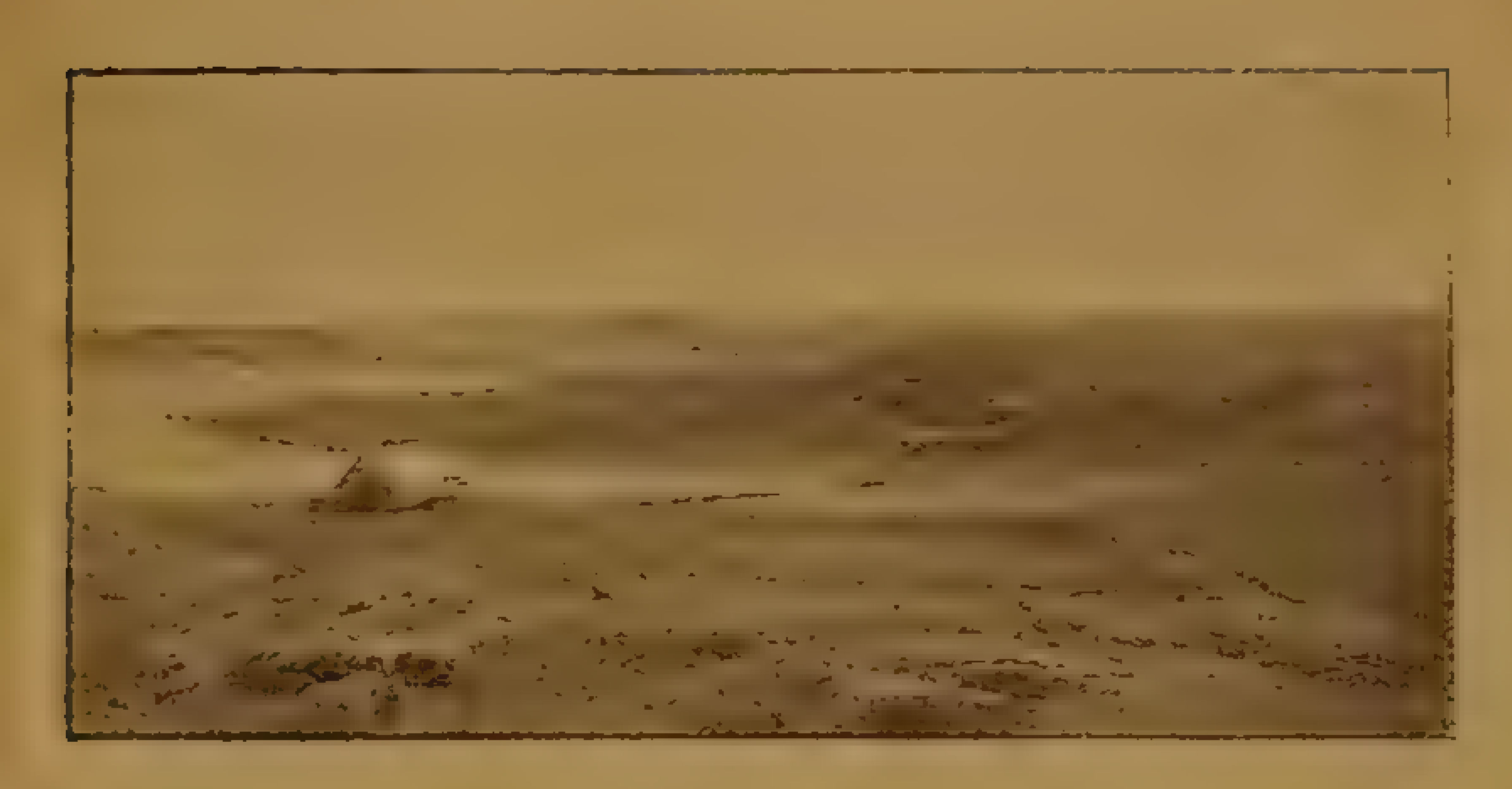


Рис. 19. С. Шуньга (Повѣн. у.).

картины, не рѣдкость и зеркало; на окнахъ горшки съ цвѣтами. Необходимой принадлежностью этой комнаты является шкапъ съ посудой, у нѣкоторыхъ даже водится серебро. Кромѣ теплыхъ горницъ, въ сѣняхъ есть еще и холодныя, гдѣ лѣтомъ спятъ нѣкоторые члены семьи, а зимой въ нихъ хранится кормъ для скота и разныя земледѣльческія орудія. У каждой избы есть крылечко. Около каждаго дома есть амбаръ, рига, баня. Въ баню ходятъ чуть не каждый день, такъ какъ очень любятъ чистоту; впрочемъ, въ избахъ масса насѣкомыхъ, такъ что, когда мнѣ приходилось останавливаться на ночлегъ въ какой - нибудь избѣ, то я положительно всю ночь не смыкалъ глазъ, воюя съ клопами. У русскихъ можно зачастую встрѣтить дворъ, у карелъ же его никогда не бываетъ. Около карельскаго дома обыкновенно вялится на солнцѣ мясо, развѣшенное на жердяхъ, нарочно расположенныхъ вдоль крыши.

Избы кроютъ тесомъ, богатые обшиваютъ имъ всю избу, сверху же красятъ краской. Когда

въѣдешь въ деревню впервые, то, глядя на постройки, можно подумать, что люди, живущіе въ этихъ складныхъ избахъ, мало знакомы съ нуждой и горемъ; поживешь, присмотришься ближе, — увидишь, что трудно живется крестьянамъ въ этихъ хоромахъ; каменистая почва даетъ мало, поэтому голодовки здѣсь не рѣдкость, — и велика же должна быть любовь къ землѣ русскаго насельника и еще больше его нужда, если онъ, гдѣ только можетъ, старается обработать кусочекъ земли подъ пашню; иногда верстъ за тридцать отъ деревни, встрѣтишь подсѣку и невольно удивишься энергіи и трудолюбію крестьянина. Какъ ни хлопочетъ онъ, какъ ни прикладываетъ всѣ старанія, чтобы добыть побольше хлѣба, все же его никогда не хватаетъ даже на полгода. Случается, ѣдятъ соломенный и древесный хлѣбъ: первый приготовляется такимъ образомъ: берутъ ячменную солому, истолкутъ ее въ ступѣ, смелютъ, — получается труха; къ ней прибавляютъ четверть ржи, а богатые такъ и половину. Если ячменной соломы въ запасѣ не имѣется, берутъ ржаные колосья съ оставшимися зернами, толкутъ ихъ въ ступѣ и ужъ, не примѣшивая муки, пекутъ изъ этой мякины хлѣбъ. Хлѣбъ этотъ очень грубый, переваривается съ большимъ трудомъ, плохо дѣйствуетъ на здоровье. Еще хуже древесный.

Весной, когда уже нѣтъ и соломы, крестьянинъ идетъ въ лѣсъ, сдираетъ кору съ сосенъ, сушитъ ее на горячихъ угольяхъ, чтобы она потеряла запахъ смолы; когда она закраснѣется, ее толкутъ, мелютъ, смѣшиваютъ съ мукой и пекутъ хлѣбъ. Но что положительно отравляетъ организмъ и нерѣдко приводитъ къ смерти, такъ

это сосновая каша, иначе [illegible] „[illegible]“. Когда въ домѣ олончанина не останется ни горсти муки, онъ беретъ сосновую пыль, вливаетъ въ молоко, смѣшиваетъ все вмѣстѣ, получается что-то въ родѣ клейстера; надо имѣть очень крѣпкое здоровье, чтобы выносить такую пищу. Въ неурожайные годы крестьянинъ сушитъ снитки, мелетъ въ муку и печетъ изъ нея пироги или снитковой мукой уху заправляетъ. Питаются олончане мелкой рыбешкой, которую они называютъ „напастницей“, и ѣдятъ ее съ чешуей: не брезгаютъ, если она бываетъ и съ душкомъ; вытапливаютъ жиръ изъ налимовъ и очень любятъ ѣсть его съ овсяными блинами.

Вообще рыба, которой до сихъ поръ много въ этомъ богатомъ водою краю, служитъ большимъ подспорьемъ крестьянину. Къ сожалѣнію, ему негдѣ было научиться правильному рыбному хозяйству: при ловлѣ сачками и частыми сѣтями попадается всегда молодая рыба, иногда изъ цѣнныхъ породъ, и, конечно, выбрасывается и безполезно гибнетъ. Мало того, валяющаяся на берегу рыба гніетъ и заражаетъ воду. Вслѣдствіе такого неумѣлаго обращенія, количество цѣнной рыбы все уменьшается и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Мясо ѣдятъ рѣдко и то богатые, дичь же большею частью продаютъ. Изъ овощей больше всего ѣдятъ рѣпу во всѣхъ видахъ,—и вареную, и пареную, и сырую, изъ нея же дѣлается любимый и общеупотребительный напитокъ рѣпный квасъ; подъ рѣпу расчищаютъ особенную подсѣку, которая послѣ бываетъ уже ни на что не пригодна. Ѣдятъ капусту, но родится она не вездѣ, напримѣръ, въ окрестностяхъ Лодейнаго

Пол и ея разводятъ довольно много; отсюда ее сбываютъ на Вознесенскую пристань, откуда она развозится по всему прибрежью Онежскаго озера. Вообще же овощи плохо растутъ въ этомъ краѣ, гдѣ весною долго держатся холода, а съ осени начинаются ранніе заморозки. Горохъ не въ большомъ употребленіи, хотя изъ него дѣлаютъ кисель, лепешки; больше любятъ ячмень и изъ ячменной крупы пекутъ пироги, калитки; ѣдятъ лукъ, бобы.

Ѣдятъ олончане очень много, и по праздникамъ принято ходить по всѣмъ знакомымъ и въ каждомъ домѣ непремѣнно пообѣдать; въ насмѣшку надъ богатырскимъ аппетитомъ олончанина, народъ выразился такъ: „Одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да еще съ творогомъ, выхлебалъ полтора молока кислаго стоуца (горшка)“. Лѣтомъ большимъ подспорьемъ служатъ ягоды: морошка, брусника и другія, а также и грибы,—рыжики, волнухи.

Пьютъ чай и кофе; любовь къ этому напитку перешла къ кареламъ отъ финляндцевъ.

Нѣкоторые продукты ѣсть считается грѣхомъ,—напримѣръ, медвѣжье мясо, потому что раньше медвѣдь былъ человѣкомъ, но Богъ обратилъ его въ звѣря; нельзя ѣсть пѣтуха, свинью, зайца, который прежде былъ кошкой, лебедя не только ѣсть, но и убивать грѣшно,—лебедь похожъ на женщину и близокъ къ Богу.

Кромѣ описанныхъ промысловъ, жители Олонецкой губерніи занимаются еще и другими, напр., судостроеніемъ; олончане очень искусны въ этомъ дѣлѣ, суда ихъ славятся крѣпостью, отдѣлкой; работаютъ обыкновенно и поденщики и самъ хозяинъ; всѣ одинаково одѣты, всѣ съ топорами,

такъ что трудно было угадать, кто изъ нихъ хозяинъ. Такъ какъ лѣсъ здѣсь очень хорошаго качества, работники ловкіе, умѣлые, то и постройки въ этой губерніи и въ ближнихъ уѣздахъ сосѣдней Новгородской обходится значительно дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Канаты, желѣзо и всѣ другія матеріалы, которые требуются при постройкѣ судовъ, легко доставляются изъ Петербурга, благодаря удобному сообщенію. Впрочемъ, существуютъ и мѣстные желѣзодѣлательные заводы, на которыхъ выковываются якоря и болты. Гвозди, крючки дѣлаютъ свои кузнецы. Постройка судовъ и перевозка на нихъ дровъ, угля, хлѣба, сѣна въ Петербургъ очень выгодна для олончанъ. Изъ Петербурга эти суда никогда не отправляются пустыми, они привозятъ разные товары для купцовъ. Многіе крестьяне идутъ въ шкипера, въ поденщики на чужія суда. Въ настоящее время самодѣльныя суда все болѣе и болѣе вытѣсняются пароходами. Для мѣстнаго судоходства и торговли имѣетъ огромное значеніе система сѣверныхъ каналовъ; такъ, по Маріинской системѣ проходитъ въ теченіе года до 70 милліоновъ пудовъ среднимъ числомъ. Система каналовъ была задумана Петромъ Великимъ. Чтобы начать постройку Маріинской системы, царь выбралъ нынѣшній Вытегорскій уѣздъ, но война со шведами заставила Петра отложить на время свое предпріятіе, однако при первой возможности Петръ осуществилъ свой планъ. Ему удалось провести только обходный Ладожскій каналъ, да и тотъ былъ открытъ уже послѣ его смерти (1731 г.). Тѣмъ не менѣе, всѣ каналы области были намѣчены отчасти уже Петромъ. На это требовались большія средства.

Это и служило главнымъ препятствіемъ. Налоги для сооруженія водныхъ системъ повысились настолько, что самъ рѣшительный Петръ долженъ былъ тогда сокращать ихъ при всемъ своемъ нерасположеніи отказываться отъ задуманнаго. Маріинская система начата была, напримѣръ, только въ 1799 г. отчасти благодаря содѣйствію императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Павла I, которая велѣла выдавать ежегодно по 400 тысячъ изъ суммъ Петербургскаго воспитательнаго дома, поэтому въ честь нея эта система и получила названіе Маріинской (ее составляютъ Нева и каналы: Ладожскій, Сясскій, Свирскій, Онежскій, Маріинскій, Бѣлозерскій). Петръ Великій понялъ, какое великое и важное значеніе для русской торговли могло имѣть соединеніе волжскихъ водъ съ водами Онежскаго озера и Невы. Для изслѣдованія мѣстности имъ былъ посланъ въ Вытегорскій уѣздъ знаменитый въ то время англійскій инженеръ Перри. Графу Сиверсу, который сооружалъ Маріинскую систему, одинъ вытегорскій крестьянинъ, по имени Пахомъ, которому было 115 лѣтъ и который помнилъ царя, разсказывалъ про астролябію, съ помощью которой Перри намѣчалъ направленіе будущаго канала: „За нѣмчиною случалося мнѣ зачастую носить длинное сквозилище (зрительная труба), въ которое тотъ смятривалъ, когда выходилъ изъ лѣсу на высокое или открытое мѣсто и оттуда видѣлъ, Богъ вѣсть, какъ далеко“.

У народа существуетъ разсказъ о томъ, что во время шведской войны, войску приходилось тащить волокомъ корабли въ Ладожское озеро: переходъ черезъ непроходимыя дебри, болота былъ очень тяжелъ, надо было вырубать про-

сѣки, а черезъ рѣки, пройденныя, строились мосты; быть-можетъ, въ то время и зародилась у Петра мысль о непрерывномъ водномъ пути изъ Волги въ Ладогу.

Народъ и донынѣ помнитъ Петра Великаго и разсказы о немъ передаются изъ рода въ родъ. Олончанинъ, вспоминая царя, снимаетъ шапку, крестится и не называетъ его по имени, а величаетъ словами: „Осударь“, „Батюшка“, „Надежа“. „А батюшка осударь былъ роста высокаго, всѣхъ людей выше цѣлой головою; часто встряхивалъ онъ своими черными кудерьками, а пуще, когда случалея въ раздумьѣ. Не гнушался онъ нашего житья-бытья, кушивалъ нашу хлѣбъ-соль“. Все хорошее въ Озерномъ краѣ народъ приписываетъ Петру Великому. Онъ поднялъ этотъ край въ торговомъ отношеніи, онъ первый началъ строить корабли, заложилъ первую верфь въ г. Лодейномъ Полѣ, онъ нашелъ и руду, сталъ строить заводы. Не даромъ о немъ вспоминаютъ съ такимъ благоговѣніемъ и до сихъ поръ хранятъ, какъ святыню, чарочки, которыя государь раздарилъ многимъ жителямъ: хранятся онѣ не иначе, какъ въ божницахъ..

Кустарными промыслами занимаются спеціально жители Каргопольскаго и Вытегорскаго уѣздовъ: занимаются они столярничествомъ, дѣлаютъ лодки, которыя и сбываютъ въ Петрозаводскъ. Дѣлаютъ сохи, телѣги, колеса, разную домашнюю утварь: кадки, ушаты, ведра, корыта и т. п., вытачиваютъ разные предметы изъ карельской березы, нѣкоторыя изъ вещей они раскрашиваютъ; эти издѣлія не только расходятся по всей Олонецкой губ., но и въ другихъ мѣстахъ находятъ сбытъ. Издѣлія эти очень красивы и цѣнятся болѣе или менѣе

высоко, такъ какъ такой березы съ каждымъ годомъ остается все меньше и меньше и теперь въ большомъ количествѣ ее можно встрѣтить развѣ только въ Повѣнецкихъ дебряхъ. Въ Петрозаводскомъ уѣздѣ вяжутъ сѣти, а въ Каргопольскомъ, Вытегорскомъ и Пудожскомъ уѣздахъ женщины занимаются вязаніемъ изъ овечьей шерсти перчатокъ, варежекъ, носковъ и т. д.; трудъ этотъ оплачивается очень скудно,—отъ 3—5 к. въ день. Большое количество такихъ издѣлій идетъ своимъ же деревенскимъ торгашамъ, рѣдко за чистыя деньги, чаще въ обмѣнъ на платки, чай, ситцы и др. Большое развитіе въ Олонецкой губерніи получилъ валяльный промыселъ. Во многихъ деревняхъ Пудожскаго, Вытегорскаго и Каргопольскаго уѣздовъ крестьяне занимаются приготовленіемъ валеной обуви (катанокъ). Лучшіе кустари-валяльщики въ Вытегорскомъ уѣздѣ — большею частью бродячіе кустари, уходящіе на заработки не только по своей губерніи, но и въ другія, напримѣръ, Архангельскую, Новгородскую; переходятъ они съ мѣста на мѣсто, главнымъ образомъ, потому, что заказовъ на мѣстѣ бываетъ немного, а обзавестись такъ, чтобы работать на продажу, нѣтъ средствъ. Кромѣ того, въ глухихъ углахъ Озернаго края нѣтъ еще постоянныхъ торговыхъ центровъ, куда бы можно сбывать сработанное. Въ Олонецкой губерніи въ прежнее время выплавляли желѣзо изъ мѣстныхъ горныхъ рудъ; еще недавно въ Пудожскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ желѣзо плавили изъ болотной руды, но теперь эта разработка заброшена почти совсѣмъ, такъ какъ привозное желѣзо довольно дешево и съ нимъ нѣтъ никакой возни. Олонецкіе кустари-кузнецы зарабатываютъ порядочно,

изготовленія [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], косы, винтовки. [illegible] [illegible] [illegible] очень распространенъ въ селеніяхъ по рѣкѣ Ояти, Лодейнопольскаго уѣзда: развитію этого промысла именно здѣсь способствуетъ многое: и хорошія



Рис. 20. Издѣлія изъ бересты.

качества глины, легкость добыванія ея, и дешевыя дрова. Выдѣлываютъ горшки для цвѣтовъ, тазы, пепельницы, дѣтскія игрушки, и все это продается обыкновенно мѣстнымъ скупщикамъ, которые торгуютъ по деревнямъ, на ярмаркахъ

или отправляютъ олонецкія издѣлія въ Петербургъ, Петрозаводскъ и т. п. Гончарное дѣло идетъ также въ Вытегорскомъ, Пудожскомъ уѣздахъ, но здѣшніе кустари не такъ искусны: ихъ издѣлія не отличаются той красотой и прочностью, а потому и цѣнятся значительно дешевле.

Скорняжный промыселъ развитъ въ городѣ Каргополѣ и въ его окрестностяхъ; крестьяне выдѣлываютъ бѣличьи шкурки и шьютъ бѣличьи мѣха. Прежде этотъ промыселъ былъ значительнѣе, нѣсколько лѣтъ тому назадъ число кустарей доходило до 1000 человѣкъ, а теперь ихъ работаетъ 200, 300; заработокъ также соотвѣтственно уменьшается.

Любопытнымъ промысломъ въ Олонецкой губерніи является плетеніе шляпъ изъ соломы. Заниматься этимъ стали съ 1867 г. и по разсказамъ крестьянъ совершенно случайно: въ домъ одного крестьянина зашелъ пастухъ-финляндецъ и оставилъ тамъ свою старую соломенную шляпу, крестьянинъ заинтересовался, осмотрѣлъ ее внимательно и попробовалъ сдѣлать самъ; дѣло пошло и оказалось выгоднымъ, такъ что теперь шляпы стали отправлять въ Петербургъ, гдѣ ихъ продаютъ отъ 15 до 30 к. за штуку. Выдѣлкой шляпъ занимаются мальчики и дѣвочки, иногда женщины. Кромѣ шляпъ, дѣлаютъ такъ называемыя „плетии“, матеріалъ, изъ котораго въ городскихъ магазинахъ шьютъ шляпы по своимъ образцамъ. Но и это дѣло находится въ рукахъ скупщиковъ, которые обираютъ крестьянъ и богатѣютъ весьма успѣшно.

Всѣ эти промыслы могли бы получить обширное развитіе, но этому препятствуетъ многое. Главнымъ же образомъ крестьянину недостаетъ

техническихъ знаній, его издѣлія слишкомъ грубы, скорѣе пригодны для сельскаго быта, чѣмъ для городского, а потому крайне дешевы. Не менѣе важно, что кустарь не имѣетъ возможности продавать свои вещи безъ посредничества скупщиковъ, которые, какъ извѣстно, притѣсняютъ, забираютъ кустарей въ свои руки, запутываютъ, скупая его издѣлія за гроши, часто въ обмѣнъ на дешевый товаръ, при чемъ свои товары скупщикъ оцѣниваетъ, конечно, несоразмѣрно дорого, пользуясь отсутствіемъ денегъ у крестьянина, нужныхъ ему для уплаты податей и повинностей, для ремонта инвентаря, покупки лошади и т. п. Скупщики зимою раздаютъ взаймы деньги за большіе проценты въ счетъ будущихъ издѣлій, которыя расцѣниваются при этомъ невѣроятно низко. Постоянныя недохватки въ хозяйствѣ все прочнѣе и прочнѣе закабаляютъ кустарей, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они состоятъ, такъ сказать, на службѣ у скупщиковъ, работая по ихъ заказу и всецѣло завися отъ ихъ произвола, — не имѣя средствъ выбиться изъ долга, а потому не смѣя и спорить съ властнымъ кулакомъ. Робкія попытки земства, отчасти правительства, прійти на помощь кустарямъ путемъ устройства образцовыхъ мастерскихъ, складовъ и кредита мало измѣняютъ дѣло въ виду своей разрозненности и малочисленности. Только широкій мелкій государственный кредитъ и мѣстныя товарищества самихъ кустарей могутъ ихъ вырвать изъ-подъ власти чужого капитала.

Олончане занимаются также разработкой рудъ и минераловъ. Олонецкая губернія очень богата каменнымъ углемъ, желѣзными рудами, болотными и озерными, которыхъ особенно много въ Повѣнец-

комъ и Петрозаводскомъ уѣздахъ; изъ желѣзной руды мѣстные жители выплавляютъ чугунъ. Для обработки чугуна и желѣза имѣются два казенныхъ чугунныхъ завода: Александровскій и Кончезерскій и нѣсколько частныхъ. Въ этой губерніи желѣзное производство, горное дѣло все почти въ рукахъ правительства; оно могло бы процвѣтать, такъ какъ условія способствуютъ этому (много рудъ и лѣса; озера и рѣки,—удобные пути сообщенія); но, несмотря на это, оно пока ограничено довольно скромными размѣрами. Еще Петръ Великій обратилъ вниманіе на край, какъ на богатый рудникъ: проходя съ войсками черезъ дремучій лѣсъ отъ Бѣлаго озера къ Онежскому, онъ открылъ здѣсь мѣдную руду и впослѣдствіи заложилъ три завода.

Въ холмистыхъ мѣстахъ встрѣчаются обнаженія каменныхъ породъ, напримѣръ, мрамора, который добывается у деревни Тивдіи и у Бѣлой Горы. Ломку мрамора производятъ сами крестьяне; прежде его много вывозили на украшеніе петербургскихъ зданій, напримѣръ, Зимняго дворца, Исакіевскаго собора, теперь изъ него выдѣлываютъ доски для столовъ, подсвѣчники и проч., но все это дѣлается весьма грубо, аляповато. Шокшинскій песчаникъ и вытегорская огнеупорная глина представляютъ собой цѣнный строительный матеріалъ. Въ малыхъ размѣрахъ добывается серебро и золото, которое прежде добывали въ Повѣнецкомъ уѣздѣ при рѣкѣ Выгѣ въ рудникѣ, наз. Воицкимъ.

Объ этихъ металлахъ существуетъ такая легенда:

„Въ прежніе годы много было въ нашихъ мѣстахъ и золота и серебра,—разсказываютъ въ

Повѣнцѣ, да теперь-то уже не знають, гдѣ они попрятаны. Шла разъ по губѣ, мимо наволока, лодка съ народомъ, а по берегу навстрѣчу ей старичокъ идетъ, на кіекъ упирается, а кіекъ-то такъ и гнется отъ тяготы — очень ужъ старикъ тяжелъ да грузенъ. „Возьмите меня въ лодку, люди добрые", проситъ старикъ, а ему въ



Рис. 21. Бѣлая гора (Петрозаводскій уѣздъ).

отвѣтъ изъ лодки: „намъ и такъ трудно справляться, а тутъ тебя еще стараго взять съ собой".—„Понудьтесь малость, возьмите меня въ лодку, большую корысть наживете!" взмолился старикъ, а рыбаки его все не берутъ. Долго просилъ старикъ взять его въ лодку, да такъ и не допросился. „Ну, хоть батожокъ мой возьмите, очень онъ ужъ тяжелъ, не по мнѣ".—„Станемъ мы изъ-за батога дрянного

къ берегу приставать“, отвѣчають съ лодки. Бросилъ тутъ старикъ батожокъ свой — онъ и разсыпался весь на арапчики голландчики, а самъ старикъ ушелъ въ щелье отъ грузности, и щелье за нимъ затворилось. Ахнули тутъ лодочники, да поздно за умъ схватились“.

Въ Олонецкой губерніи, какъ самой отдаленной и глухой, сохранились остатки глубокой старины въ обрядахъ, обычаяхъ, народномъ творчествѣ.

Въ глуши непроходимыхъ лѣсовъ, въ уединенныхъ, затерянныхъ среди болотъ и озеръ селеніяхъ Озернаго края, отрѣзанныхъ своей природой отъ остального міра, подъ хмурымъ холоднымъ сѣвернымъ небомъ сложилось множество своеобразныхъ преданій, вѣрованій и сказаній, въ которыхъ олончанинъ, какъ умѣлъ, объяснялъ себѣ міръ, и, какъ могъ, защищался отъ тѣхъ земныхъ враждебныхъ силъ, которыми казалась ему населенной окружающая угрюмая природа: и много еще этихъ древнихъ вѣрованій и обычаевъ сохранилось въ краѣ. Особенно суевѣрны карелы; у нихъ до сихъ поръ сохранились языческіе обряды и вѣрованія. Еще до сихъ поръ существуютъ священныя рощи, въ которыхъ въ древнія времена языческій народъ, жившій задолго до прихода русскихъ, приносилъ жертвы; русскіе унаслѣдовали это повѣріе, и еще теперь въ Пудожскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуютъ такія рощи. Такъ какъ въ уѣздѣ церквей немного, то въ деревняхъ стоятъ часовни во имя того или другого святого. По праздникамъ туда собираются крестьяне, зажигаютъ свѣчи передъ иконами, кто-нибудь изъ грамотеевъ читаетъ псалтирь, Евангеліе, послѣ этого всѣ расходятся по домамъ.



Рис. 22. Церковь въ Олонецкой губ.

Однѣ часовни стоятъ на открытыхъ мѣстахъ, другія же среди рощи, и тогда эти рощи крестьяне называютъ священными, къ нимъ относятся съ суевѣрнымъ страхомъ, считаютъ, что онѣ принадлежатъ угоднику, въ честь котораго выстроена часовня; рубить дрова, брать изъ рощи хворостъ считается грѣхомъ, такъ какъ это все принадлежитъ угоднику, который можетъ покарать. Въ Пудожскомъ уѣздѣ въ нѣкоторые праздники, напримѣръ, св. Ильи, Петра и Павла устраиваются общественныя празднества: жители складываются, покупаютъ быка, его рѣжутъ, мясо дѣлятъ между тѣми, кто внесъ свой пай. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ закалываютъ барана для жертвы какому-нибудь святому. Замѣнилось только имя прежняго бога именемъ святого, а отношеніе къ божеству осталось прежнее.

Въ день свадьбы передъ отъѣздомъ жениха къ невѣстѣ, дѣло не обходится безъ знахаря. Знахарь держитъ въ рукахъ яйцо, острый ножъ, и замокъ, который открываетъ и закрываетъ, читая отпускъ на свадьбу, затѣмъ эти предметы онъ убираетъ за иконы, послѣ чего свадебный поѣздъ отправляется къ невѣстѣ.

И лѣсъ и вода, окружающіе жителя Озернаго края со всѣхъ сторонъ, населены живыми страшными существами: водяными, русалками, лѣшими и всякой нечистой силой. Въ нѣкоторыхъ озерахъ, говорятъ крестьяне, есть подводныя царства русалокъ, которыя на закатѣ солнца играютъ въ водѣ, выходятъ на берегъ, расчесываютъ свои длинные волосы: онѣ похожи на обыкновенныхъ женщинъ, только волосы у нихъ зеленаго цвѣта. Лѣсовикъ представляется ростомъ съ дерево, и является то въ видѣ военнаго, то въ видѣ бѣдно одѣтаго старика; у него свои собаки, маленькія, пестрыя, увидѣть ихъ довольно трудно. Онъ бываетъ то злой, то добрый. Нечистый, говорятъ, причиняетъ много бѣдъ; въ лѣто каждый пастухъ долженъ непремѣнно подарить ему корову, не то онъ разсердится и переморитъ все стадо.

Обиліе чертовщины русскій человѣкъ объясняетъ такой теоріей: „у Адама послѣ грѣха народилась цѣлая куча дѣтей, которыхъ ему показать на людяхъ стыдно было, вотъ онъ и придумалъ попрятать ихъ отъ Бога и ангеловъ: кого въ ригу, кого въ баню подъ каменку, кого въ озеро, кого въ болото, а кого въ лѣсъ и бучило подъ мельницею. Однако Бога провести ему не удалось. Разсердился Господь на Адама и въ наказаніе зарокъ на нихъ и наложилъ, такъ на

вѣчныя времена тамъ ихъ и оставилъ, гдѣ самъ отецъ ихъ запряталъ".

Если появится множество бѣлокъ въ лѣсу, то это признакъ близкой войны. Крестьяне серьезно увѣряютъ, будто бы передъ 1812 годомъ появилась ихъ такая масса, что онѣ стадами бѣгали въ городахъ по улицамъ и разсаживались по крышамъ домовъ.

При погребеніи умершихъ карелы вѣрятъ, что душа покойнаго въ теченіе сорока дней находится на землѣ, посѣщаетъ свой домъ и даже дѣлаетъ хозяйственныя распоряженія. Въ сороковой день она вмѣстѣ со священникомъ будто бы приходитъ на поминки, поэтому ее надо торжественно встрѣтить, и на подушкѣ снести на печку, куда ставятся приборы и кушанья. За столомъ при этомъ нужно также оставить мѣсто и приборъ для усопшаго. Если у жениха или невѣсты потухнетъ свѣчка подъ вѣнцомъ—это принимаютъ за признакъ недолговѣчности, даже скорой смерти.

Чтобы выйти замужъ, дѣвушка должна приложить не мало стараній: она должна пріобрѣсти хорошую славу, уберечь себя отъ сглазу, порчи, потомъ присушить къ себѣ парня; крестьяне не вѣрятъ въ чувство любви,—по ихъ понятіямъ это скорѣе какое-то наважденіе. Чтобы пустить о себѣ хорошую славу и получить расположеніе парня, надо положить въ ржаныя поля къ хозяину, у котораго есть парень, полотенце, мыло, монету и т. п. Чтобы присушить парня, надо нажарить волосъ, смѣшать ихъ съ молокомъ, мыломъ, солью и тѣстомъ (предметами, которыми дѣвушка обливается и натирается въ банѣ), и все это примѣшать къ пищѣ парня.

Болѣзни олончанинъ объясняетъ или присутствіемъ злого духа или введеніемъ въ тѣло посторонняго предмета какимъ-нибудь злымъ человѣкомъ, и колдуны будто бы извлекаютъ изъ надрѣза, сдѣланнаго на тѣлѣ, разныя вещи: камни, щетины, волосы, песокъ и др. Колдунъ или колдунья должны съ приговорами бросать по вѣтру песокъ, шерсть и т. п., и все, что брошено такимъ образомъ, должно попасть въ человѣка, вызвать боль, но колдунъ тутъ не виноватъ, если онъ этого не продѣлаетъ, не будетъ въ состояніи вылѣчить болѣзнь. Распространенной болѣзнью считается „щетины", появляющаяся отъ неопрятности; чтобы излѣчить ее, пекутъ лепешки изъ ржаной муки, воды и меда, затѣмъ ведутъ больного въ жарко истопленную баню, тамъ вытираютъ его этими лепешками и вѣрятъ, что „щетины" пристаютъ къ лепешкѣ и выходятъ такимъ образомъ изъ тѣла.

Вѣрятъ въ „сглазъ", слово, дурную мысль недобраго человѣка, или какъ они называютъ: болѣзни отъ „сглаза", „призора".

Вѣритъ олончанинъ въ „банника", „лѣсовика" и боится какъ бы не прогнѣвить ихъ. Поэтому ни въ банѣ ни въ лѣсу не бранятся, чтобы не навлечь на себя болѣзней. Для того, чтобы узнать, отчего болѣзнь приключилась,—не отъ „сглазу" ли,—въ Петрозаводскомъ уѣздѣ поступаютъ такимъ образомъ: напримѣръ, если боленъ ребенокъ, его кладутъ животомъ на полъ, затѣмъ сельскій лѣкарь беретъ правую руку ребенка и лѣвую ногу, скрещиваетъ ихъ на спинѣ ребенка и замѣчаетъ, касаются ли онѣ другъ друга; также поступаютъ и съ лѣвой рукой и правой ногой, если которая-либо нога оказы-

вается к[illegible], не хвата[illegible] руки, то, значить, ребенка „сглазили". А чтобы узнать, кто изъ духовъ прогнѣвался, поступаютъ такимъ образомъ: приносятъ по одному камешку съ улицы, изъ лѣсу, изъ бани и своей хаты, опускаютъ ихъ въ чашку съ водой и смотрятъ, надъ которымъ камнемъ вода закипитъ. И вотъ если это банникъ, то надо его умилостивить, если же лѣсовикъ, то его, и т. д.

Есть болѣзни у олончанъ, которыя нападаютъ ни съ того ни съ сего: какъ только появляется оспа, которую они почему-то называютъ „Маріей Ивановной", крестьяне собираются толпой, берутъ разные дары, входятъ въ горницу, гдѣ находится заболѣвшій, говорятъ слѣдующее: „Здравствуй, матушка, Марія Ивановна, здравствуйте на многія лѣта! Благодарствуй, что посѣтила насъ, рабовъ твоихъ покорныхъ, не будь ты намъ злой мачихой, будь родной матерью! Ты лики порти, да въ гробы не складывай, не побрезгуй дарами нашими!" Больному подносятъ дары, и онъ долженъ непремѣнно отвѣдать и рыбника и водочки, вообще всего, чѣмъ его угощаютъ. Лѣчатъ оспу ржаными лепешками, прикладываютъ ихъ еще горячими къ мѣстамъ, гдѣ оспа выступаетъ, затѣмъ кланяются больному въ ноги и просятъ со слезами оспицу-матушку помиловать хвораго; послѣ этого больного ведутъ въ сильно натопленную баню. Иногда выздоравливаютъ, несмотря на такое лѣченіе, чаще же, конечно, умираютъ.

Болѣзнь, по повѣрью олончанъ, переходитъ изъ одного человѣка въ другого: поэтому въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, когда умираетъ чахоточный, всѣ двери и окна въ домѣ затворяются наглухо, чтобы чахотка не могла выйти, шубы и

платья вывертывают вверхъ дномъ, чтобы она никуда не запряталась; на грудь умирающему бросають черную кошку, чахотка будто бы перейдетъ въ кошку. Когда больной умираетъ, кошку относятъ въ лѣсъ и привязываютъ къ дереву, она умираетъ или отъ голода или ее съѣдаетъ какой-нибудь звѣрь, и чахотка переходитъ на другую тварь или на лѣсъ, какъ говорятъ крестьяне. Душа человѣческая представляется олончанину въ видѣ птицы (голубя, утки, галки) или же въ видѣ бабочки, поэтому при видѣ бабочки говорятъ: „вотъ чья-то душенька летитъ". Олончане вѣрятъ, что душа остается тамъ, гдѣ жилъ человѣкъ, это они заключаютъ изъ того, что въ домѣ „чудится", т.-е. слышны стуки, хожденія, иногда удары топоромъ, иногда будто появляется покойникъ и требуетъ, чтобы ушли изъ этого дома.

Когда человѣкъ умираетъ, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ гробъ льютъ масло, и если кто умираетъ на Пасхѣ, то въ руку вкладываютъ яйцо. Кладутъ въ гробъ стриженные ногти въ томъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ придется лѣзть на стеклянную или крутую гору; особенно въ это вѣрятъ раскольники. Когда выносятъ покойника изъ избы, то вслѣдъ за гробомъ метутъ весь соръ, который во время лежанія покойника сметали къ нему, и плещутъ водой по слѣдамъ процессіи,—это дѣлается для того, чтобы покойникъ не могъ вернуться въ домъ. По умершимъ справляютъ поминки, готовятъ рыбники, блины, пироги, кисель. Сажаютъ за столы нищихъ, угощаютъ, какъ гостей, а послѣ обѣда одѣляютъ ихъ еще пирогами, хлѣбомъ, иногда, раздаютъ деньги. Такіе обѣды устраиваютъ и богатые и бѣд-

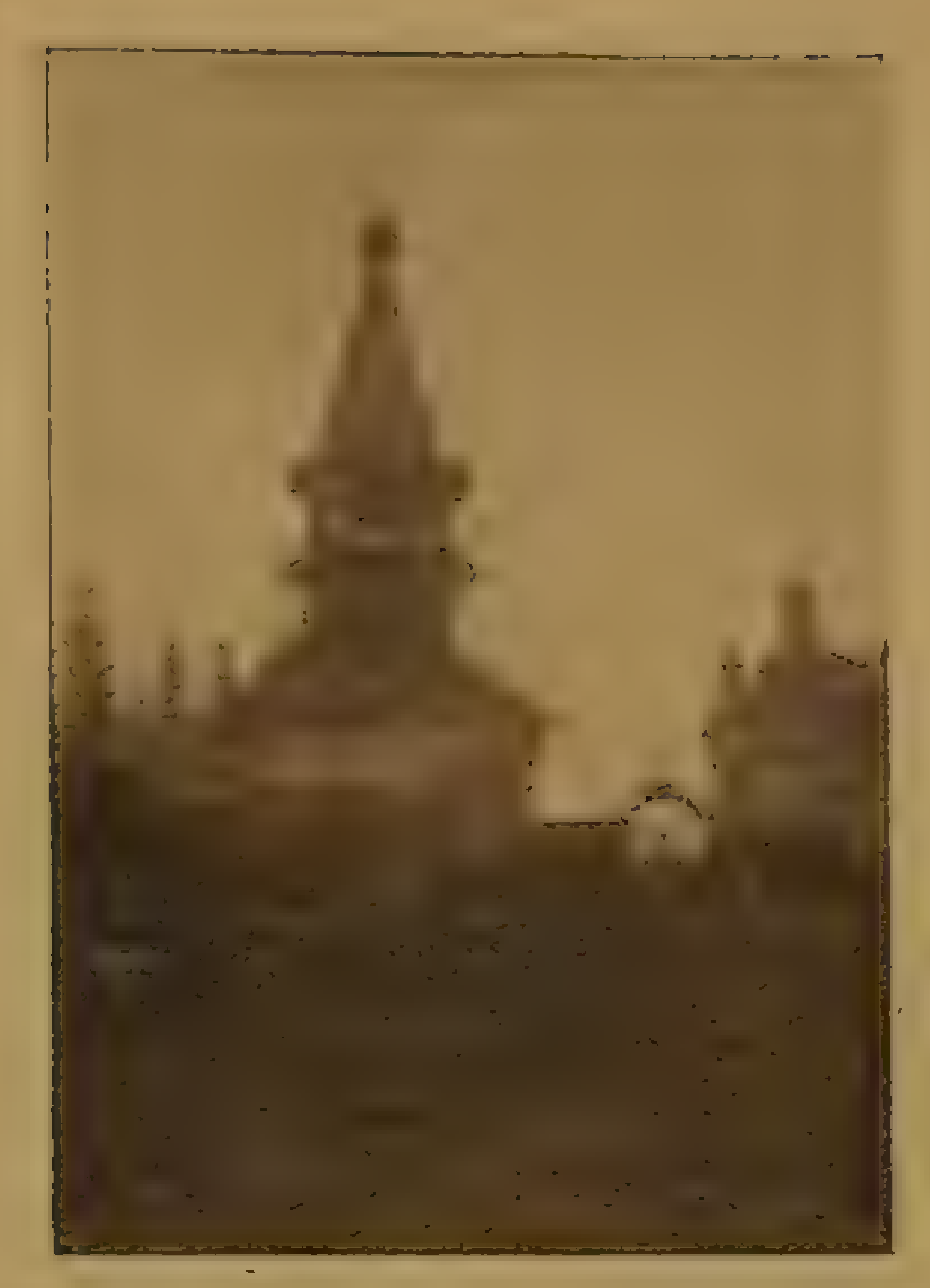


Рис. 23. Церковь въ Пречистенскомъ погостѣ (Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ.)

ные, хотя бы разъ въ годъ. Бываетъ такъ, что поминки справляетъ цѣлая деревня, т.-е. поминки бываютъ общія. Назначается день, и всѣ налагаютъ на себя добровольный постъ: за три дня до поминокъ начинается стряпня въ самой просторной избѣ, при чемъ стряпаютъ гости, а хозяева только выдаютъ припасы да ходятъ по всѣмъ угламъ съ плачемъ и причитаніями. Въ день, назначенный для поминокъ, накрываютъ столы, одинъ ставятъ на крыльцѣ, другой въ сѣняхъ, третій въ избѣ; затѣмъ всѣ гурьбой вы-

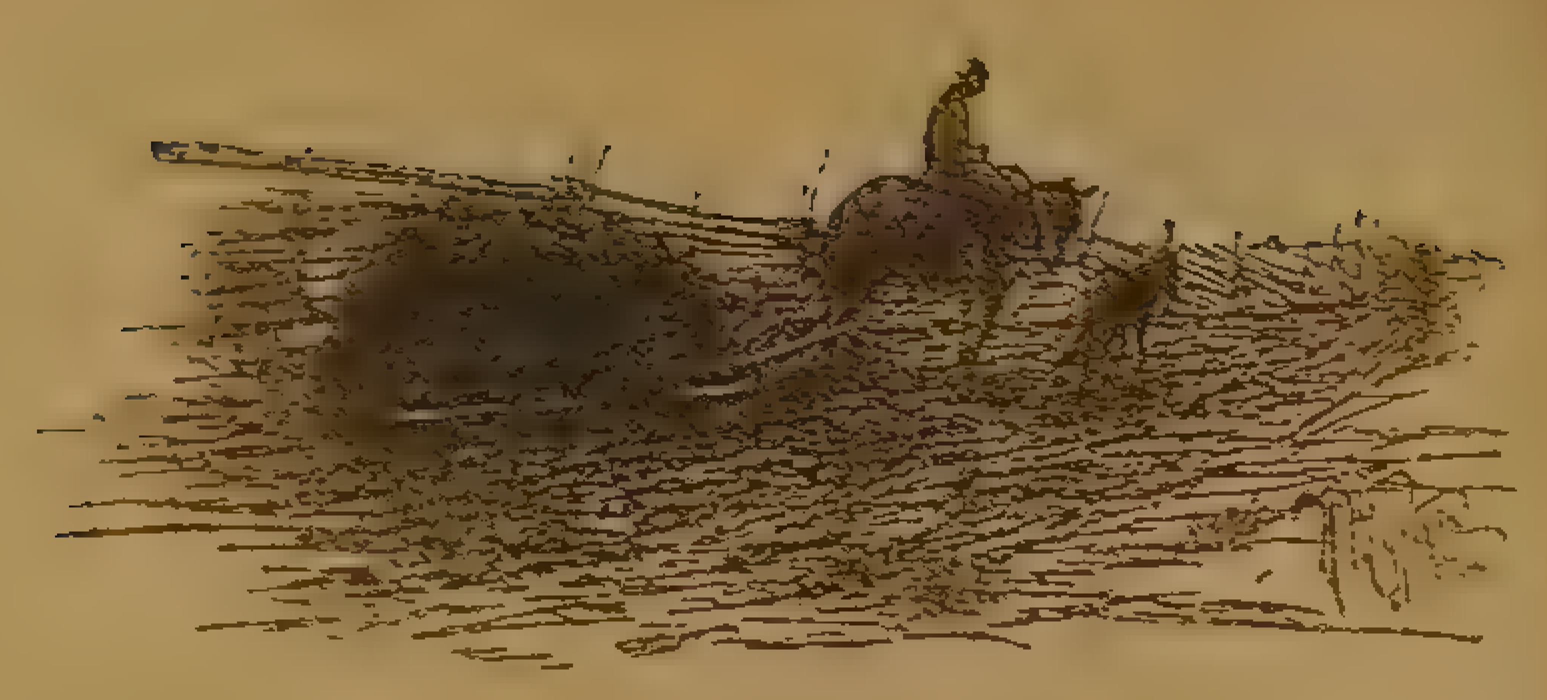


Рис. 24. Лѣтомъ на саняхъ.

ходятъ навстрѣчу воображаемымъ покойникамъ и говорятъ имъ: „чай, вы зазябли въ сырой землѣ, да и въ дорогѣ-то не тепло, можетъ, было, погрѣетесь, родные, на печкѣ!“ Затѣмъ всѣ садятся за столъ. Передъ киселемъ поютъ вѣчную память, хозяинъ открываетъ окно, спускаетъ на улицу холстъ, на которомъ спускали въ могилу какого-нибудь покойника, и говоритъ такія слова своимъ невидимымъ гостямъ: „Теперь пора бы вамъ домой, да ножки у васъ устали, не близко вѣдь было итти, вотъ тутъ помягче, ступайте съ Богомъ!“

Существуетъ обрядъ прощенія. Если бываетъ въ чемъ-нибудь неудача или если кто заболѣетъ, то это все приписывается согрѣшенію передъ чѣмъ-либо или передъ столомъ, печкой, рукомойникомъ и т. д. Потерпѣвшій неудачу подходитъ къ какому-нибудь изъ этихъ предметовъ и, низко поклонившись, говоритъ: „прости меня, печенька! прости меня, рукомойничекъ!“

Въ Пудожскомъ уѣздѣ цѣлъ еще обычай похищать невѣстъ, онъ сохранился, напр., на Кенозерѣ. Парень, полюбивъ дѣвушку, посылаетъ сватовъ къ ея родителямъ; если они на бракъ не даютъ согласія, то парень, сговорясь съ ней и съ нѣсколькими товарищами, увозитъ ее къ себѣ въ

деревню и помѣщаетъ ее у какой-нибудь бабы, называемой сватьей. Обыкновенно подруги дѣвушки знаютъ о задуманномъ похищеніи, провожаютъ ее за ворота съ особенной пѣсней. Послѣ похищенія парень посылаетъ кого-нибудь изъ родственниковъ — отца или крестнаго — къ родителямъ дѣвушки „мириться“ или же идетъ самъ. Если родители дѣвушки не помирятся, то похититель обязанъ вернуть дѣвушку. Только послѣ „примиренія“ вѣнчаются и изъ церкви отправляются къ родителямъ молодой „прощаться“, т.-е. просить прощенія.



Рис. 25. Двадцатишестиглавая церковь въ Кижахъ.

Интересенъ еще такой обычай: если свату не удастся высватать дѣвушку, то его катаютъ по деревнѣ на боронѣ.

Нравы въ Олонецкой губерніи довольно строги. Зимой въ деревняхъ устраиваются „бесѣды“ или „посидки“. Посидкой называется изба, гдѣ собирается сельская молодежь коротать длинные зимніе вечера; начинаются эти собранія съ осени, а заканчиваются великимъ постомъ. Дѣвушки на этихъ „посидкахъ“ занимаются обыкновенно пряденіемъ, прялицы ихъ всегда имѣютъ очень нарядный видъ—или съ рѣзными украшеніями или раскрашены въ яркую краску. Къ дѣвушкамъ приходятъ парни съ гармониками, начинается оживленіе, шумъ, смѣхъ, загадки, прибаутки. Пляшутъ свои пляски: такъ называемую „шестерку“, „завивая“ и т. п. Избу нанимаютъ у какой-нибудь бѣдной вдовы, платятъ хлѣбомъ и дровами, вообще разными припасами; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ изба отапливается всю зиму дровами, которые привозятъ парни, дѣвушки же готовятъ лучину и каждую недѣлю моютъ полы. Иногда платятъ деньгами, которыя парни получаютъ за славленіе Христа, а дѣвушки—за пѣніе „виноградія“. Въ первый день Рождества сперва до обѣдни ходятъ славить Христа „нищіе“, потомъ ребятишки, за ними бабы и мужики, а вечеромъ ходятъ парни и дѣвушки по отдѣльности. Они собираются большой компаніей, поютъ праздничныя стихиры и получаютъ за это калачи, крендели. Дѣвушки ходятъ пѣть такъ называемое „виноградье“ къ лицамъ болѣе или менѣе зажиточнымъ, къ учительницѣ, старшинѣ, фельдшеру и др. Въ „виноградьѣ“ онѣ изображаютъ богатство семьи, прославляютъ хозяевъ и за это получаютъ отъ 10 до 30 к., и всѣ

эти деньги такъ же, какъ и разные продукты, онѣ отдаютъ хозяйкѣ или хозяину избы, гдѣ въ эту зиму у нихъ „бесѣды“ бываютъ.

Въ Каргопольскомъ уѣздѣ дѣвушки платятъ за избу тѣмъ, что осенью жнутъ нѣсколько полосъ ржи, а если у хозяевъ, гдѣ онѣ снимаютъ избу, ничего посѣяннаго нѣтъ, то онѣ нани-



Рис. 26. Майская гора (Заонежье).

маются къ богатому „изъ зерна“, т.-е. выговариваютъ себѣ за работу столько зерна, сколько имъ было посѣяно на мѣстѣ, гдѣ онѣ сжали. Благодаря этому обычаю расплаты за жатву, тотъ, кто отдаетъ свою избу подъ „посидки“, имѣетъ даровой хлѣбъ въ продолженіе всей зимы. Для такой жатвы дѣвушки обыкновенно выбираютъ праздничный день, надѣваютъ самыя хорошія, яркія платья и съ серпами въ рукахъ, сопрово-

ждаемыя толпой парней съ гармониками, идутъ въ поле; по дорогѣ поютъ и пляшутъ; жнутъ только однѣ дѣвушки. Во время такой жатвы идетъ веселье; среди говора и смѣха работа такъ и кипитъ; не успѣешь оглянуться, ужъ и полоса готова, и все это дѣлается такъ живо, бойко, что смотрѣть хочется; не даромъ всегда за молодежью притащатся на поле старики и старухи послушать молодой веселый смѣхъ, полюбоваться оживленными лицами, вспомнить свою молодость.

На „посидкахъ“ бываютъ угощенья рѣдко, разъ-два въ годъ, въ установленные дни; бываютъ, впрочемъ, и невзначай, напр., когда парни возвращаются съ выгодной работы; они дѣлаютъ складчину по 10—15 к. съ каждаго, покупаютъ пряниковъ и устраиваютъ „пряженіе пироговъ“. Въ Каргопольскомъ уѣздѣ устраиваютъ „остолушку“ на послѣдней вечеринкѣ за три дня до праздника Рождества. „Остолушка“ состоитъ въ томъ, что каждая дѣвушка должна принести съ собой чашку клюквы, чашку моченаго гороха и коврижку хлѣба для хозяйки, и чашку гороха и клюквы въ общую посудину. Затѣмъ каждая дѣвушка приноситъ еще свѣже испеченныя „витушки“ (крендели, имѣющіе видъ цифры восемь) и бѣлые пряженые пироги. Горохъ и ягоды ѣдятъ всѣ вмѣстѣ, а пряжеными пирожками и витушками угощаютъ любимыхъ парней, которые, въ свою очередь, дарятъ ихъ пряниками и конфетами. Подъ Новый годъ на вечеринкахъ почти повсемѣстно бываетъ угощеніе: напр., въ Пудожскомъ уѣздѣ приносятъ масло и крупу на „общую кашу“, угощаютъ ею парней: они даютъ за это деньги копеекъ 10—15 каждый; все это потомъ дѣлится между дѣвушками. Въ нѣкото-



Рис. 27. Городъ Петрозаводскъ.

рыхъ деревняхъ угощеній не бываетъ, занимаются же на рождественскихъ вечерникахъ гаданіями. Гадаютъ о своей судьбѣ всевозможными способами съ большимъ увлеченіемъ; напр., идутъ дѣвицы ночью въ хлѣвъ, берутъ съ собой ленту, повязываютъ коровѣ рога, а на утро приходятъ смотрѣть: если лента развязалась—выйти замужъ; если корова, кромѣ того, лежитъ, положивъ голову на порогъ, то свадьба будетъ въ скоромъ времени. Или же дѣвушка надѣваетъ хомутъ, садится подъ столъ и ждетъ, что привидится. Въ Крещеніе утромъ выметаютъ соръ и смотрятъ, если прилетитъ сорока, то дѣвушка выйдетъ замужъ непремѣнно.

Вообще въ Олонецкой губерніи, какъ болѣе отдаленной, сохранились остатки глубокой старины, какъ въ обрядахъ, обычаяхъ, такъ и въ

народномъ творчествѣ. Но мало-по-малу и сюда стала проникать цивилизація, бытъ сталъ измѣняться. Многое способствовало этому: близость столицы, отхожіе промыслы, сталкивающіе и олончанъ съ новыми формами жизни, подъ вліяніемъ которыхъ измѣняются старыя понятія и зарождаются новыя воззрѣнія.

Новыя условія труда и жизни проникаютъ все глубже въ эти глухіе углы. Еще недавно крестьяне жили такъ называемыми „большими семьями“, которыя теперь все больше и больше распадаются, дѣлятся; еще недавно въ большинствѣ селеній не было въ употребленіи ни чая ни кофе, и самовары-то были, какъ рѣдкость; а теперь вы не встрѣтите ни одного дома, въ которомъ не было бы самовара, а кофе распространено до того, что даже нищіе мѣстами просятъ: „подайте ради Христа на кофе“.

Городское вліяніе замѣтно во всемъ,—въ одеждѣ, въ языкѣ, въ пѣсняхъ, въ танцахъ. Все чаще слышатся модныя фабричныя пѣсни: „По синимъ волнамъ океана“. „Казъ Булатъ удалой“; танцуютъ „кандрель“, „лансиетъ“. Во всѣхъ сторонахъ крестьянской жизни—борьба стараго, вѣками не двигавшагося, съ новымъ: старинное еще не совсѣмъ отошло, новое еще не успѣло упрочиться и не всюду вытѣснило старину.

Все-таки сѣверъ еще и до сихъ поръ является сосредоточіемъ старины; сохраненію ея много способствуютъ раскольники; среди старообрядцевъ сохранились былины; былины говорятся нараспѣвъ такъ называемыми сказителями, которыхъ крестьяне очень почитаютъ, говоря, что не каждый человѣкъ способенъ и можетъ говорить былины, что нуженъ человѣкъ съ особеннымъ талантомъ, чтобы

старины сказывать. Въ былинахъ этихъ говорится, какъ богатыри сражались за землю Святорусскую съ врагами ея, степными хищниками, какъ убивали они вражью силу несмѣтную, какъ пировали въ стольномъ городѣ во Кіевѣ у ласкова князя Владимира.



Рис. 28. На „смычкахъ".

Одной изъ интересныхъ былинъ является слѣдующая: „Илья въ ссорѣ съ Владимиромъ". Привожу ее полностью.

А тотъ ли-то князь да стольнё-кіевской
А-й сдѣлалъ какъ задёрнулъ свой почестной пиръ
Для князей, для бояръ да для богатырей,
А для тыхъ богатырей да русскіихъ,
Чтобы всяко званіе да шло туды
А на тотъ, на тотъ, да на почестный пиръ
А къ стольнёму князю ко Владимиру.
Да забылъ онъ позвать да что лучшаго,
А что лучшаго да лучшаго богатыря,

А стараго казака Илью Муромца.
Да тутъ-то вѣдь къ Илюшѣ не къ лицу пришло,
А не къ лицу пришло, стало похабно ѣсть,
А тутъ-то Илья да раззодорился,
А тутъ-то Илья да разретивился.
Какъ скоро натянулъ онъ свой тугой лукъ,
А клалъ онъ тутъ стрѣлочку каленую,
А тутъ-то самъ Илюшенка раздумался:
„А что мнѣ молодцу будé подѣлати?
А я нынь молодецъ е разгнѣванной,
А я нынь молодецъ есть раздраженной“.
Какъ онъ-то за тымъ тутъ повыдумалъ,
А стрѣлилъ-то онъ тутъ по божьимъ церквамъ,
А по тымъ стрѣлилъ по чуднымъ крестамъ,
А по тымъ маковкамъ золоченыимъ.
Да пали тутъ тыи маковки,
Да пали тутъ, отпали на сыру землю,
Да самъ онъ закрычалъ тутъ во всю голову:
„Да ай же вы были голи мои,
А голи мои вы кабацкіи,
А доброхоты-то вы еще царскіи!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то вси,
А сбирайте маковки вси золоченыи.
А пойдёмте-ко вы да со мной еще
А тутъ-то на тотъ да на царевъ кабакъ,
Какъ станемъ нунь пить да зелена вина,
Да станемъ-то пить да заодно со мной“.
Да какъ тутъ-то эты да голи были,
А голи были оны кабацкіи,
А доброхоты всё были царскіи,
Обирали маковки ты золочёныи.
Самы оны къ ёму да прибѣгають всѣ:
— А батюшко ты да отецъ нашъ былъ!
А пили тутъ оны да зеленó вино,

Какъ шли тутъ оны да заодинешенько.
Да какъ видитъ-то князь что бѣда пришла,
А бѣда-то пришла да неминучая,
Да какъ тутъ-то онъ да с скорымъ-скоро,
А скоры́мъ-скоро, скоро́ скорёшенько,
А сдѣлалъ онъ задернулъ тутъ почестный пиръ
А для стараго каза́ка Ильи Муромца.
Да тутъ-то вѣдь князь да стольнё-кіевской,
Да тутъ-то вѣдь онъ еще думалъ есть
Со князьями со бояры со руссійскима
А со тыма со могучима бога́тырмы:
„А думайте-тко братцы вы нунь думушку,
А думайте-тко братцы думу крѣпкую,
А думайте думу не продумайте:
А намъ кого будётъ, послать да Илью позвать,
А позвать сюды къ намъ на почестной пиръ,
А стараго каза́ка Илью Муромца?“
А какъ тутъ-то они да думу думали:
— А намъ-то есть кого послать Илью позвать!
А пошлемъ-ко мы Добрынюшку Микитича,
Онъ ему да вѣдь братъ крестовыи,
А крестовыи-то братецъ да названыи,
Дакъ онъ-то, быватъ, его послушаетъ.—
Какъ тутъ-то Добрынюшка Микитиничъ
А приходитъ-то онъ братцу да крестовому
Да какъ здравствуетъ онъ братца да крестоваго:
„А здравствуй-ко братецъ мой крестовыи
А крестовыи братецъ мой названыи!“
Да какъ старыи казакъ Илья Муромецъ
Да какъ онъ-то его да также здравствуетъ:
— Ай здравствуй-ко братъ мой крестовыи,
А молодой Добрынюшка Микитиничъ!
Ты зачѣмъ же пришолъ да загулялъ сюда?—
„А пришолъ-то я, братецъ, загулялъ къ тебѣ,
А о дѣлѣ-то пришолъ да не о малоемъ,

Да у насъ-то съ тобой было раньше того,
А раньше того дѣло подѣлано
А пописи были пописаныи,
А заповѣди да пopoложоный,
А слушать-то брату да меньшому,
А меньшому слушать брата больщого.
Да еще-то какъ у насъ да есте съ тобои
А слушать-то брату вѣдь большому,
Ай большому слушать брата меньшого".
Да тутъ говоритъ Илья таково слово:
„Ахъ ты братецъ да мой да былъ кресговыи!
Да какъ нунечку топеречку у насъ съ тобой.
А всѣ-то пописи да были вѣдь написаны,
А заповѣди были пoпoложены,
А слушать-то брату вѣдь меньшому,
А меньшому слушать да большого,
А большому слушать брата меньшого.
Кабы не братецъ ты крестовый былъ,
А некого бы я не послушалъ здѣ!
Дакъ послушаю я братца нунь крестоваго,
А крестоваго братца я назваиаго.
А тотъ ли-то князь стольнё-кіевской
А зналъ-то послать меня кого позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Микитиничъ,
Меня позвалъ туды да на почестной пиръ,
Да я тебя братецъ же послушаю".
Да приходитъ онъ къ князю къ Владиміру
Да тотъ старыи казакъ да Илья Муромецъ,
А со тымъ съ Добрынюшкоимъ съ Микитичемъ,
А со братомъ со своимъ да со крестовыимъ.
А даваютъ ему тутъ мѣсто не меньшое,
А не меньшее мѣсто было большее.
А садятъ-то ихъ въ большой уголъ,
А во большой уголъ да за большой-отъ столъ,
Да какъ налили тутъ чару зелена вина,

А несли эту чару́ рядомъ къ печу
А къ старому казаку къ Ильи Муромцу.
Да какъ принялъ онъ чару единой рукой
А выпилъ онъ чару во единой здохъ.
А другу́ наливали пива пьянаго,
А несли эту чару рядомъ къ ему,
А принялъ тутъ Ильюша единой рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ въ единой здохъ.
Какъ третью наливали мёду сладкаго,
Да принялъ молодецъ тутъ единой рукой,
Еще выпилъ онъ опять тутъ въ единой вздохъ.
Тутъ наѣлися, напилисъ всѣ, накушались
Да стали тутъ оны да всѣ пьянёшеньки.
А стали тутъ оны всѣ веселёшеньки.
Какъ говоритъ Илья тутъ таково слово:
„Ай же ты князь стольнё-кіевской!
А зналъ-то послать кого меня позвать
А послалъ-то братца ко мнѣ ты крестоваго,
А того-то мни Добрынюшка Микитича.
Кабы-то мни да вѣдь не братецъ былъ,
А нéкого-то я бы не послу́халъ здѣ,
А скоро натянулъ бы я свой ту́гой лукъ,
Да клалъ бы я стрѣлочку каленую,
Да стрѣлилъ бы ти въ гридню во столовую,
А я убилъ бы тя князь со княгинею.
За это я тебѣ-то нунь прощу
А этую вину да ту великую“.

Сохранились духовные стихи, распѣваемые каликами: стихи о Егоріи Храбромъ, Алексіи, человѣкѣ Божіимъ.

Любопытна пѣсня мѣстнаго сочиненія, подъ названіемъ Рахта Рагнозерскій. Рагнозеромъ называется небольшое озеро и деревушка къ юго-западу отъ Водлозера.

Рахта Рагнозерскій.

Поѣзжалъ борецъ было невѣрный,
Много городовъ прошолъ,
Много онъ борцовъ повалилъ,
Иныхъ онъ до смерти убилъ.
Пріѣзжае онъ въ Москву да бѣлокаменну,
Самъ же князю похваляется:
„Ай же князь ты московскій!
Дай мнѣ, нуньчу поединщичка.
Ты не дадешь намъ да поединщичка,
Я вашею Москву да всю огнёмъ прижгу".
Много находилоси младыхъ борцовъ,
А никто не можетъ съ нимъ да супротивиться,
Ай борецъ противъ его да не находится.
Изъ той же изъ-подъ сѣверной сторонушки,
А стоятъ же мужики да балахонники,
Ай сами оны де испроговорятъ:
„Кабы нашъ-то же да Рахта Рагнозерскій,
Этого борца онъ бы нунь въ кучку склалъ!"
Подходитъ человѣкъ да незнакомыи,
У тыхъ же мужиковъ онъ да спрашиваетъ:
„Вы откуда мужички да балахонники,
А какой же у васъ Рахта Рагнозерскій?"
Отвѣчали мужички да балахонники:
„Нашъ бы Рахта Рагнозерскій
Этого борца да онъ бы въ кучку склалъ".
Подхватили мужиковъ да балахонниковъ
А держали ихъ-то въ крѣпости,
Отправляли тутъ скора гонца
Въ ту деревню Рагнозерскую,
За тѣмъ Рахтой Рагнозерскіимъ.
Пріѣзжаетъ тутъ гонецъ было московскій
Въ ту деревню Рагнозерскую.

Не случилось бы Рахты дома.
При [illegible] да при [illegible].
Находился Рахта въ лѣсахъ [illegible].
Спрашиваетъ гонецъ было московскій:
„Этта ль есть да Рахта Рагнозерскій?"
Отвѣчаетъ тутъ ему да было женщина:
— Тутъ живетъ же Рахта Рагнозерскій
Ты откудова удалый добрый молодецъ?
„Я изъ той Москвы да бѣлокаменной,
Тотъ гонецъ да было скорый
А за тѣмъ было за Рахтой Рагнозерскімъ.
Требуе тутъ было князь московскій
Съ тымъ борцемъ да поборотися,
А съ невѣрнымъ поратиться".
Отвѣчаетъ ему женщина:
— Ай же ты гонецъ было московскій!
Какъ изъ лѣсу приде Рахта Рагнозерскій,
Ай голоднаго его да холоднаго.
Не серди ты-тко его голоднаго.
Дай ему волю хлѣба пунь покушати,
А тожно [1] ты его да пуньчу спрашивай.—
Тутъ приходитъ съ лѣсу Рахта Рагнозерскій,
Зготовляетъ обѣдъ да ёму женщина,
Онъ же сѣлъ тутъ хлѣба кушати.
А поѣлъ же тутъ пунь Рахта Рагнозерскій.
Ты ставае да гонецъ было московскій
Ай ему же тутъ пунь поклоняется:
„Ты есть пуньчу Рахта Рагнозерскій?
Требуетъ тя князь пуньчу московскій
Съ тымъ борцёмъ да поборотиться.
Что ль съ невѣрнымъ да попытатися".
— Отправляйся-ко, гонецъ да ты московскій,
Пунь въ Москву ерош да бѣлокаменну.

[1]) Тогда.

Я послушаю нунь князя да московскаго
А прибуду я въ Москву да на бореніе,
Да прибуду нунь попрежде васъ.
А прибуду буде раньше васъ,
Гди искать мнѣ князя да московскаго?—
„Ты прибудешь нунь въ Москву да бѣлокаменну,
Спросишь же ты князя тамъ московскаго,
Тамъ тебѣ-ка-во покажутъ ли“.
Ай гонецъ въ Москву да отправляется;
Рахта тутъ на лыжи было ставится,
Что ли Рахта тутъ въ Москву да отправляется,
Да попрежде тутъ гонца въ Москву онъ ставится,
Отыскалъ же тутъ онъ князя, да московскаго,
А кормили тутъ его да было досыти,
А поили тутъ его да было допьяна.
Тотъ гонецъ въ Москву было прискакивалъ,
А про Рахту онъ у князя было спрашивалъ,
Отвѣчае тутъ да князь было московскій:
— Здѣсь-ко Рахта, что ль въ Москву да объявляется.
Именёмъ своимъ да Рахта называется.—
Говоритъ гонецъ было московскій
Что ли князю да московскому:
„Ты держи-тко его сутки да голоднаго,
Тожно ты спусти къ борцу да на бореніе
А къ невѣрному на показаніе“.
Выдержали сутки да голоднаго
А спустили тутъ его да на бореніе.
Говоритъ тутъ Рахта Рапозерскій:
— Я бороться князь да нунечу не знаю ли,
Я [illegible] съ борцемъ да не умѣю ли,
Да дружинка нунь у насъ да была женская.—
Какъ [illegible] онъ борца за плечи ли
[illegible] о [illegible] мостъ,

Сбилъ его всего да въ кучку вдругъ.
„Ай же ты да Рахта Ратнозерскій!
Чимъ тебя да нунечу пожертвовать?"
— Ничего князь не надобно.
Дай-ко мнѣ-ка благословеньицо,
Что ль на нашемъ было на озерушкѣ
Не ловили да мелкою тамъ рыбушки
А безъ нашего да дозволеньица.—
Далъ ему да князь было московскій,
Далъ ему да князь тутъ дозволеньицо,
Чтобъ не ловили безъ его благословленьица.

— — —

Помнятъ крестьяне старыя жалобныя пѣсни, называемыя „заплачки". которыя поются или надъ умершими, или же когда дѣвица выходитъ замужъ и покидаетъ родительскій кровъ.

Плачетъ невѣста, возвращаясь изъ бани домой:

Погляди, кормилецъ батюшко,
Да родитель, моя матушка,
На меня, красну дѣвушку,
На бажáну дорогу волю:
Такова ль была снаряжена,
Во темну баню отпущена?
Я добѣла не намылася,
Только съ волей различилася,
Худы дамы провожатыи
Ко теплой да парной баеньки,
Ко бѣлой да умываленьки.
Мимо теплу да парну баенку
Проѣзжалъ да чужъ отецкой сынъ,
Прошла йскопыть конина.
Прошли сбѣги лошадиные,
Торговалъ да дорогу́ волю

Какъ у вашихъ провожамыихъ.
Много давалъ злата-серебра,
Много крупныхъ скачныхъ жемчуговъ,
Тридцать ведръ да зелена вина,
Сорокъ ведръ да пива пьянаго.
Я стояла, не стыдилася,
Въ тонкой бѣленькой рубашечкѣ,
Говорила, не бояласн:
„Отъѣзжай да чужъ отецкой сынъ,
Отъ теплой да парной баеньки,
Отъ бѣлой да умываленьки!
Мои дядевья не пьяницы,
Мои братьица не бражники,
Красны дѣвки не распутницы;
Намъ не надо зелена вина,
Намъ не нужно пива пьянаго,
Крупныхъ скачныхъ своихъ жемчуговъ“.
Какъ послѣ этой поры-времени
Стали дѣвушки разбойницы,
Молодцы да подорожники,
Мои дядевьица пьяницы,
Милы братья стали бражники,
Какъ силомъ волю обсилили,
Грабежомъ волю ограбили
У теплой да парной баеньки.

—— —

Плачетъ дочь на могилѣ родной матери:

По сегодняшнему денечку
По теперешнему времячку
Я ходила, горюша бѣдная,
Во Божью церковь- -во матушку
Я ко ранней-то ко обѣдиньки.
Я стояла, горюша бѣдная,
На лѣвой на сторонушкѣ,

Примѣчала я, горюша бѣдная,
Я свою родиму матушку
Не могла примѣтить, бѣдная,
Ни по волосу, дый ни по голосу,
Ни по цвѣтному по платьицю:
Выходила я, горюша бѣдная,
На круто, красно крылечушко
Да на Спасову площадочку:
Я увидѣла, горюша бѣдная,
Круту́ высокую могилушку.
Вы не війте, війте, витерочики!
Вы не рвите, витерочики,
Со ольши́нушки верши́нушокъ,
Со березыньки листочиковъ!
Вы завійте, витерочики,
Изъ тиха, да потихо́шиньку!
Изъ легка, да полего́шиньку!
Вы разнесите-тко, витерочики,
Со могилушки песочики!
Росколись-ко, мать, сыра земля,
Покажись-ко, гробова доска,
Гробова доска да тёсу бѣлого
Тесу бѣлого—пилёного!
Откройсе, полотёнышко,
Покажись-ка тѣло мёртвое,
Тѣло мёртвое, лице блёклое!
Прилетите-ка съ небесъ ангелы крылатыи,
Вложите душеньку да во тѣло бѣлое,
Рѣзвы ноженьки—во хоженьицё,
Бѣлы рученьки во маханьицё,
Очи ясныи—во глядѣньицё,
Во уста да говореньицё!
Ужъ, ты, встань-ко, родитель-матушка,
Ужъ ты, красно моё солнышко,
Ты великое желаньицё!

Ты пудёмъ-ко (пойдемъ), красно солнышко,
На тихую да на тишинку
Какъ на малое безлюдьицё!
Ужъ какъ не быть дѣлу, не статися,
Живымъ (ому) съ мертвымъ не вѣдатися:
Какъ не выстать бѣлу камешку
Изо дна да моря синяго,
Не живать да мни-ка бѣдноей
Съ родителью, со матушкой.

Изъ Олонецкой губерніи я отправился въ Новгородскую на Бѣлозерье. Это глухой, но весьма своеобразный и интересный край. Центромъ его является г. Бѣлозерскъ. Въ настоящее время Бѣлозерскъ—небольшой, провинціальный городишка; при немъ пристань на Бѣлозерскомъ каналѣ. Жители занимаются рыболовствомъ, судоходствомъ; женщины преимущественно вязаніемъ кружевъ. Какъ ни малъ этотъ городокъ, но все же у него есть свое прошлое, своя исторія, какой нѣтъ, быть-можетъ, у многихъ значительныхъ губернскихъ городовъ.

Отъ „бѣлозерскихъ погостовъ", одиноко разбросанныхъ среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ, отъ языка, которымъ говоритъ населеніе этого края, отъ его преданій, обычаевъ и обрядовъ такъ и вѣетъ стариной. Одинъ изъ братьевъ - варяговъ, призванныхъ Новгородомъ изъ-за моря „княжити и владѣти" славянскими племенами, Синеусъ „сидѣлъ", по словамъ лѣтописи, на „Бѣлѣ-озерѣ", а его отважные соплеменники, явившіеся вмѣстѣ съ княземъ, прокладывали отсюда „пути-дороги" дальше, на Волгу, вплоть до Хвалынскаго моря. Позднѣе, когда

языческая Русь сдѣлалась христіанской, новая религія должна была выдержать въ Бѣлозерьѣ долгую и упорную борьбу, прежде чѣмъ восторжествовала надъ языческой вѣрой. Памятниками этой борьбы является цѣлый рядъ монастырей, большихъ и малыхъ, которые служили не только разсадниками христіанства, но и способствовали развитію культуры въ этомъ первобытномъ дикомъ краѣ. Нило - Сорская пустынь, Кирилло-Бѣлозерскій, Ѳерапонтовъ и другіе монастыри играли въ исторіи Бѣлозерья немалую роль въ смыслѣ просвѣщенія и пользовались въ свое время большимъ уваженіемъ. Періодъ Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Смутное время и самозванцы,—однимъ словомъ, каждое сколько-нибудь выдающееся въ жизни Московскаго государства явленіе отражалось на судьбѣ этого края, оставляя свои слѣды, свои воспоминанія... Позднѣе Петръ Великій намѣтилъ водныя пространства Бѣлозерскаго края для великаго воднаго пути, который долженъ былъ связать Балтійское море съ Каспійскимъ. Только въ XIX вѣкѣ осуществилась, наконецъ, завѣтная мечта великаго преобразователя, и теперь Бѣлозерье пересѣкается важнѣйшей въ нашей странѣ Маріинской системой, по которой однихъ хлѣбныхъ грузовъ проходитъ въ навигаціонный періодъ до 500 милліоновъ пудовъ.

Сѣверная ж. д., которая захватываетъ и Бѣлозерскій уѣздъ въ его южной части, связываетъ его со столицей, и такимъ образомъ Бѣлозерскъ получилъ значеніе торговаго и промышленнаго города. Но, несмотря на богатое прошлое, Бѣлозерскій край въ настоящее время представляетъ порядочную глушь, вслѣдствіе отдаленности отъ

промышленныхъ и торговыхъ центровъ и неудобства путей сообщенія. Чтобы добраться до города Бѣлозерска, надо ѣхать изъ Петербурга, при чемъ имѣются два лѣтнихъ пути: одинъ водою—черезъ озера Ладожское и Онежское, другой до Рыбинска, а потомъ на пароходѣ по рѣкѣ Шекснѣ. Зимній же путь черезъ Тихвинъ, Вологду настолько неудобенъ, сопряженъ съ такими трудностями, что только злая неволя заставляетъ человѣка рѣшиться ѣхать этими первобытными дорогами.

До рѣки Ковжи я ѣхалъ на пароходѣ, а потомъ уже на лошадяхъ по почтовому тракту; первое, что лежало на моемъ пути; было село Покровское. Я пріѣхалъ туда утромъ; было еще рано, и, должно-быть, еще не кончилась обѣдня, потому что село было почти пусто; зато у церкви, на погостѣ народъ толпился кучками. Маленькая деревенская церковка не вмѣщала всѣхъ богомольцевъ, собравшихся сюда не только изъ многихъ ближнихъ деревень, но даже изъ дальнихъ окрестныхъ селъ. Рабочіе съ ближняго лѣсопильнаго завода выдѣлялись своими полугородскими костюмами.

По дорогѣ къ Покровскому мнѣ пришлось проѣзжать мимо этого завода. Дорога отъ усадьбы владѣльца къ заводу сдѣлана изъ древесныхъ опилковъ, которые возили сюда съ завода въ продолженіе многихъ лѣтъ; дорога имѣетъ видъ прекраснаго шоссе, по которому очень легко катится экипажъ.

Большинство крестьянъ были хорошо одѣты и вообще выглядѣли скорѣе зажиточными, да и, дѣйствительно, они не терпѣли особенной нужды, вслѣдствіе близости лѣсопильныхъ заводовъ, ра-

бота на которыхъ даетъ имъ круглый годъ хорошій заработокъ.

Дѣвушки были разодѣты по городской модѣ, нѣкоторыя изъ нихъ были даже въ соломенныхъ шляпахъ, разукрашенныхъ лентами; манерами онѣ, повидимому, желали походить на горожанокъ: Бѣлозерскъ находится недалеко отъ этого села—въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ ѣзды.

Къ вечеру все село высыпало на гулянье, старики разсѣлись по заваликамъ, а молодежь разбрелась по селу: одни толпились около балагановъ и лавокъ, другіе ходили парами на „городской манеръ“. „Кавалеры“ покупали гостинцы „барышнямъ“, угощали ихъ всевозможными лакомствами: орѣхами, пряниками, которыхъ по случаю праздника было не мало навезено торгашами изъ Бѣлозерска. Живетъ покровскій народъ, какъ уже было говорено, далеко не бѣдно.

Почти въ каждой крестьянской избѣ вы встрѣтите на стѣнахъ какія-нибудь картинки, чаще духовнаго содержанія; въ переднемъ углу на полкѣ увидите книжки, но не однѣ духовныя; есть здѣсь и свѣтскаго содержанія, которыя, несмотря на всѣ трудности и препятствія, начинаютъ все болѣе распространяться среди народа.

Отъ Покровскаго я направился дальше къ Нечаеву. Путь лежалъ мимо казенной лѣсной дачи—чудеснѣйшаго сосноваго бора. Я вышелъ изъ тарантаса и долгое время шелъ пѣшкомъ. Колеса экипажа тихо шуршали по песку, а на извилистой лѣсной тропѣ, усыпанной хвоей и часто теряющейся въ моховикахъ, и совсѣмъ не было слышно шаговъ. Боръ тоже затихъ, не то прислушиваясь къ чему-то, не то объятый лѣнивой

дремотой. Воздухъ былъ неподвиженъ и такъ напоенъ смолистымъ ароматомъ сосны, что трудно было дышать, и такъ былъ прозраченъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что взоръ проникалъ далеко въ глубь лѣсной чащи. Было такъ тихо и спокойно, лѣсъ былъ такъ задумчивъ, безмолвенъ и такъ красивъ, что не хотѣлось ни говорить ни двигаться, а лишь впивать въ себя этотъ живительный воздухъ и цѣлебный покой величавой природы.

До Нечаева 22 версты, и дорога идетъ по берегу р. Кемы, по такой живописной мѣстности, что ей можно бы смѣло дать названіе „Бѣлозерской Швейцаріи".

Красиво течетъ Кема въ своихъ утесистыхъ крупныхъ берегахъ. Здесь, а по пути то и дѣло попадаются заброшенныя усадьбы, когда-то богатыхъ, но теперь разорившихся помѣщиковъ, гдѣ прежде привольно развертывалось широкое барское житье. Кема—красивѣйшая рѣка на сѣверѣ Россіи. Она имѣетъ около 200 верстъ длины; берега ея покрыты чудеснымъ строевымъ лѣсомъ, который сплавляютъ въ Бѣлое озеро, а потомъ на Маріинскую систему для отправки въ Петербургъ или же на Волгу. Каждый годъ съ Кемы выгоняется до полумилліона бревенъ, не считая сотенъ барокъ съ дровами, идущими въ столицу. Такъ какъ здѣсь и лѣса много и сплавъ удобный, то поблизости много лѣсопильныхъ заводовъ, и хотя они истребляютъ большое количество лѣса, но все-таки его еще такъ много, что хватитъ не на одно поколѣніе.

По дорогѣ отъ Нечаева встрѣтились мнѣ лѣсныя озера. Лѣсныя озера богаты рыбой и водяной дичью, но добывать эти богатства пока нѣтъ почти никакой возможности; берега озеръ

имѣютъ видъ зыбкаго мохового болота, точно покрытаго тонкимъ слоемъ твердой земли. Почва подъ ногами все время колеблется, и нужна большая осторожность: одинъ невѣрный шагъ, и вы погружаетесь въ топкое болото по горло, а то и съ головой.



Рис. 29. Олонецкій пастухъ.

Особенно богато рыбою Дружинное озеро, имѣющее холмистые, очень живописные берега.

Мѣстные крестьяне могли бы жить безбѣдно, еслибы они умѣли заготовлять рыбу впрокъ, т.-е. вялить, солить и т. п., чтобы отправлять и на отдаленные рынки, или если бы имѣлся спросъ на нее на мѣстѣ; но такъ какъ ни того ни дру-

того нѣтъ, то населеніе весьма и весьма бѣдно. Одной изъ главныхъ причинъ недостаточности населенія служатъ высокія цѣны на хлѣбъ, доставка котораго сюда за 100—150 верстъ и болѣе крайне затруднительна; къ тому же почти вся хлѣбная торговля находится въ рукахъ нѣсколькихъ кулаковъ.

„Дружинное озеро“, какъ видно изъ самаго названія, принадлежало когда-то дружинѣ бѣлозерскихъ князей. Это озеро одно изъ интереснѣйшихъ озеръ не только Бѣлозерскаго края, но, пожалуй, и всего земного шара, оно систематически исчезаетъ каждые 2—3 года.

Въ извѣстное время вся вода уходитъ изъ озера въ глубокія ямы, находящіяся подъ берегомъ. Мнѣ удалось ихъ разсмотрѣть, такъ какъ во время моего посѣщенія вода въ озерѣ какъ разъ „ушла“. Окрестные крестьяне пробовали было измѣрить глубину этихъ ямъ, опуская въ ихъ отверстія длинныя веревки съ гирями, но даже самыя длинныя веревки не доставали, по ихъ разсказамъ, дна. Надо думать, что эти ямы соединены подземными каналами съ Бѣлымъ озеромъ, куда и стекаетъ „проваливающаяся“ водяная масса Дружиннаго озера. Разсказываютъ, будто даже находили на Бѣломъ озерѣ бревна, плававшія ранѣе на Дружинномъ озерѣ и потомъ поглощенныя ямами во время исчезновенія озера. Такъ какъ вмѣстѣ съ водой исчезаетъ и вся рыба, то естественно возникъ вопросъ о принятіи мѣръ противъ капризовъ озера. Одинъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ далъ такой совѣтъ крестьянамъ: сдѣлать плотины, которыя преграждали бы доступъ воды къ ямамъ, и, слѣдовательно, мѣшали бы проваламъ озера. Плотины эти сооружены еще

недавно, такъ что судить о пользѣ ихъ пока трудно; молодежь убѣждена, что ихъ направлено озеро перестанетъ, наконецъ, „бѣгать“, но старики относятся недовѣрчиво и говорятъ, что все-таки „озерной“ дѣдушка разрушитъ затѣи, т.-е. плотины.

На горѣ у Дружиннаго озера находится небольшая церковь Дружининскаго прихода, а близъ нея маленькій поселокъ, населенный исключительно церковнымъ причтомъ. Дорога, идущая отъ Дружининскаго прихода, совершенно не приспособлена для ѣзды, неровная, мало наѣзженная, а весной и осенью, во время распутья, „непролазная“, какъ мѣтко выражаются о ней ямщики. Дорога эта все время идетъ лѣсомъ, и лѣсная заросль такъ густа, что продраться сквозь нее сопряжено съ огромными затрудненіями. Говорятъ, въ лѣсныхъ чащахъ здѣсь масса дикихъ звѣрей: волковъ, медвѣдей, лисицъ, куницъ и т. д. Охотничій промыселъ могъ бы дать жителямъ не мало прибыли, но по бѣдности своей они не имѣютъ возможности пріобрѣтать ружья. Большею частью ружья у нихъ самодѣльныя и очень неудобныя; для того, чтобы убить дикаго звѣря изъ такого ружья, надо быть особенно искуснымъ. Звѣри, пользуясь свободой, много вредятъ окрестнымъ жителямъ: медвѣди портятъ овесъ, истребляютъ скотину, „задираютъ“ иногда до смерти коровъ и телятъ.

Кончился перелѣсокъ, показалась деревня, именуемая Конюшино. Она лежитъ въ центрѣ Киснемскаго прихода и имѣетъ земскую почтовую станцію. Я остановился въ станціонномъ домѣ, изъ оконъ котораго открывался красивый видъ на Бѣлое озеро и на села, расположенныя по его



Рис. 30. Деревня Радогоща.

берегамъ: Вашки, Куй и др. Ихъ бѣленькія церкви съ зелеными куполами и посеребренными крестами отчетливо выступали на блѣдно-голубомъ фонѣ безоблачнаго неба.

Мое появленіе въ деревнѣ произвело большое впечатлѣніе; къ станціонному дому собралась большая толпа крестьянъ, которые съ любопытствомъ разсматривали меня, точно диковиннаго звѣря. Впрочемъ, и немудрено: „проѣзжій“, дѣйствительно, большая рѣдкость въ этомъ глухомъ уголкѣ.

Киснемскій приходъ, къ которому принадлежитъ д. Коношино, одинъ изъ бѣднѣйшихъ приходовъ Бѣлозерскаго края. Такъ какъ онъ лежитъ довольно далеко отъ Бѣлаго озера, то киснемскіе крестьяне не могутъ заниматься рыбнымъ промысломъ, пользоваться богатствами озера, кормиться имъ, какъ это дѣлаютъ окрестные крестьяне, и принуждены искать другихъ средствъ къ существованію. Занимаются мѣстные крестьяне снитманіемъ ивовой коры, которая идетъ въ употребленіе на кожевенные заводы на Оку и Волгу. Стоимость этого лыка на мѣстѣ 20—25 коп. за пудъ, и въ теченіе лѣта его собираютъ до 20.000 пудовъ. Этимъ промысломъ занимаются и старики, и взрослые, и даже дѣти, и онъ все-таки могъ бы давать крестьянамъ нѣкоторыя выгоды, если бы и его не успѣли захватить въ свои руки „кулаки“, которые и понижаютъ цѣны до крайности. Обдираніе коры, которое производится съ моло-



Рис. 31. Безыменное озеро вблизи дер. Чаяпно, Борис. вол.

дого дерева, губитъ не мало деревьевъ, но объ этомъ крестьяне заботятся мало, такъ какъ, несмотря ни на что, лѣсу въ Новгородской губерніи еще очень и очень много, и крестьяне поэтому нисколько не думаютъ его беречь.

Дорога удивительно однообразна: однообразный хвойный лѣсъ съ своими однообразно стройными высокими соснами и сумрачными елями, деревушки, какъ двѣ, капли воды напоминающія одна другую,—только и разницы, что эта немного побольше, та немного меньше, да развѣ кое-гдѣ церковь поновѣе, или кое-гдѣ выдвинется на площадь новое веселое и просторное школьное зданіе. Только въ одномъ мѣстѣ у деревни Липникъ неожиданно среди хвойнаго лѣса оживленной говорливой группой выступили липы. Это Липинъ боръ. Бѣлозерскому жителю такъ непривыченъ былъ видъ лиственнаго лѣса, что онъ и его окрестилъ именемъ родного бора. И дѣйствительно, странно видѣть свѣжія зеленыя липы съ шаловливо трепещущей подъ вѣтромъ листвой среди угрюмо раскачивающихся верхушекъ суровой сѣверной тайги. Точно жизнерадостная молодежь среди неповоротливыхъ ворчливыхъ стариковъ.

Далѣе за финскимъ поселеніемъ Муньча слѣдовало село Ухтома, лежащее на маленькой рѣчкѣ Ухтомѣ, впадающей въ Бѣлое озеро. Ухтома— довольно большое село. Главное занятіе его обитателей составляетъ рыбная ловля; лѣтомъ ловятъ ершей, окуней и другую рыбу, а весной, осенью и зимой — знаменитыхъ бѣлозерскихъ снитковъ.

Весенній ловъ начинается обыкновенно между Егорьевымъ днемъ и вешнимъ Николой, т.-е.

между 23 апрѣля и 9 мая. Въ то время вскрывается ледъ Бѣлаго озера, и снитокъ устремляется въ впадающія въ него рѣки Ковжу и Кему и поднимается по нимъ вверхъ густыми массами. Снитковъ ловятъ большими неводами, называемыми „тагасами“, имѣющими въ длину отъ 30 до 70 саж., одиночными мережами, называемыми „частушки“, и обыкновеннымъ сачкомъ, прикрѣпленнымъ къ длинной палкѣ. Весеній уловъ настолько великъ, что нѣкоторыя крестьянскія семьи прибрежныхъ селеній налавливали до 800 пудовъ снитка, такъ что, если считать по обыкновенной цѣнѣ 40 коп. за пудъ, то въ какіе-нибудь десять дней заработокъ доходитъ до 300 руб. слишкомъ. Такой обильный ловъ случается, однако, не каждую весну, а приблизительно черезъ 5—7 лѣтъ. Выловленный весною снитокъ крестьяне сушатъ въ особыхъ сушильняхъ или въ обыкновенныхъ печахъ. Осенній ловъ незначителенъ; главный же бываетъ зимой послѣ замерзанія Бѣлаго озера. Ловятъ зимой „тагасами“. Въ тагасѣ участвуетъ до 40 человѣкъ; это не только жители пріозерныхъ селеній, но и лѣсныхъ деревень, расположенныхъ на довольно далекомъ разстояніи.

Ловъ начинается на разсвѣтѣ и оканчивается къ 6 ч.; ловцы уѣзжаютъ домой, сѣти же оставляютъ на озерѣ, засыпая ихъ снѣгомъ, чтобы не смерзались. Такъ какъ снѣтокъ рыба очень нѣжная, то во избѣжаніе порчи во время оттепели ее смѣшиваютъ со снѣгомъ. Годовой доходъ тагаснаго улова исчисляется въ 150 тысячъ рублей, но бываетъ и гораздо меньше,—годъ на годъ не приходится. Въ прежніе годы снитка



Рис. 32. Пелужское озеро (Восточный уголъ).

было, говорятъ, больше, теперь промыселъ съ каждымъ сезономъ падаетъ.

Отъ Ухтомы дорога идетъ хвойнымъ, а иногда и смѣшаннымъ лѣсомъ; она то извивается, то идетъ прямо, какъ стрѣла. Я проѣхалъ 12 верстъ, не встрѣтивъ по пути никакого жилья: угрюмый сѣверный лѣсъ, а кругомъ на десятки верстъ болота, непроходимыя болота, занимающія $^{1}/_{3}$ всей площади Новгородской губерніи.

Наконецъ показались дома, и мы въѣхали въ Крохинскій посадъ. Когда-то здѣсь кипѣла жизнь. До открытія обходнаго Бѣлозерскаго канала,

всѣ суда, идущія съ Волги въ Петербургъ, поднимались вверхъ по рѣкѣ Шекснѣ, до Крохинскаго посада. Въ его пристани перегружались хлѣбные и другіе товары съ рѣчныхъ судовъ на болѣе крѣпкія озерныя суда „бѣлозерки“, на которыхъ ихъ и везли далѣе по Маріинской системѣ. Прежнее Крохино напоминало своимъ оживленіемъ нынѣшній Рыбинскъ.

Теперь же воспоминаніемъ прежнихъ цвѣтущихъ дней служатъ развалины огромныхъ каменныхъ домовъ да богатый соборъ. Съ проведеніемъ канала картина измѣнилась: всѣ суда предпочитаютъ плыть по каналу, который такимъ

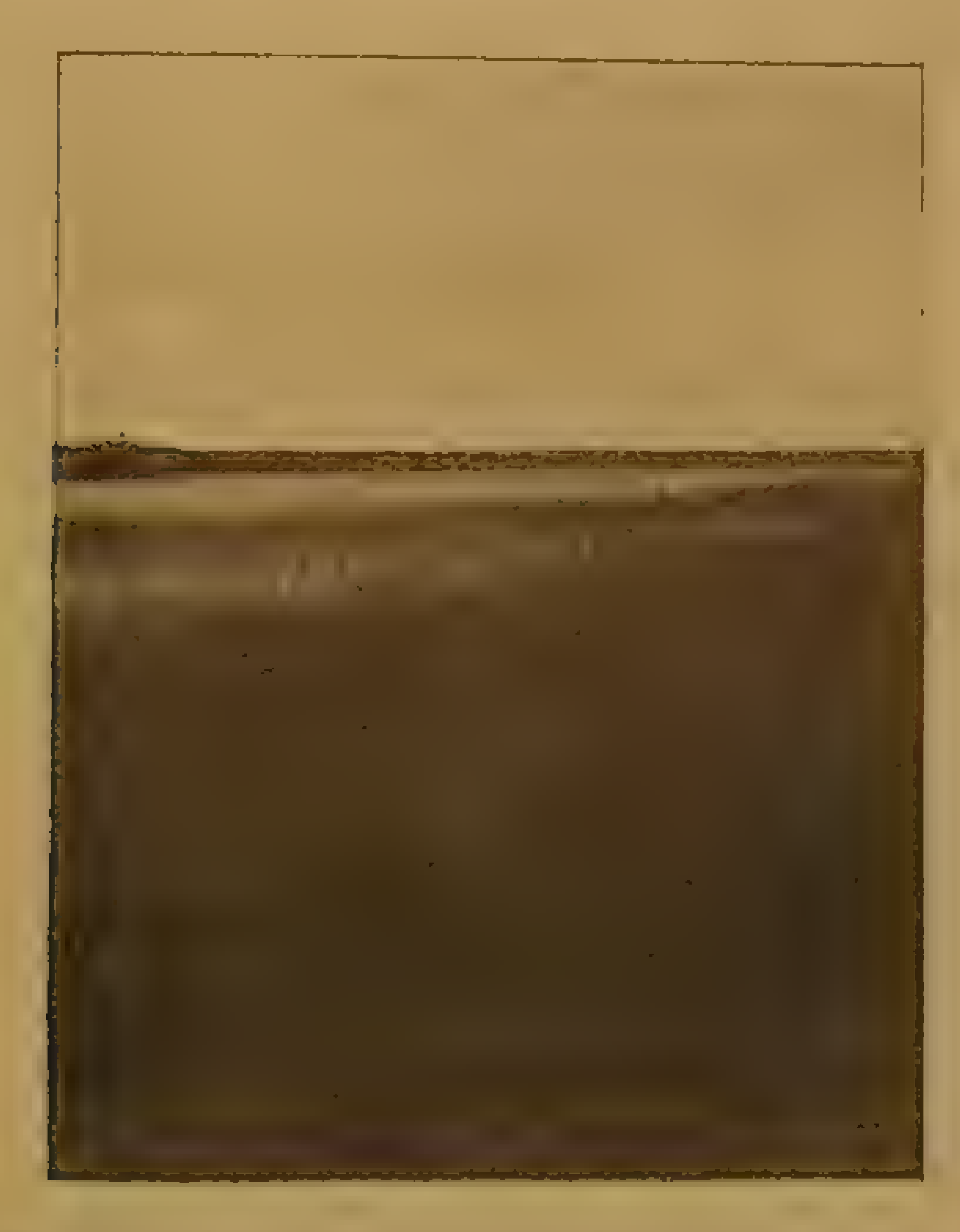


Рис. 33. Пелушское озеро при впаденіи въ него рѣки Леди.

образомъ подорвалъ благосостоянiе Крохинскаго посада. Старыя купеческiя фамилiи, имѣвшiя по нѣскольку десятковъ своихъ судовъ, разорились и постепенно вымерли. Каменныя палаты, которыя не на что и не для чего ремонтировать, разрушаются одна за другой и разбираются жителями на кирпичъ для печей; огромные хлѣбные амбары, въ которые стало нечего складывать, мало-по-малу сжигаются на дрова. Въ настоящее время Крохино можно назвать вымирающимъ посадомъ; жители, привыкшiе къ судовому промыслу, продолжаютъ „ходить на суда" и кормиться у Марiинской водной системы. Но судовой промыселъ вредно отзывается на мѣстныхъ жителяхъ, и крохинское мѣщанство, благодаря отхожимъ промысламъ, совершенно забросило земледѣлiе и рыболовство—свои коренныя занятiя, превратившись въ наемныхъ рабочихъ. Заработокъ на Марiинской водной системѣ за весь навигацiонный перiодъ (а онъ длится 5—6 мѣсяцевъ) получается слѣдующiй: низшiй классъ рабочихъ, назыв. „коренные", имѣютъ въ среднемъ около 10 р. въ мѣсяцъ, а шкипера около 15 рублей въ мѣсяцъ. Но такъ какъ среди рабочаго люда сильно развито пьянство, то домой приносится самая незначительная часть заработка, да и эти деньги пропиваются зимой, когда судовщикъ, отбившiйся отъ крестьянскаго дѣла, топитъ зимнюю скуку въ винѣ. Но прокормиться зиму все же надо хоть какъ-нибудь, и рабочiй идетъ искать задатковъ въ счетъ заработка на будущую навигацiю и попадаетъ, въ концѣ-концовъ, въ неоплатную кабалу, такъ что своего заработка цѣликомъ никогда почти не получаетъ; хозяинъ, конечно, не упускаетъ случая прижать нуждающагося рабо-

чаго: вмѣсто денегъ платитъ ему нерѣдко разными товарами,—главнымъ образомъ, ржаной мукой,—расцѣнивая ее значительно выше „вольной“ продажной цѣны. И чѣмъ болѣе запутывается и бѣднѣетъ рабочій, благодаря такимъ сдѣлкамъ, тѣмъ богаче и состоятельнѣе становится судопромышленникъ. Они пріобрѣтаютъ настолько солидные капиталы, что заводятъ собственныя суда.

Судовый промыселъ сравнительно съ другими работами не труденъ и, какъ всякій легкій трудъ, имѣетъ вредное вліяніе. Хлѣбопашествомъ занимаются преимущественно женщины, остающіяся на лѣто дома; но не всѣ работы по силамъ женщинѣ: сѣнокосъ, уборка хлѣба еще туда—сюда, но пахота и другія тяжелыя полевыя работы, женщина часто не въ состояніи выполнить; приходится нанимать на помощь крестьянъ окрестныхъ деревень и дѣлиться съ ними тѣми крохами, которыя даетъ земля крестьянину на сѣверѣ Россіи.

Всѣ эти неблагопріятныя условія жизни—плохое питаніе, постоянная нужда, пьянство—тяжело отразились на крестьянахъ. Народъ въ Крохинѣ не отличается крѣпостью; вы не встрѣтите тамъ ни здоровыхъ ребятъ ни бодрыхъ стариковъ, какихъ можно видѣть въ другихъ деревняхъ и селахъ. Такъ какъ жизнь въ посадѣ съ каждымъ годомъ дѣлается все труднѣе и труднѣе, то крохинская молодежь стремится въ другія мѣста, гдѣ скорѣе и легче можно добыть средства для пропитанія.

Общественная жизнь Крохина также весьма безотрадна; здѣсь не имѣется ни хорошаго училища, ни читальни, ни правильной медицинской помощи. Въ посадѣ существуетъ приходское на-

чальное училище, которое не удовлетворяетъ потребности въ образованіи посадскаго населенія. Было ходатайство о преобразованіи этого училища въ городское, но посадъ слишкомъ бѣденъ, и на свои средства не въ состояніи содержать школы повышеннаго типа. Нѣтъ въ посадѣ ни доктора ни аптеки,- есть только фельдшеръ. Земство ассигнуетъ въ его распоряженіе сто рублей въ годъ на лѣкарства, но этихъ денегъ, конечно, недостаточно, такъ какъ населеніе довольно большое, и число заболѣваній весьма значительно. Постоянный врачъ необходимъ въ Крохинѣ и особенно въ послѣднее время, когда тамъ стали свирѣпствовать эпидеміи кори, скарлатины и др. Тяжело больныхъ приходится возить въ Бѣлозерскъ, верстъ за 17.

Отъ Крохинскаго посада до пристани Чайки верстъ 7—8. Добрался я до пристани заблаговременно, такъ что мнѣ пришлось цѣлый часъ ждать парохода. Отъ скуки пошелъ бродить. Пристань состоитъ изъ 10—15 домовъ и не представляетъ ровно никакого интереса. Удобствъ для путешественника даже самыхъ элементарныхъ не имѣется: нѣтъ ни гостиницы ни даже простого навѣса на берегу, гдѣ бы можно было схорониться отъ непогоды; нѣтъ даже почтовой станціи; красуется только недавно открытая винная монополія,— вотъ и всѣ удобства. Часъ, проведенный на Чайкѣ, показался мнѣ настолько томительнымъ, что я отъ души обрадовался, когда, наконецъ, пароходъ „Тамара“ подошелъ къ пристани, и я могъ отправиться въ г. Череповецъ, единственный городъ, расположенный на рѣкѣ Шекснѣ.

Городокъ этотъ небольшой. Раньше, давнымъ-давно, здѣсь, говорятъ, жило племя „весь“, отъ

него будто бы и произошло название „Череповесь“. Во второй половинѣ XIV столѣтія здѣсь, по преданіямъ, поселились два отшельника Аѳанасій, по прозванію „желѣзный посохъ“, и Ѳеодосій. Они первые положили основаніе Воскресенскому монастырю, въ настоящее время собору Череповца. И вотъ, благодаря усердію вѣрующихъ и щедрости московскихъ князей, монастырь этотъ сталъ все больше и больше процвѣтать. Когда край вошелъ въ составъ владѣній бѣлозерскихъ князей, то они стали жаловать монастырю озера и рѣки съ рыбными ловлями, надѣляли его деньгами и землями, приписывали крестьянъ, охраняли монастырь отъ обидъ и утѣсненія.

Череповецъ не имѣетъ еще торговаго и промышленнаго значенія, но что онъ будетъ имѣть его, это внѣ всякаго сомнѣнія. Недавно проведенная Сѣверная желѣзная дорога дастъ много жизни этому городку. Сѣверная линія подходитъ къ нему довольно близко, и вокзалъ выстроенъ недалеко отъ центра города. Кромѣ того, здѣсь думаютъ провести желѣзнодорожную вѣтвь къ самой рѣкѣ, гдѣ и будетъ сосредоточенъ главный складъ товаровъ, предназначенныхъ къ перегрузкѣ съ рѣчныхъ судовъ въ вагоны, тогда и набережная рѣки Шексны приметъ болѣе оживленный видъ; теперь же она нѣсколько оживаетъ только лѣтомъ, когда бываетъ судовое движеніе по рѣкѣ Шекснѣ.

Но и въ настоящее время Череповецъ довольно культурный городокъ и по числу своихъ учебныхъ заведеній занимаетъ въ Новгородской губерніи первое мѣсто. Здѣсь обращено особенное вниманіе на народное образованіе. Имѣются техническое и реальное училища, учительская се-

минарія, женская гимназія и нѣсколько низшихъ школъ. Есть даже общественная библіотека, гдѣ бываютъ воскресныя чтенія и читаются лекціи для городского рабочаго населенія.

Крестьянское населеніе Череповца занимается, главнымъ образомъ, судоходствомъ по Маріинской системѣ; а въ уѣздѣ занимаются выдѣлкой желѣза, особенно въ Уломѣ. Еще при царѣ Иванѣ Грозномъ здѣсь находился арсеналъ и отливались пушечныя ядра, теперь же изъ желѣза выдѣлываются, главнымъ образомъ, гвозди и мелкія сельскохозяйственныя орудія.



Рис. 34. Крестьянинъ 71 года, изъ Череповъ. уѣзда, Новгородск. губерніи.

Череповецкій уѣздъ мѣстами холмистъ, мѣстами же имѣетъ видъ плоской болотистой низины. Въ этой заболоченной почвѣ образуются обильныя залежи болотной желѣзной руды.

Въ Череповцѣ я пробылъ одинъ день, а потомъ на пароходѣ отправился далѣе и по рѣкамъ Шекснѣ и Мологѣ пріѣхалъ въ городъ Устюжну, довольно благоустроенный городокъ съ 13 ка-

меньшими церквями, земской больницей, нѣсколькими учебными заведеніями, съ фабрикой, заводами, мельницей. Большая часть населенія городскія сословія: почетные граждане, купцы, мѣщане.

Въ старину мѣсто, гдѣ стоитъ теперь городъ, называлось „Желѣзнымъ полемъ“; это названіе оно получило отъ добываемой здѣсь въ изобиліи желѣзной руды. Изъ Устюжны отправляютъ лѣсные матеріалы, овесъ, желѣзныя издѣлія, а разгружаютъ здѣсь бакалейные, мануфактурные товары и хлѣбъ. Жители занимаются постройкой судовъ, „тихвинокъ“, и различными промыслами, главнымъ образомъ, лѣсными; много уходитъ работать въ Петербургъ и на Маріинскую систему.



Рис. 35. Крестьянинъ Череповецкаго уѣзда, Новгородской губ.

Въ Устюжнѣ мнѣ пришлось по разнымъ обстоятельствамъ прожить довольно долго, т.-е. до половины зимы, так что изъ Устюжны я выѣхалъ уже на саняхъ.

Переправившись черезъ рѣку Чагду, приходилось ѣхать то полями, то лѣсами. минуя по дорогѣ разбросанныя деревеньки съ низенькими избами, укрытыми почти цѣликомъ снѣгомъ; здѣсь онъ выпадаетъ на аршинъ и на два. Нѣсколько разъ проѣзжали по льду, по замерзшимъ болотамъ, проѣзжимъ только зимой, среди которыхъ изрѣдка торчали низенькія корявыя сосны. Послѣ этихъ болотъ мы снова въѣзжали на чудную укатанную дорогу, мелькала деревенька, за ней поля, а потомъ снова лѣсъ, тянувшійся верстъ на 15—20, опять поля, болота и къ вечеру я, наконецъ, достигъ села Бабаева. Проѣхали прекрасно устроенный мостъ, и я не мало удивился, встрѣтивъ въ такой глухой мѣстности два солидныхъ каменныхъ зданія съ высокими трубами. Это были полуразвалившіеся, когда-то богатые проволочные заводы, не дѣйствующіе лѣтъ 15 и принадлежащіе мѣстнымъ помѣщикамъ.

На нихъ было истрачено много денегъ, но пути сообщенія къ ближайшему городку до того плохи, что, несмотря на низкую заработную плату мѣстныхъ крестьянъ-рабочихъ, эти заводы должны были прекратить работу. Въ настоящее время крестьяне уже позабыли о гудящей трубѣ, и только бѣлыя стѣны напоминаютъ о томъ, что были когда-то попытки оживить этотъ край.

Рядомъ съ заводами тянутся службы и хорошія двухъэтажныя жилыя постройки помѣщиковъ, которые рѣдко, впрочемъ, заглядываютъ сюда: но стоитъ только отъѣхать нѣсколько шаговъ отъ этихъ построекъ съ барскими прихотями, какъ передъ вами обычный типъ деревни Новгородской губерніи: разбросанныя въ безпорядкѣ



Рис. 36. Крестьяне Усть-Алексѣевской волости, Устюженскаго уѣзда, Новгородской губерніи.

низенькія избы, изъ крупнаго, но уже полусгнившаго лѣса, крытыя то тесомъ, то соломой; зеленыя желѣзныя крыши изрѣдка нарушаютъ эту сѣрую картину,—это или лавочка мѣстнаго купца, продающаго крестьянамъ хлѣбъ и крупу, или домикъ священника съ замерзшими стеклами, или, наконецъ, мѣстная школа, не выкрашенная, съ небольшими окнами, но сразу бросающаяся въ глаза своимъ новымъ видомъ; винная лавочка и волостное правленіе, а надъ всѣмъ этимъ высится сельская церковь, стоящая возлѣ дороги и окруженная погостомъ, рѣдко усѣяннымъ деревянными полусгнившими крестами, и только близъ самой церкви одиноко выдѣляется окрашенная

деревянная рѣшетка съ болѣе высокимъ крестомъ, очевидно, надъ могилой помѣщика.

Заѣхалъ я въ первую попавшую избу: низенькая дымная комната, съ печкой безъ трубы: въ туманѣ дыма копошилось нѣсколько бабъ, изъ которыхъ одна укачивала ребенка въ люлькѣ; на полатяхъ покрякивала старуха; мужчинъ не было видно,—оказалось, что всѣ мужики на „лѣсныхъ заготовкахъ".

Заинтересованный этимъ крестьянскимъ промысломъ, я самъ ѣздилъ на „пасѣки" (мѣста рубки лѣса и теперь сдѣлаю маленькое отступленіе, чтобы подѣлиться съ читателемъ впечатлѣніемъ и описать въ краткихъ словахъ свою поѣздку.

Былъ вечеръ, тепло и на небѣ было ясно; лошади, хотя и не особенно охотно, мѣстами бѣжали рысцой. Въ разговорахъ мы, т.-е. нѣсколько крестьянъ и я, заѣхали въ глубь лѣса; послѣдняя, затерявшаяся среди болотъ и лѣсовъ деревенька оставалась отъ насъ верстахъ въ десяти.

Слѣды лыжъ по снѣгу, разбѣгающіеся отъ главной дорожки, кучи хворосту и обрубленныхъ вѣтвей, распростертыя по снѣгу сосны и ели, ясно говорили, что мы уже въ пасѣкѣ. Несмотря на значительную вырубку лѣса въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, или, какъ выражаются крестьяне, „полосканье", лѣсъ въ общемъ имѣлъ величавый дѣвственный видъ, благодаря, конечно, тому, что пока снимали лишь сливки.

Такъ какъ лѣсныя заготовки бываютъ очень далеко отъ деревень, верстахъ въ 30 и болѣе, то естественно крестьяне не могутъ жить у себя дома, и вотъ они принуждены по цѣлымъ мѣсяцамъ жить въ лѣсныхъ избахъ. Работаютъ иногда на этихъ заготовкахъ весь годъ, исключая лѣтніе

мѣсяцы. Весной и осенью обыкновенно изготовляютъ матеріалы для вывозки, зимою же возятъ.

Весной и осенью, благодаря климатическимъ условіямъ, работы на заготовкахъ бываютъ особенно тяжелы. Я остановился на ночлегъ въ лѣсной избѣ. Лѣсныя избы — это бревенчатые срубы съ землянымъ поломъ, безъ оконъ, съ отверстіемъ для входа въ квадратный аршинъ. Срубъ рубится на мху, на потолокъ насыпается слой земли; два сплошныхъ ряда жердей, установленныхъ подъ угломъ, служатъ подобіемъ крыши. Около избъ устраиваются изъ жердей и еловыхъ вѣтвей дворики для лошадей. Зимой изба съ ея пристройками, покрыта аршиннымъ пластомъ снѣга. Избушка, въ которой я ночевалъ, была длиной и шириной 8 аршинъ; высота всего 2 аршина; ходить въ ней хотя и можно было, но приходилось сильно сгибаться. Въ такой избушкѣ ночуетъ иногда до 30 человѣкъ. Для отопленія избъ служатъ печки изъ камней, которыя устраиваютъ у задней стѣны; такія печки дѣлаются въ баняхъ; для выхода дыма устроено небольшое отверстіе въ потолкѣ и двери. Столбикъ для лучины, вбитый въ стѣну,—деревянные гвоздики въ стѣнѣ для вѣшанья платья, два тонкихъ бруска на землѣ для сидѣнья, нары,—вотъ и все убранство лѣсной избы. Питаются крестьяне во время заготовокъ картофелемъ, гороховой мукой, пшеномъ, а въ скоромные дни и мясомъ; похлебка варится по утру и вечеромъ, на крючкахъ, подвѣшиваемыхъ на палку сверху печки; хлебаютъ прямо изъ котелковъ: посуды нѣтъ никакой; грязь и сажа на всемъ. Обитателей „избушекъ“ можно всегда отличить въ толпѣ народа: лицо и руки ихъ такъ же черны, какъ и стѣны ихъ жилищъ.

Но вотъ истопили печку, жара сдѣлалась невыносимая, — казалось, она доходила градусовъ до 40; я чувствовалъ себя, какъ въ банѣ на полкѣ. Къ утру жара спала, и я всталъ бодрый и свѣжій, какъ всегда. Чуть стало свѣтать, какъ ужъ всѣ закопошились, запрягли лошадей и отправились на работы.

Вернусь къ прерванному разсказу. Время близилось къ вечеру, на столъ поставили миску и положили нѣсколько ложекъ; мужиковъ поджидали домой ужинать; въ одномъ углу передъ окномъ на столѣ была разложена овечья шерсть и пріѣзжій мужикъ съ помогавшимъ ему парнемъ, валяли валенки, и изба была полна шерсти. Стемнѣло. Нѣсколько мужиковъ съ обледянѣлыми лицами вошли въ избу, перекрестились, стали снимать для просушки валенки, поразмяли члены возлѣ горячо натопленной печи; въ комнатѣ запахло похлебкой. Ужинъ длился недолго: каша съ масломъ и добрая коврига черного хлѣба быстро исчезли со стола. Запивъ все это водой, крестьяне стали бесѣдовать, между прочимъ, считать выручку за двухнедѣльную работу. Дневной заработокъ равняется приблизительно 25—40 к. Но мирная бесѣда продолжалась недолго, молодой хозяинъ сталъ требовать отъ сидящаго рядомъ съ нимъ крестьянина полученную тѣмъ заработную плату. Мы долго не могли понять, изъ-за чего у нихъ споръ. Оказалось, что крестьянинъ этотъ былъ взятъ въ домъ и женатъ на старухѣ, матери этого хозяина, и при такихъ условіяхъ долженъ былъ весь заработокъ отдавать молодому главѣ семьи. Взятый въ домъ вотчимъ, очевидно, былъ очень покладистаго характера и, можетъ-быть, потому ссора не зашла далеко. Бабы послали на полу сѣи-

щики, и всѣ улеглись спать. Меня примостили на лавкахъ, гдѣ я промучился всю ночь отъ насѣкомыхъ, дыма, пыли и, главнымъ образомъ, не могъ уснуть изъ-за стука и возни валяльщика, который проработалъ надъ парой валенокъ всю ночь при свѣтѣ лучины. На мои разспросы, валяльщикъ разсказалъ, какъ онъ проводитъ зиму, засыпая на нѣсколько часовъ одинъ или два раза въ недѣлю; онъ пѣшкомъ переходитъ изъ одной деревни въ другую, изъ избы въ избу и, работая въ дыму и духотѣ день и ночь, зарабатываетъ въ сутки въ среднемъ копеекъ 25—30.

Было еще совсѣмъ темно, когда встали женщины; началась возня, уборка избы, хожденіе къ рѣчкѣ за водой, и только часа черезъ полтора, когда утренній свѣтъ проникъ въ избу и пѣтухи на дворѣ горланили во-всю, мужики, лѣниво потягиваясь, выправляли свои окоченѣвшіе члены, усталые еще отъ вчерашней работы.

Было воскресенье, женщины разодѣлись въ свою праздничную одежду и потянулись къ церкви; изрѣдка между ними мелькали сѣрые полушубки мужчинъ; колоколъ звонилъ какъ-то уныло и тускло, и даже молодыя веселыя дѣвичьи лица, яркія цвѣтныя платья, и кой-гдѣ раздававшаяся унылая пѣсня подъ аккомпанементъ однообразной гармоники не оживляли этой картины.

Въ Бабаевѣ пришлось мнѣ проводить и масленицу. Это почти самое веселое время въ деревнѣ. Чудная укатанная дорога, веселый морозъ на дворѣ. Передъ масленой въ каждой деревнѣ торопятся со свадьбами, и теперь молодые разъѣзжаютъ въ саночкахъ, разукрашенныхъ разноцвѣтными лоскутками, такими же лоскутками и лентами украшены гривы и хвосты лошадей; бубенчики весело

звенятъ.—кажется, что даже заморенныя лошаденки стараются бѣжать бодрѣе и скорѣй. Незадолго до масленицы мнѣ пришлось быть на одной свадьбѣ. Нѣсколько дней варилось пиво и квасъ. Собрались вокругъ невѣсты деревенскія подруги; пошли обычныя пѣсни, причитанія и сборъ съ гостей доброхотныхъ даяній въ пользу пѣсенницъ и молодыхъ. Но вотъ невѣста съ нѣсколькими подругами поднялась со своего мѣста, стала обходить гостей, останавливаясь почти передъ каждымъ; въ горестной пѣснѣ подруги жалѣли невѣсту, которая оставляла вольную дѣвичью жизнь; мнѣ невольно вспомнилась эта „вольная“ дѣвичья жизнь, въ которой, кромѣ жажды жизни и все скрашивающей молодости, не было ничего хорошаго: сплошной безотрадный трудъ, окрики родителей, никакихъ удовольствій, кромѣ изрѣдка получаемыхъ гостинцевъ... Какой же грустной и тяжелой должна быть жизнь замужней женщины, если подначальная однообразная жизнь дѣвушки считается „вольной“. Но вотъ невѣста подошла къ почтенному гостю; пропѣвъ передъ нимъ ту же горестную пѣснь, она печально склонила голову, на которой ярко алѣла красная ленточка. Почетный гость, по предложенію молодыхъ ея подругъ, снялъ эту ленту, совершилъ такъ называемый обрядъ „снятія красы дѣвичьей“, поцѣловалъ ее въ голову и положилъ на поданную тарелку серебряный рубль. Молодая отошла еще съ бо́льшимъ плачемъ, подруги расплели ей косу, заложили волосы на макушку и надѣли платокъ; платокъ скоро сняли, и наружно молодая была снова весела, но на лицѣ ея видна была не только обрядная грусть, но дѣйствительное будущее представлялось ей, повидимому, очень горестнымъ.

Всѣ свадьбы въ деревнѣ бываютъ въ это время; лѣтомъ, по крайней мѣрѣ, крестьяне никогда не устраиваютъ свадебъ; дѣвушки въ крестьянскомъ хозяйствѣ неоцѣнимая рабочая сила, и, прокормивши ее зимой, крестьянинъ-отецъ никогда не выпуститъ работницу лѣтомъ.

Послѣ обрядовъ передъ гостями поставили большія деревянныя миски съ пивомъ и квасомъ, которыя каждый долженъ былъ опорожнить, въ противномъ случаѣ это сулило несчастье молодымъ.

Въ Новгородской губерніи существуетъ не мало своихъ обычаевъ и обрядовъ.

Кромѣ свадебныхъ, здѣсь еще до сихъ поръ твердо держится обычай „вытиранія живого огня", когда въ деревнѣ появятся эпидемическія болѣзни, — тифъ, лихорадка и др. Живой огонь добывается треніемъ бревна о бревно. Это воспоминаніе и остатокъ отъ тѣхъ очень древнихъ временъ, когда иначе еще не умѣли добывать; какъ всегда это бываетъ, древніе обычаи, не имѣющіе никакого значенія теперь, сохраняются для особыхъ торжественныхъ случаевъ и считаются священными.

Для добыванія „живого огня" назначается день, въ который запрещается по всей деревнѣ топить печи, грѣть самовары, зажигать лампы, курить, — однимъ словомъ, добывать огонь какимъ-либо способомъ. Съ вечера приготовляютъ бревна, а раннимъ утромъ чуть забрезжится заря, жители всей деревни высыпаютъ на улицу и принимаются за треніе бревенъ другъ о друга. Дѣлается это по очереди, чтобы каждый могъ сподобиться приложить руки къ такому важному дѣлу. Послѣ долгихъ усилій въ срединѣ дня крестьянамъ удается добыть огонь. Когда бревна задымятся,

къ нимъ прикладываютъ какіе-нибудь сухіе предметы и раздуваютъ искры, чтобы огонь вспыхнулъ. Изъ полученнаго огня раскладываютъ небольшой костеръ; черезъ него перепрыгиваютъ опять по очереди: сначала всѣ здоровые, потомъ тутъ же надъ огнемъ проносятъ больныхъ. Тѣмъ же „живымъ огнемъ“ растопляются потомъ всѣ печки по деревнѣ. Міръ надъ костромъ даетъ обѣщаніе въ ближайшій праздникъ отслужить молебенъ съ водосвятіемъ и крестнымъ ходомъ вокругъ селенія и ежегодно праздновать этотъ знаменательный день. Подобные праздники носятъ названіе „завѣтныхъ“.

Существуетъ также обычай „вмазыванія въ чело“. „Челомъ“ называется начало трубы надъ устьемъ печи. „Вмазываніе въ чело“ существуетъ для отгадки вора, въ случаѣ кражи денегъ. Крестьянинъ, у котораго случилась пропажа, обращается за помощью къ особому опытному знахарю, прося его, конечно, за приличное вознагражденіе „вмазать въ чело“. Знахарь беретъ у потерпѣвшаго рублевую бумажку, откалываетъ отъ трубы часть глины, съ различными нашептываніями кладетъ туда деньги и отверстіе вновь замазываетъ, не переставая произносить свои причитанія. По объясненію крестьянъ, какъ бумажка во время топки печи будетъ отъ жару тлѣть и сохнуть, такъ и человѣкъ, укравшій деньги, будетъ томиться и хирѣть; иногда, говорятъ они, человѣка отъ болѣзни такъ гнетъ и корчитъ, что онъ добровольно является каяться въ своемъ проступкѣ, умоляя владѣльца денегъ простить его и „вынуть изъ чела“,—и возвращаетъ похищенное.

Есть въ Новгородской губерніи также обрядъ „заповѣданія ягодъ“. Такъ какъ голодовка здѣсь

явленіе самое обыкновенное, то немалымъ подспорьемъ въ пищѣ для крестьянъ служатъ „лѣсные харчи", т.-е. грибы, ягоды. Для того, чтобы лѣсныя ягоды не собирались еще незрѣлыми, и для того, чтобы каждая семья имѣла возможность набрать болѣе или менѣе по равной долѣ, населеніе кладетъ заповѣдь на брусину, клюкву и верескъ. Съ этой цѣлью въ нѣкоторыхъ деревняхъ собираются мірскіе сходы въ самомъ началѣ лѣта и постановляютъ приговоръ: не собирать ягоды до извѣстнаго времени, сообща установленнаго на сходѣ; на ослушниковъ же налагается наказаніе, въ видѣ посильнаго денежнаго штрафа. Въ день „заповѣданія ягодъ" крестьяне даннаго селенія всѣ поголовно отправляются въ лѣсъ для сбора ягодъ, которыхъ въ урожайные годы накапливается въ лѣсахъ видимо-невидимо, въ особенности брусники и клюквы бываетъ много. Брусники крестьяне набираютъ и намачиваютъ цѣлыя кадки. Клюквы же нѣкоторыя семьи набираютъ по четверти и болѣе; ее почти всю продаютъ скупщикамъ. Для себя оставляютъ самыя плохія ягоды, которыя уже никто не покупаетъ,— можжевеловыя, но и онѣ „заповѣдуются" и заготовляются по нѣскольку мѣръ.

Зимой изъ нихъ варятъ мѣстный напитокъ, называемый „вересовое сусло", но пьютъ его только по праздникамъ и при семейныхъ торжествахъ: на крестинахъ, свадьбахъ и т. п.

Вотъ и весна: мнѣ пора и уѣзжать. Между тѣмъ началась весенняя ростепель, и маленькіе ручейки, едва видимые въ обыкновенное время, превратились въ довольно широкія бурныя рѣчки и, протекая по дорогамъ, дѣлали ихъ совершенно не проѣзжими. Ни за какую плату не соглаша-

лись меня везти. Мнѣ пришлось еще на нѣкоторое время остаться въ Бабаевѣ. Лѣсныя заготовки прикончились, а что не было подвезено къ мѣсту сплава, то приходилось оставлять въ лѣсу. Когда въ лѣсу сошелъ снѣгъ, можно было видѣть, что онъ заваленъ почти сплошь уже сгнившими, срубленными и сваленными деревьями, которыя не уносились и не уносятся крестьянами.

Удивительнѣе всего, что при этомъ обиліи лѣса избы у многихъ обветшали, но хозяева ихъ очень неохотно приступаютъ къ ихъ ремонту; объясняется это тѣмъ, что лѣсъ надо вывезти, но всякій, у кого есть лошадь, работаетъ почти всю зиму на заготовкахъ и отвезти домой нѣсколько деревьевъ можно только очень рѣдко; когда же заготовки кончаются, въ это время не только не привезешь бревенъ по размытымъ дорогамъ, по болотистымъ лѣсамъ и бурнымъ рѣчкамъ, но дай Богъ и порожнемъ добраться.

Нерѣдко случается, что лошадь приходится оставлять въ лѣсу или въ полѣ на всю ночь и только къ утру, созвавъ подмогу, удается общими силами привезти лошадь и сани домой. Весною опять не до того: надо думать о посѣвѣ, и какія это горькія думы! Сѣмянъ мало. Если у кого и сохранился овесъ, то онъ непригоденъ для посѣва.

Снѣгъ совсѣмъ уже сошелъ съ полей, и туда высыпали бабы и мужики съ сохами; земля еще мерзлая, а лошади еле движутся, но хозяева помогаютъ имъ, и небольшія полосы крестьянскаго надѣла,—длинныя, узкія, разбросанныя въ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ съ трудомъ вспахиваются наконецъ. Сѣмена приходится нерѣдко покупать или занимать у помѣщиковъ, лавочника, священника и у болѣе богатыхъ сосѣ-

дей, соглашаясь на всякую отработку, закладывая самое нужное въ своемъ домашнемъ обиходѣ. Земство и администрація за послѣднее время, хотя слабо, но все-таки приходятъ на помощь крестьянству. Земство закупаетъ сѣмена овса и ржи и гонитъ ихъ или тащитъ бечевой къ устью рѣки Чагды и къ Соминской пристани. Волостныя правленія получаютъ приказанія собрать свѣдѣнія объ экономически слабыхъ крестьянахъ и распредѣлить между ними земское и правительственное пособіе. Это пособіе дается въ ссуду, и земство надѣется, что въ урожайный годъ крестьянство возвратитъ эту ссуду. Но за послѣднее время урожаи становятся все рѣже и рѣже, запасы крестьянъ всѣ потреблены, и будетъ ли эта ссуда возвращена когда-нибудь—неизвѣстно. Сборъ свѣдѣній о несостоятельныхъ крестьянахъ волостное правленіе поручаетъ старостамъ и — сколько



Рис. 37. Крестьянская борона.

при этомъ бываетъ ошибокъ, намѣренныхъ и случайныхъ. Немалое значеніе играетъ вино, и земскій хлѣбъ назначается нерѣдко тѣмъ, которые въ немъ мало нуждаются. За послѣднее время сборъ свѣдѣній нѣсколько улучшается; осенью и зимой земство посылаетъ въ волость опросные листки для каждой деревни, которые должны заполняться волостнымъ правленіемъ, которое поручаетъ эту работу наиболѣе грамотнымъ крестьянамъ деревни; во-время полученныя свѣдѣнія вносятъ и нѣкоторый порядокъ въ дѣло продовольственной помощи крестьянамъ. Распредѣленіе, наконецъ, совершилось, и въ назначенный день мужики выѣзжаютъ за земскимъ пособіемъ; дорога стоитъ непроѣзжая, лошадка, всю зиму простоявшая на одномъ сѣнѣ, работавшая за послѣднее время на полѣ до полнаго изнуренія, еле плетется съ пустой телѣгой, съ трудомъ выдирая ноги изъ глинистой размягшей почвы, и въ этой дорогѣ ей нужно при лучшихъ условіяхъ пробыть двое сутокъ; до устья Чагды верстъ 50; въ дорогѣ, конечно, для лошади овса нѣтъ, да и люди довольствуются однимъ хлѣбомъ. Получивъ свой куль зерна, приходится проплестись снова эти 50 верстъ обратно; лошадь кормить нечѣмъ, самому тоже нечего ѣсть, вѣдь выѣхалъ не на заработокъ. Неудивительно, если не всѣ довезутъ до дому земскій хлѣбъ; у устья снуетъ всякій народъ, который ищетъ чѣмъ бы поживиться, и вотъ голодный крестьянинъ, осыпаемый со всѣхъ сторонъ предложеніями, продаетъ земскій хлѣбъ. А затѣмъ начинаются для него всякія мытарства, онъ продаетъ свой будущій трудъ, продаетъ свой будущій хлѣбъ за безцѣнокъ. Раздобывъ кое-какъ сѣмена, крестьянинъ приступаетъ къ сѣянію. Въ

обработкѣ земли тутъ въ полной силѣ трехпольная система. Земство прилагаетъ усилія, чтобы измѣнить нынѣшній порядокъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, замѣнить трехпольную систему многопольной съ травосѣяніемъ, посылаетъ агрономовъ, но, вслѣдствіе незначительности средствъ земства, при той почти всеобщей нуждѣ, которая царитъ въ краѣ, при томъ невѣжествѣ, въ которомъ обрѣтается новгородскій крестьянинъ, при неувѣренности въ своихъ силахъ, боязни передъ новшествомъ, многопольная система и травосѣяніе вводится съ трудомъ въ очень незначительныхъ размѣрахъ.

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло у мѣстныхъ помѣщиковъ; за рѣдкими исключеніями имѣніе еле-еле даетъ и болѣе крупнымъ помѣщикамъ возможность прожить; среднимъ числомъ на каждаго помѣщика приходится около двухъ тысячъ десятинъ. Что можно было продать изъ него,—все продано. Почва такая же какъ на крестьянскихъ земляхъ, обработка не лучше, а потому много постоянныхъ работниковъ такой помѣщикъ содержать не можетъ, а съ наемнымъ рабочимъ они не всегда успѣваютъ во-время вспахать, взборонить, скосить. Они съ удовольствіемъ отдаютъ крестьянамъ въ аренду землю и, несмотря на то, что земля отдается самая плохая, что за пользованіе ею помѣщики берутъ $^{2}/_{3}$ урожая, и что безъ крестьянъ-арендаторовъ эта земля все равно бы пустовала, находятся такіе крестьяне, которые берутъ въ аренду эту землю, кладутъ въ нее свои послѣдніе крохи, свой трудъ, мучаютъ надъ ней и себя и свои семьи и потомъ все-таки голодаютъ. Это большею частью крестьяне безземельные изъ прежнихъ дворовыхъ или ихъ потомки, или пришельцы изъ

другихъ мѣстъ. Не имѣя сноровки и привычки къ здѣшнимъ промысламъ, они не могутъ жить безъ земли, безъ своего хлѣба, хотя бы его хватало на очень короткій срокъ. Отдаются въ аренду помѣщиками еще и другія земли, не совсѣмъ истощенныя, но ихъ арендуютъ болѣе богатые крестьяне, у которыхъ или надѣлъ малъ сравнительно съ числомъ душъ, или у которыхъ есть лишнія деньги для найма рабочихъ. Крестьянскій капиталъ въ этихъ мѣстахъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, прилагается только къ землѣ.

Болѣе богатые помѣщики рѣдко живутъ въ своихъ имѣніяхъ; дѣлами ихъ завѣдуютъ наемныя лица, и хозяйство не мало страдаетъ отъ этого: нѣсколько лучше поставлено дѣло у довольно многочисленныхъ уже въ настоящее время новыхъ помѣщиковъ изъ другихъ сословій. Это мѣстный лавочникъ, купецъ изъ сосѣдняго города и т. п. На ихъ земляхъ вы увидите и новыя постройки, щеголяющія рѣзными фасадами, большія красивыя новыя террасы, цвѣтники и лучше воздѣланную почву. Тутъ можно встрѣтить и кой-какія хозяйственныя машины и плугъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ созрѣло среди крестьянъ желаніе замѣнить соху плугомъ, но соха очень туго вытѣсняется. Помѣщики изъ купцовъ и крестьянъ какъ-то умѣютъ извлекать изъ своей земли дѣйствительный доходъ, умѣютъ наращать свои капиталы; умѣютъ выгодно продать лѣсъ, и въ то же время сохранять его, не сводя цѣликомъ.

Полевыя работы еще не кончены, какъ крестьяне, оставивъ у земли женщинъ и взваливъ на нихъ всю работу и домашнюю и полевую, отправляются сами на сторонніе заработки: сплавляютъ лѣсъ, расходятся по со-

сѣднимъ городамъ или деревнямъ и усадьбамъ для плотницкихъ работъ, или же работаютъ на помѣщичьихъ поляхъ. Самое привычное занятіе — сплавъ: весело, съ пѣсней сталкиваютъ тяжелыя бревна въ рѣчку, вьютъ бечеву, свиваютъ плоты; хозяйскіе харчи, нетрудная работа, веселыя рѣчки, вошедшія въ берега, дѣлаютъ крестьянина неузнаваемымъ. Сила, бодрость, удальство появляются въ немъ. Лѣсъ сплавляютъ крупными партіями большею частью купцы, имѣющіе въ здѣшней мѣстности лѣсныя дачи; немного сплавляютъ мѣстные помѣщики, и почти совсѣмъ не принимаютъ участія мелкіе владѣльцы — крестьяне.

Сплавляютъ лѣсъ владѣльцы лѣсопильныхъ заводовъ изъ Череповца, изъ Вологды, Рыбинска, закупающіе лѣсъ у мѣстныхъ владѣльцевъ, но главнымъ образомъ, у казны, имѣющей въ Новгородской губ. большія лѣсныя дачи. Въ главной массѣ лѣсъ сплавляется въ Рыбинскъ. Здѣсь онъ поступаетъ на мѣстныя лѣсопилки или на частныя постройки или же гонится рыбинскими купцами дальше по Волгѣ. Къ сожалѣнію, лѣсное хозяйство ведется и здѣсь такъ же неумѣло, какъ и въ Олонецкой губ. Бури ломаютъ не мало деревьевъ; деревья гніютъ въ лѣсу, дѣлаютъ его почти непроходимымъ, снѣгъ залеживается и недавно сухой боровой лѣсъ чахнетъ, заболачивается. Вообще ни помѣщики ни казна и еще менѣе крестьяне не смотрятъ за лѣсомъ своимъ, да и цѣна ему очень незначительная: за бревно 5 вершк. на корню платилось копеекъ 50, и лишь строящаяся ж. д. подняла эту цѣну до 1 р. и 1 р. 50 к., но эти цѣны, по всей вѣроятности, недолго удержались; онѣ не опустились до прежней величины, но послѣ окончанія по-

строекъ значительно понизились: то же самое можно сказать и про землю. Цѣна на землю въ Новгородской губерніи очень низкая: десятина земли съ чуднымъ строевымъ лѣсомъ, или даже дача въ одномъ мѣстѣ и недалеко отъ сплава, продавалась рублей за тридцать; пахотная земля рублей за 10 за десятину. Желѣзная дорога подняла эту цѣну до 60, 100 и 200 р. за десятину, и опять-таки по окончаніи ж. д. цѣна упала.

Когда дорога немного установилась, когда рѣчки вошли въ берега, ручьи по дорогамъ исчезли и вмѣсто нихъ остались едва замѣтныя лужи, я направился по дорогѣ къ Сомину. Съ большимъ трудомъ удалось достать лошадей для поѣздки: тарантаса въ деревнѣ ни у кого не было, и его пришлось нанять въ отдаленной деревенькѣ; это былъ плохонькій, маленькій тарантасикъ на одну лошадку. Но крестьянинъ, отдавшій свой тарантасъ, не соглашался ни за какія деньги дать и лошадь; лошадку пришлось нанять въ другой деревнѣ. Тарантасъ былъ настолько малъ, что въ немъ едва умѣстился мой довольно скудный багажъ; явилась новая задача, какъже мнѣ самому устроиться. Пришлось усѣсться въ таратайку, обычный экипажъ въ этихъ мѣстахъ,—экипажъ одинаково мучительный, какъ для сѣдока, такъ и для лошади; вся тяжесть передается шеѣ лошади, и по неровной ухабистой дорогѣ таратайка вытрясаетъ у сѣдока всю душу; притомъ съ непривычки я все боялся вывалиться.

Выѣхали изъ деревни, проѣхали мостъ и очутились въ лѣсу. Параллельно съ дорогой текла рѣчка, неизвѣстно откуда взявшаяся. Дорога въ лѣсу почти хорошая; лѣсъ сосновый, и земля почти сухая. Но вотъ версты черезъ четыре,

лѣсъ прерывался; по обѣимъ сторонамъ дороги болота, дорога стала скверная, уложенная фашинникомъ. Таратайка прыгала по фашиннику, какъ воробей; кончился фашинникъ, — дорога пошла опять сухая, кое-гдѣ по сторонамъ небольшіе пруды, а тамъ потянулись вспаханныя голыя поля, едва зеленѣющія въ мѣстахъ, засѣянныхъ рожью. Томительная скучная дорога, и только весеннія пѣсни проснувшихся птицъ оживляютъ путешествіе. Не чувствуешь, что подъѣзжаешь къ деревнѣ, а деревня ужъ на ладони: грязь въ ней непролазная, тарантасъ засѣлъ въ лужѣ, лошадь рванулась, и постромки лопнули; приходилось пробыть въ деревнѣ нѣсколько часовъ. Пока возились съ моимъ экипажемъ, я сидѣлъ въ избѣ, въ которой въ это время находились однѣ лишь дѣти, да старая беззубая бабка. Дѣтей было шестеро, всѣ мальчики, старшему на видъ лѣтъ девять; бѣднота ужасающая, грязи почти столько же, сколько и на дворѣ; холодная печь, въ которой ничего не варилось; оказалось, что и дровъ не успѣли напасти, да и варить было нечего. Мужики на сплаву, бабы въ полѣ; словоохотливая бабка, покачивая ногой корзинку съ ребенкомъ и держа на колѣняхъ другого, жаловалась: „вотъ какъ у насъ, милый баринъ, шестеро мальчиковъ, хоть бы одну дѣвку Богъ послалъ, съ хозяйствомъ и не справляемся“. Дѣвушка для крестьянской семьи не меньшая рабочая сила, чѣмъ парни, даже гораздо больше; она и дома, и въ полѣ, и съ ребенкомъ, и съ сохой, и съ серпомъ, и съ косой,—все выполняетъ она, и въ избѣ чище и теплѣе при доброй хозяйкѣ.

Мой тарантасъ былъ исправленъ и съ помощью чуть не десятка стариковъ, съ трудомъ былъ выта-

щенъ изъ грязи, и мы поѣхали дальше. Предстоялъ большой перелѣсокъ, тянущійся верстъ на 15. Но эта дорога съ однообразнымъ хвойнымъ лѣсомъ съ обѣихъ сторонъ, хоть и сухая и гладкая, не особенно прельщала меня, и когда мой кучеръ предложилъ повернуть нѣсколько въ сторону, чтобы поѣхать по времянкѣ (временная дорога при строившейся тогда Петербургско-Вологодской ж. д.), я съ удовольствіемъ ухватился за эту мысль. Нѣкоторое время мы ѣхали по чудной песчаной дорогѣ; съ обѣихъ сторонъ тѣ же поля, но часто приходилось останавливаться и нѣсколько сворачивать въ сторону, чтобы пропустить крестьянскій обозъ съ пескомъ, камнемъ или какимъ-нибудь другимъ грузомъ для строящейся дороги. Плотники съ пѣснями стучали топорами, вздымали на большую вышину тяжелыя бревна, тутъ же копошились каменщики, клавшіе фундаментъ. Плотники были мѣстные, каменщики—пришлые изъ Калужской, Владимирской губерній, и общая работа не объединяла ихъ: харчевались отдѣльно, жили отдѣльно. Съ большимъ презрѣніемъ относились пришлые къ мѣстнымъ крестьянамъ, особенно сказывалось это при общей работѣ на желѣзно-дорожной насыпи. Пришлые, проведшіе на этой работѣ почти всю свою жизнь, привыкли къ ней, легко запускали лопату въ землю и свободно выбрасывали и изъ канавъ к на насыпь, но мѣстнымъ эта работа давалась трудно; первые зарабатывали до 1 р. 50 к. въ сутки, мѣстные же—50—60 к., и ихъ неохотно брали на желѣзно-дорожныя работы.

Я недолго пробылъ на станціи, и мы двинулись дальше. „Времянка" мѣстами была почти непроѣзжая, фашинникъ, недавно уложенный, уже

успѣлъ разъѣхаться, и мнѣ представлялась вся трудность для голодной, слабой и малорослой крестьянской лошадки везти по ней и небольшой грузъ.

Мѣстная крестьянская лошадь при хорошихъ условіяхъ везетъ отъ 25 до 30 пудовъ. Тутъ, между прочимъ, я въ первый разъ обратилъ вниманіе на мѣстный крестьянскій скотъ. Небольшое стадо паслось подъ наблюденіемъ пастуха (стадо принадлежало тремъ деревнямъ); за свою работу пастухъ получалъ харчи отъ крестьянъ, поочередно отъ каждаго, и 5 р. въ годъ и гостинцы къ празднику. Скотъ необычайно малорослый, худой, изнуренный; корова вѣсомъ не болѣе 4—4½ пудовъ, коровъ было, впрочемъ, немного, больше всего овецъ и козъ. За коровами плетется нѣсколько телятъ; ихъ оставляютъ у себя немногіе крестьяне,—большею частью телятъ распродаютъ зимой, еще совсѣмъ молодыми. Теленка и корову надо кормить, а это не всякому подъ силу. Еще когда я былъ въ Бабаевѣ, туда пришли бабы изъ Ольховки, находящейся верстахъ въ 30 отъ Бабаева, и принесли съ собой въ корзинахъ телятъ, чтобы продать ихъ; за телятъ было уплачено по 50 к. за штуку. Травы было еще мало, и скотъ понуро искалъ свой кормъ.

Еслибъ не скверное состояніе дороги, еслибъ не болота, то путешествіе мое могло бы быть довольно веселымъ. По пути постоянно двигался народъ. То встрѣтишь цѣлую партію сѣрыхъ мѣстныхъ армяковъ съ лопатами и котомками за плечами, шествующихъ по грязной времянкѣ, то партію синихъ зипуновъ, весело поющихъ пѣсни и играющихъ на гармоникѣ, то длинный обозъ малороссовъ-землекоповъ, то почти промелькнетъ мимо тебя щегольской экипажъ съ тройкой лошадей и инженеромъ въ возкѣ.

Еще немного и намъ пришлось снова повернуть къ обычному земскому тракту. Глинистая, вязкая дорога перемежалась съ гладкой, песчаной на холмикахъ, и превращалась въ непроѣзжую въ болѣе низкихъ мѣстахъ, среди болотъ. Снова по обѣимъ сторонамъ поля, лѣса; переѣхалъ я рѣчку Лидь на поромѣ, потянулись заборы деревни, за которой опять лѣса, опять болота и топи, и такъ до Сомина. Къ Сомину я подъѣзжалъ, когда было уже совершенно темно.

Село Сомино, расположенное на Маріинской системѣ, имѣло большое значеніе для русской торговли еще со временъ Петра Великаго. По Соминкѣ тянутся безпрерывно громадныя баржи, нагруженныя хлѣбомъ и лѣсомъ.

Село это недавно горѣло, но въ настоящее время обстраивается,—исправляются церкви, воздвигаются новыя постройки, работаетъ масса плотниковъ и другихъ рабочихъ; но нѣтъ той красоты и щеголеватости, которая раньше украшала постройки. Чѣмъ это объяснить: тѣмъ ли, что капиталы изъ Сомина начинаютъ уходить, вслѣдствіе того, что значеніе Маріинской системы начинаетъ падать; тѣмъ ли, что лѣсъ въ значительной степени выведенъ или, наконецъ, безпрерывными неурожаями послѣднихъ годовъ, — во всякомъ случаѣ, врядъ ли Сомино вернется къ прежнему состоянію. Капиталы вѣроятно, отхлынутъ къ новымъ желѣзнымъ дорогамъ изъ Петербурга въ Вологду и проектированной изъ Ярославля въ Петрозаводскъ.

Въ Соминѣ масса постоялыхъ дворовъ, полныхъ пріѣзжающими крестьянами изъ сосѣднихъ деревень, пришельцами изъ далекихъ губерній, пріѣхавшими сюда съ товаромъ: косами, серпами, краснымъ товаромъ, хлѣбомъ, овсомъ, фруктами

и т. п. Особенно много этого пришлаго люда собирается во время ярмарки. На грязныхъ улицахъ, на половину мощеныхъ, на половину нѣтъ, располагаются длинные ряды палатокъ, и на небольшихъ прилавкахъ купцы раскладываютъ свой товаръ; крестьяне снуютъ между этими палатками; бабы приглядываются къ краснымъ товарамъ, мужики—къ хомутамъ, колесамъ. Но значеніе ярмарки не въ этомъ. Послѣ окончанія полевыхъ работъ, а въ послѣдніе годы вслѣдствіе неурожаевъ и поздняго всхода, еще задолго до уборки хлѣба и до сѣнокоса мужики изъ окрестныхъ и дальнихъ деревень гонятъ сюда на продажу лошадей и рогатый скотъ. Сюда свозится послѣдній крестьянскій инвентарь и продается за безцѣнокъ. Часто крестьянинъ приканчиваетъ свое самостоятельное хозяйство: продаетъ послѣднюю лошадь, послѣднюю кормилицу-корову.

Пѣсни и смѣхъ молодежи и праздничная одежда женщинъ нѣсколько скрашиваютъ печальную сущность ярмарки. Такія же ярмарки, но въ меньшихъ размѣрахъ устраиваются въ нѣкоторыхъ деревняхъ, большею частью неподалеку отъ церкви; на этихъ ярмаркахъ веселѣе: тутъ крестьянинъ почти ничего не продаетъ, онъ самъ является покупателемъ, но зато и мало мужиковъ на ярмаркѣ, больше бабы и молодежь: бабы раскупаютъ красный товаръ, а молодежь тѣшится пѣснями и играми, лакомясь привезенными на ярмарку гостинцами,—пряниками, леденцами, подсолнухами и т. п.

Изрѣдка на этихъ ярмаркахъ являются и мужики съ товаромъ: шкурками убитаго звѣря и битой птицей. Продается это пріѣхавшимъ купцамъ или же случайно пріѣхавшему на ярмарку помѣщику.

За отсутствіемъ какихъ-либо заработковъ мужики деревень, отстоящихъ далеко отъ сплавныхъ рѣчекъ, нерѣдко занимаются зимой охотой на пушного звѣря, а также и птицъ. Надо, впрочемъ, сказать, что особаго подспорья въ домашнемъ хозяйствѣ охота въ Новгородской губерніи не представляетъ. Пушного звѣря не особенно много: лисицы, медвѣди, волки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно изведены; исчезаютъ выдра, барсукъ, а больше всего, конечно, бьютъ зайцевъ, при чемъ какъ шкура, такъ и мясо идутъ на продажу. Скупаютъ или помѣщики, или мѣстные лавочники, или же скупщики,— по очень низкой цѣнѣ; то же самое съ медвѣдемъ; гораздо больше даетъ мужику запрещенная охота на лося. Охота эта производится на лыжахъ; шкура идетъ въ продажу, а мясо потребляется своей семьей; довольно прибыльной является охота за барсуками, дающими шкуру и сало на продажу. Пріѣзжіе скупщики берутъ также и птицу, которая убивается часто камнями или палкой. Птица собирается мужиками для продажи съ начала весны, сохраняется въ замороженномъ видѣ, но все-таки часто переходитъ въ руки скупщиковъ сильно попорченной.

Однимъ изъ интересныхъ промысловъ Новгородской губерніи является гармонный промыселъ, особенно развитый въ Волокославинской волости, гдѣ изъ 51 деревни этой волости въ 22 выдѣлываются гармошки. Промыселъ возникъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ; его перенесъ изъ Череповецкаго уѣзда крестьянинъ Иванъ Разинъ, изъ деревни Горы, Волокославинской волости. Научившись выдѣлкѣ славившихся въ то время гармоникъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „чере-



Рис. 38. Деревня Пелуши. Въ праздникъ у качели.

панокъ", онъ сталъ заниматься дома при помощи своего семейства. Населеніе деревни Горы въ настоящее время почти сплошь состоитъ изъ гармонщиковъ. Отсюда занятіе распространилось по сосѣднимъ деревнямъ и даже по ближайшимъ волостямъ Ѳерапонтовской и Бураковской. Изъ всѣхъ трехъ волостей ежегодно вывозится въ Петербургъ партіи гармоникъ на восемьдесятъ тысячъ рублей.

Въ гармоничномъ дѣлѣ постепенно создалось раздѣленіе труда: кустари занимаются приготовленіемъ только отдѣльныхъ частей и немногіе умѣютъ сработать цѣлую гармонику.

Съ раздѣленіемъ труда экономическое положеніе крестьянъ не только не улучшилось, но даже ухудшилось; виной этому предприниматели, которые стараются понизить до крайнихъ размѣровъ зара-

ботокъ кустаря: часто они платятъ имъ, какъ мы уже видѣли, не деньгами, а товаромъ, который ставится имъ по очень высокой цѣнѣ: напр., если фунтъ сахару стоитъ 17 коп., кустарю онъ сбывается за 20 или даже за 22 к. Куль ржаной муки, стоящій 8 руб., за 9, и т. п. Такимъ образомъ, кустарь, которому приходится жить впроголодь, не можетъ интересоваться качествомъ работы, красотой, отдѣлкой. Дневная заработная плата кустаря въ среднемъ 30 к., а по расчету хозяина товаромъ онъ получалъ значительно меньше.

Изъ села Сомина я направился въ г. Боровичи уже сухимъ путемъ. Городъ этотъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Мсты; онъ и его окрестности славятся своими красивыми видами и здоровымъ климатомъ. Благодаря удобному сообщенію съ Петербургомъ, многіе изъ столичныхъ жителей пріѣзжаютъ лѣтомъ на дачи Боровичи. Весь Боровичскій уѣздъ богатъ полезными ископаемыми; еще въ XVIII столѣтіи были найдены залежи каменнаго угля; добываютъ также глину, изъ которой выдѣлываютъ кирпичъ, посуду и т. п. Для обработки огнеупорной глины существуетъ не мало заводовъ.

Мѣстное населеніе занимается судоходствомъ. Раньше, когда еще Боровичи были селомъ, его жители славились, какъ опытные лоцманы, искусно проводящіе суда черезъ опасные боровицкіе пороги, за что Петръ Великій освободилъ ихъ даже отъ податей: кромѣ судоходства, занимаются и охотой, приготовляютъ глиняную посуду, выдѣлываютъ желѣзо изъ руды, красятъ, набиваютъ холсты и бумажныя ткани. Главный предметъ торговли—холстъ и кожи. Благодаря судоходной рѣкѣ Мстѣ, Николаевской, Рыбинско-Бологовской

и Боровичской ж. д., сбытъ произведеній весьма удобенъ.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ есть много кургановъ, которые служили прежде кладбищами, въ которыхъ погребали прахъ сожигавшихся труповъ. Самые большіе курганы достигаютъ вышины 4 саженей, нѣкоторые изъ нихъ обложены камнями-плитняками. Курганы встрѣчаются и въ поляхъ, и въ лѣсахъ, и неподалеку отъ деревень, есть и на берегу рѣки Msты. Самые большіе можно видѣть на землѣ крестьянъ деревни Княжесела. Объ этой деревнѣ, между прочимъ, существуетъ преданіе. Княжесело и въ настоящее время большая, хорошая деревня, но раньше въ давно прошедшія времена вся эта мѣстность принадлежала какому-то владѣтельному князю. Ему были подвластны всѣ окрестные жители, самъ же онъ жилъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ деревня Княжесело, поэтому эта деревня и носитъ такое названіе. Въ тѣ отдаленныя времена лѣса были дремучіе, бездорожные, только кое-гдѣ пролегали тропинки, такъ что приходилось больше ѣздить верхомъ на лошади не только мужчинамъ, но и женщинамъ.

Жена владѣтельнаго князя была очень сострадательная женщина. Услыхала она, что въ погостѣ Бѣломъ (на р. Мстѣ) кто-то заболѣлъ, сѣла на коня и ѣдетъ по тропѣ дремучаго лѣса. Вдругъ конь испугался, взвился на дыбы и понесся стрѣлой. Всадница не могла справиться съ разъяреннымъ конемъ, и онъ понесся съ нею между громадныхъ соснъ! Скоро княгиня обратилась въ безжизненное тѣло, а конь несся все шибче и шибче, самъ стукаясь и задѣвая объ деревья. Весь израненный и искалѣченный

упалъ онъ, наконецъ, бездыханный съ остатками тѣла всадницы. И тамъ, гдѣ нашли первую половину тѣла, поставили крестъ съ иконой Божіей Матери, а тамъ, гдѣ оказалась вторая половина тѣла княгини, верстъ за шесть, поставленъ также крестъ съ образомъ Спаса Нерукотвореннаго.

Существуютъ въ Боровичахъ такъ называемыя оставленныя кладбища; они почти всегда расположены на невысокихъ холмахъ и всѣ поросли деревьями и кустами, но все же можно разсмотрѣть какъ плиты, такъ и камни: укладывались они совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь, — наподобіе открытаго каменнаго ящика; камни эти покрыты сплошь старымъ мохомъ.

Въ Боровичскомъ уѣздѣ извѣстны нѣкоторыя интересныя явленія природы. Такъ, въ 27 верстахъ отъ Боровичей, возлѣ тракта, есть большая воронкообразная яма; она завалена хворостомъ, пнями, бревнами для того, чтобы кто-либо не попалъ въ нее. Недалеко отъ этой ямы находятся еще двѣ, а на днѣ ихъ можно видѣть глубокія норы; отъ нихъ идетъ сухое русло, которое постепенно увеличивается, расширяется и удлиняется, русло усыпано раковинками и рѣчными камешками. Длина русла около 8 верстъ. Весной изъ этихъ воронкообразныхъ ямъ съ шумомъ и страшной силой вырывается многоводный потокъ, и все сухое русло заполняется водой. Но недолго бываетъ вода,—только апрѣль и май: уже въ іюнѣ она начинаетъ убывать и скоро снова уходитъ въ ямы, и, когда вся вода скроется въ подземный ходъ, дно опять принимаетъ видъ сухого русла. Вода въ этомъ временномъ озерѣ бываетъ настолько велика, что позволяетъ жите-

лямъ ѣздить въ лодкахъ и ловить рыбу: судаковъ, щукъ, окуней и др. У народа существуетъ и объ этомъ преданіе: „Когда-то во время оно, жилъ былъ знаменитый и богатый баринъ, тамошній помѣщикъ Клеопинъ; поймали разъ рыбаки въ этомъ озерѣ въ началѣ мая большого судака и понесли его барину. Баринъ Клеопинъ



Рис. 39. Холмы на берегахъ р. Ояти.

далъ приказъ своему дворовому человѣку, золотыхъ дѣлъ мастеру сработать серебряную сережку съ надписью, гдѣ пойманъ судакъ, у кого и когда именно. Эту серебряную сережку продѣли судаку въ жабры, заклепали оба конца сережки и пустили судака въ воду, въ озеро, наказавъ строго-настрого окрестнымъ крестьянамъ рыбакамъ не вылавливать его изъ озера. Черезъ долгое или короткое время, только слухъ прошелъ, что близъ

города Новгорода, тамошніе рыбаки, ловя рыбу большимъ неводомъ въ рѣкѣ Волховѣ, поймали огромнѣйшаго судака съ серебряной сережкой въ жабрахъ. Этотъ судакъ и былъ Клеопинскій судакъ!“

Это интересное явленіе, если оно вѣрно, служитъ доказательствомъ того, что есть какой-то подземный ходъ, соединяющій потокъ съ рѣкой Волховомъ.

На моемъ пути до Новгорода лежали еще два города: Валдай и Старая Русса. Валдай не представляетъ изъ себя ничего особеннаго. Видъ его, впрочемъ, довольно красивъ: городъ расположенъ на берегу Валдайскаго озера, которое лежитъ въ сухихъ и высокихъ берегахъ и со своими чистыми и глубокими водами представляетъ одинъ изъ прелестнѣйшихъ видовъ Новгородской губ. Особенную красоту придаютъ ему живописные острова, на одномъ изъ которыхъ стоитъ Иверскій Богородицкій Святозерскій монастырь: его бѣлыя церкви и ограда ярко рисуются на темной зелени лѣса, раскинувшагося на островахъ и по берегамъ обширнаго озера.

Валдай издревле славился своими колокольчиками и баранками; но и та и другая промышленность въ настоящее время упала, такъ что въ городѣ остался только одинъ колокольный заводъ; баранки же вывозятся изъ города въ небольшомъ количествѣ.

Населеніе Валдайскаго уѣзда занимается садоводствомъ и разводитъ преимущественно яблоки: антоновку, анисъ и мѣстный сортъ — чулановку. Изъ промысловъ развитъ сѣтковязальный, которымъ занимаются и мужчины, и женщины, и дѣти. Занимаются жители рыбной ловлей, выгонкой смолы изъ дегтя. Вообще же, Валдайскій уѣздъ считается самымъ бѣднымъ въ губерніи.

Старая Русса, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, лежитъ по обоимъ берегамъ р. Полисти. Городъ обширенъ, хорошо обстроенъ, благодаря минеральнымъ водамъ, которыя своими



Рис. 40. Часовня на берегу Микулина озера.

цѣлебными свойствами извѣстны во всей Россіи. Послѣ Новгорода Старая Русса считается лучшимъ городомъ въ губерніи.

Въ историческомъ отношеніи онъ замѣчателенъ тѣмъ, что много страдалъ отъ шведскихъ набѣговъ [1]), неоднократно переживалъ голодъ,

[1]) Былъ въ рукахъ шведовъ и по Столбовскому миру возвращенъ Россіи.

холеру, опустошительные пожары, литовцы нѣсколько разъ выжигали его. Послѣдній пожаръ уничтожилъ почти весь городокъ. Екатерина II выдала погорѣльцамъ 100 т. на поправку, освободила отъ податей и въ продолженіе трехъ лѣтъ повелѣла выдавать хлѣбъ изъ казны.

Въ древнее время новгородцы добывали много соли изъ источниковъ, вываривали ее и отправляли на юго-западъ Россіи и въ Псковъ.

Петръ Великій не разъ посѣщалъ Старую Руссу и заботился о развитіи въ ней солеваренія. Соляного завода въ настоящее время больше не существуетъ, и солевареніе прекращено вслѣдствіе дороговизны топлива, а вмѣсто этого пріобрѣли популярность Старо-Русскія минеральныя воды. Сюда пріѣзжаетъ много больныхъ изъ Петербурга и другихъ городовъ; вода употребляется внутрь, изъ нея дѣлаютъ ванны; лѣчатся здѣсь отъ золотухи, ревматизма и другихъ болѣзней. При лѣчебномъ заведеніи есть паркъ и небольшой театръ. Въ Старой Руссѣ въ январѣ бываетъ конская ярмарка, самая значительная во всей губерніи.

Пришлось мнѣ побывать и на озерѣ Ильменѣ; оно ничѣмъ не напоминаетъ видѣнныя мною озера: Ладожское, Онежское и Бѣлоозеро. Это, собственно, даже не озеро, а очень пологая низина, въ которую стекаетъ такъ много рѣкъ, что образуется какъ бы постоянное наводненіе, выводитъ же воду отсюда одна р. Волховъ. Съ сѣвера-востока въ Ильмень изливается значительная рѣка Мета, съ юго-запада впадаетъ рѣка Шелонь, съ юга—Ловать. Рѣки, стекая съ окружающихъ холмовъ, приносятъ съ собой различные осадки, частицы земли, и все это отлагается на

днѣ озера, отчего оно, конечно, повышается, берега принимаютъ иныя очертанія, въ устьяхъ рѣкъ образуются дельты, которыя съ каждымъ годомъ все увеличиваются. Глубина озера очень невелика отъ 1—4 саженъ. Вода всегда мутная; тянется оно на 40 верстъ. Берега озера юго-восточные и восточные—низменны и болотисты, а южные и юго-западные состоятъ изъ известняка и болѣе возвышенны. Озеро очень бурно, самые опасные вѣтры—восточные: они относятъ суда на высокій западный берегъ, около котораго много подводныхъ камней, о которые суда легко могутъ разбиться. Но не одно это мѣшаетъ судоходству, мѣшаетъ также и обмеленіе озера; весной вода поднимается довольно высоко, но въ іюлѣ она такъ убываетъ, что судоходство почти прекращается. Для безопасности прорыты каналы: Сиверсовъ и Вишерскій, соединяющіе рѣку Мсту съ Волховомъ.

По Ильменю отправляютъ въ Петербургъ дрова, овесъ, рыбу, а въ Новгородъ—известь и плитнякъ.

Берега Ильменя довольно плотно заселены, и окрестное населеніе, кромѣ сельскаго хозяйства, занимается судоходствомъ. Главное же занятіе прибрежныхъ селеній—рыбная ловля. Въ Ильменѣ масса всякой рыбы, которую ловятъ во всѣ времена года.

Самая трудная зимняя ловля; она начинается, какъ только ледъ настолько окрѣпнетъ, что въ состояніи выдержать тяжесть ловцовъ съ ихъ сѣтями, снастями, лошадей съ дровнями, на которыя кладутъ рыбу. Ловятъ зимой компаніей, человѣкъ въ 10—15, когда надѣются на хорошую добычу. Во льду дѣлаютъ проруби, куда и опускаютъ сѣти при помощи багровъ; шестъ съ ве-

ревкой протаскивают подо льдомъ на извѣстномъ пространствѣ, потомъ неводъ, наполненный рыбой, вытаскиваютъ на ледъ. Рыба дѣлится поровну между участвующими; нѣкоторые продаютъ ее на мѣстѣ крестьянамъ, нарочно пріѣзжающимъ къ этому времени на озеро изъ дальнихъ деревень; другіе оставляютъ себѣ, или же сами развозятъ по деревнямъ, и въ городъ. Заработокъ каждаго рыболова во время зимняго улова продолжающагося 2 мѣсяца, исчисляется въ 20—40 рублей. Передъ Рождествомъ рыбная ловля на озерѣ Ильменѣ прекращается, и рыбаки принимаются за другія дѣла: вяжутъ сѣти, невода, мережи, частью для себя, частью на продажу.

Весной снова начинается рыбная ловля. Опять собирается нѣсколько человѣкъ, неводъ раскладываютъ обыкновенно на двѣ лодки; отъѣхавъ отъ берега сбрасываютъ сѣти въ воду, а лодки снова направляютъ къ берегу, куда и подтаскиваютъ неводъ. Весной, когда вода разливается, рыбакъ садится въ лодку и отправляется на развѣдки; по движеніямъ на водѣ,—ряби, пузырямъ и т. п.,—ловецъ узнаетъ, гдѣ гуляетъ какая рыба; особенно выслѣживаютъ лещей, которыхъ временами бываетъ особенно много. Иногда рыбаку посчастливится, и въ неводъ попадетъ нѣсколько сотъ лещей,—заработокъ тогда получается, конечно, значительный. Весенній ловъ кратковременный: убываетъ вода, уходитъ и рыба. Если вода бываетъ большая и погода тиха, вообще все благопріятствуетъ рыбаку, то онъ зарабатываетъ рублей 50, а то и больше.

Осенняя ловля, начинающаяся съ лѣта, съ Ильина дня, и продолжающаяся до заморозковъ,—самая любимая и самая выгодная. Тутъ ужъ со-

бирается большая партія,—человѣкъ 20 и болѣе; выбираютъ главнаго предводителя, на котораго возлагается роль распорядителя. Такая артель рыбачитъ на пяти большихъ лодкахъ съ двумя неводами, берутъ съ собой якоря, багры, колья, веревки,—однимъ словомъ, все, что требуется для лова,—топлива и разной провизіи на недѣлю и больше. Когда бываетъ хорошій ловъ, то на озерѣ рыбаки проводятъ недѣли и еще до окончанія лова часть улова отправляютъ въ городъ съ своимъ „ватаманомъ“; тотъ продаетъ ее и на вырученныя деньги покупаютъ все, что надо для „артели“.

„Ватаманъ“ пользуется безусловнымъ довѣріемъ. Когда ловъ совершенно прекращается, „ватаманъ“ дѣлитъ всѣ вырученныя деньги поровну; въ хорошіе годы заработокъ простирается отъ 2000 до 5000 р., и на долю каждаго рыбака приходится такимъ образомъ 100—200 р.

Вотъ какъ кормитъ народъ озеро Ильмень.

Заключительнымъ пунктомъ моего путешествія былъ Новгородъ; нѣкогда онъ былъ могущественный и многолюдный городъ, который называлъ себя „Господинъ Великій Новгородъ“, и владѣнія котораго простирались до Уральскихъ горъ.

Новгородъ представлялъ изъ себя цѣлое государство, возникшее и жившее при условіяхъ, рѣзко отличавшихъ его отъ остальныхъ русскихъ областей. Своимъ особымъ значеніемъ въ русской жизни Новгородъ обязанъ своему географическому положенію: онъ является центромъ великаго воднаго пути изъ „Варягъ въ Греки“, т.-е. изъ Балтійскаго моря въ Черное и вмѣстѣ съ тѣмъ, на пути изъ Азіи въ Европу, черезъ Волгу и Балтійское море. Этотъ путь былъ ва-

женъ, какъ въ торговомъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, а поэтому здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ возникъ и центръ тогдашней русской культуры и просвѣщенія. Въ концѣ X вѣка до Новгорода достигаетъ христіанство, и первый русскій митрополитъ Михаилъ отправляется въ Новгородъ крестить народъ. Однако христіанство распространялось вначалѣ очень слабо, такъ какъ у ильменскихъ славянъ старыя религіозныя воззрѣнія достигли наибольшаго развитія и потому обладали наибольшей жизненностью.

Св. князь Владиміръ послалъ въ Новгородъ войско подъ предводительствомъ своего дяди Добрыни и тысяцкаго Путяты: они сокрушали идоловъ и заставляли насильно принимать крещеніе; новгородцы, возмущенные такими крутыми мѣрами, разрушили церковь Преображенія и дома христіанъ. Тогда Добрыня сжегъ Софійскую сторону, а Путята разбилъ новгородцевъ. Такимъ образомъ, христіанству было завоевано положеніе офиціальной религіи. Объ этомъ существуетъ поговорка: „Путята крестилъ мечомъ, а Добрыня—огнемъ“.

Городъ лежитъ на нѣсколькихъ холмахъ по обоимъ берегамъ рѣки Волхова, который и дѣлитъ его на двѣ стороны: восточная называется „Торговой“, отъ находящагося здѣсь рынка, западная—„Софійскою“, въ честь храма св. Софіи. Въ центрѣ находилась крѣпость—кремль.

По преданію на мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Новгородъ, раньше былъ городъ Славенскъ. Такъ какъ въ городѣ этомъ происходили постоянныя междоусобицы, то ильменскіе славяне, пришедшіе къ Ильменю въ IX вѣкѣ, рѣшили прекратить раздоры и призвать варяжскихъ князей. Въ 864 г.



Рис. 41. Новгородъ. Видъ на Софійскую сторону.

Рюрикъ подошелъ къ Ильменю, поставилъ на лѣвомъ берегу Волхова крѣпость, назвалъ городъ Новгородомъ и сталъ княжить. Торговое значеніе Новгорода въ прежнія времена было очень велико. Новгородцы были самымъ торговымъ и промышленнымъ народомъ въ древней Россіи. Новгородъ велъ торговлю съ Скандинавіей, а въ XII вѣкѣ онъ вступаетъ въ знаменитый торговый союзъ Ганзейскихъ городовъ. Нѣмецкіе купцы или гости ежегодно пріѣзжали по Балтійскому морю въ Финскій заливъ, а отсюда рѣками Невою и Волховомъ доставляли свои товары въ Новгородъ. Они привозили большею частью предметы роскоши: вина, сукна, полотна, а изъ Россіи вывозили сырыя произведенія, а именно: мѣха, сырыя кожи, китовый жиръ, воскъ и т. п.

Исторія Новгорода была весьма своеобразна до XII вѣка. Новгородъ находился въ такихъ же отношеніяхъ къ великимъ князьямъ, какъ и всѣ прочіе русскіе города. Съ половины же XII вѣка онъ сталъ пріобрѣтать постепенно полную самостоятельность; случилось это такимъ образомъ.

Этотъ край, съ неплодородной почвой, удаленный отъ Кіева, считался ничтожной волостью и потому не былъ предметомъ раздоровъ; это-то обстоятельство и дало возможность ему на просторѣ развивать свой бытъ.

Неплодородная почва и удобства путей сообщенія заставили населеніе обратиться къ торговлѣ, и Новгородъ сталъ быстро богатѣть. Всѣ граждане Новгорода, будучи равноправны въ политическомъ отношеніи, далеко не были таковыми въ экономическомъ, такъ какъ всѣ они,



Рис. 42. Новгородъ. Видъ на Торговую сторону.

смотря по степени богатства, дѣлились на „лучшихъ“ и „меньшихъ“ людей.

Независимо отъ этого дѣленія новгородское населеніе дѣлилось еще на три класса: высшій—бояре, средній—житные люди и купцы, и низшій—черные люди. Бояре были крупными капиталистами-землевладѣльцами. Лично они не занимались торговлей, но благодаря тому, что они ссужали купцовъ деньгами, они стояли во главѣ торговыхъ оборотовъ. Житные люди были обыкновенные землевладѣльцы; купцы занимались торговлей, соединяясь для этого въ компаніи. Къ чернымъ людямъ относились ремесленники, рабочіе и мелкіе землевладѣльцы. Несоотвѣтствіе между политическими правами и экономическимъ благосостояніемъ трудовыхъ слоевъ населенія имѣло пагубныя послѣдствія для Новгорода.

Наиболѣе бѣдный классъ, находясь въ матеріальной зависимости отъ богатаго, на практикѣ не могъ свободно пользоваться своими политическими правами.

Все это не могло не отразиться на Новгородѣ пагубнымъ образомъ, все это вызывало постоянную рознь и борьбу между классами, давало пищу смутамъ, которыя, постепенно ослабляя Новгородъ, наконецъ, привели его къ паденію.

Первый натискъ Новгородъ испыталъ со стороны новаго славянскаго центра Суздаля, при суздальскомъ князѣ Андреѣ Боголюбскомъ; покорить Новгородъ ему, однако, не удалось. Вторженіе суздальцевъ не осталось, тѣмъ не менѣе, безъ послѣдствій; суздальскій князь прекратилъ подвозъ хлѣба, а своимъ Новгородъ не былъ въ состояніи прокормиться,—онъ получалъ его изъ Поволжья,—въ городѣ наступилъ голодъ и моръ.

Ярославъ Суздальскій, преемникъ Андрея Боголюбскаго, придерживался той же политики, и при немъ въ Новгородѣ былъ опять страшный голодъ,—люди умирали, какъ мухи. И слѣдующіе князья продолжали упорную борьбу съ опаснымъ соперникомъ, какимъ являлся для нихъ Новгородъ,—соперникомъ и въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ. Кромѣ того, новгородцамъ приходилось вести борьбу и съ Москвой, которая, сдѣлавшись послѣ паденія Суздаля первымъ сѣверно-русскимъ центромъ, стремилась занять первенствующую роль. При Іоаннѣ IV произошло присоединеніе Новгорода къ Москвѣ, и послѣ этого онъ сталъ постепенно угасать и замирать, послѣ же нападенія шведовъ онъ окончательно пришелъ въ упадокъ и обѣднѣлъ. Утративъ политическую независимость, Новгородъ потерялъ и торговое значеніе. Бѣломорскій водный путь, основаніе Петербурга, открытіе Вишерскаго канала, проведеніе Николаевской ж. д., сдѣлали торговлю Новгорода совсѣмъ незначительной.

Въ настоящее время Новгородъ самый заурядный губернскій городъ, слѣдовъ его прежняго политическаго величія не осталось никакихъ, и воспоминаніемъ далекаго прошлаго остались лишь многочисленныя святыни.

Главный историческій памятникъ—это кремль, или „дѣтинецъ", построенный Рюрикомъ и возстановленный Петромъ Великимъ.

Въ кремлѣ находится соборъ св. Софіи, колокольня котораго помѣщается на стѣнѣ кремля и имѣетъ древнюю форму звонницы; на этой звонницѣ висѣлъ, какъ полагаютъ, вѣчевой колоколъ, а площадь передъ соборомъ служила для

собиранія шумнаго вѣча. Софійскій соборъ—самая драгоцѣнная древность Новгорода; онъ былъ свидѣтелемъ его возвышенія и паденія.

Теперь все измѣнилось вокругъ него, но это завѣтное святилище осталось неизмѣнно и до сихъ поръ и привлекаетъ богомольцевъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ. Въ папертяхъ собора погребены архіепископы и митрополиты новгородскіе, на хорахъ и въ ризницѣ сохраняются разныя священныя драгоцѣнности прежнихъ вѣковъ: посохи, клобуки, древніе кресты и т. п. Внутри собора мощи великой княгини св. Анны, супруги Ярослава Мудраго. Въ куполѣ собора находится чудотворное изображеніе Христа, съ которымъ связана слѣдующая легенда. Спаситель былъ написанъ съ благословляющей рукой, но на другой день длань ея оказалась сжатой, трижды исправляли ее, но рука опять сжималась. Наконецъ отъ изображенія исшелъ голосъ: „Писари, писари, о писари, не пишите Меня съ благословляющей рукой. Азъ бо въ сей руцѣ Моей сей Великій Новгородъ держу, а когда рука сія Моя распространится, тогда будетъ граду сему окончаніе“.

На площади передъ соборомъ стоитъ памятникъ, напоминающій легенду о Рюрикѣ, гранитная масса въ формѣ шара, изображающая Россійскую державу, на верху котораго представленъ ангелъ, осѣняющій крестомъ колѣнопреклоненную Россію, а внизу на подножіи расположены вылитыя изъ бронзы фигуры важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ государственной жизни, начиная съ Рюрика. Этотъ памятникъ воздвигнутъ 8 сентября 1862 года въ память „совершившагося тысячелѣтія“ Россійскаго государства.

Псковская губернія.

I.

Псковская губернія по устройству поверхности дѣлится на двѣ части: сѣверная—низменная, покрытая больше болотами, которыя раскинуты клочками и только на границѣ съ Новгородской губерніей тянутся на нѣсколько верстъ. Болота эти имѣютъ характеръ огромныхъ топкихъ моховыхъ трясинъ, расположенныхъ на большой низменной равнинѣ. Южная же часть болѣе высокая; здѣсь тянется рядъ возвышенностей, идущихъ изъ Витебской губерніи, онѣ носятъ названіе Вязовскихъ, Судомскихъ, Бѣжаницкихъ и раздѣляютъ бассейны Великой и Ловати. Группа Вязовскихъ возвышенностей наполняетъ собой уѣзды: Великолуцкій, Новоржевскій и Опочецкій и въ послѣднемъ, тамъ, гдѣ рѣка Великая сливается съ рѣкой Соротью, образуетъ очень живописную группу холмовъ, названныхъ Святогорскими; на нихъ лежитъ красивый, небольшой Святогорскій монастырь, гдѣ похороненъ нашъ незабвенный великій поэтъ А. С. Пушкинъ. Монастырь этотъ былъ основанъ во второй половинѣ XVI вѣка на такъ называемыхъ Синичьихъ горахъ. Говорятъ, что онъ возникъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: „Въ 1547 г. Тимоѳей юродивый имѣлъ тутъ видѣніе иконы Пречистой Богородицы, и неизвѣстно откуда шедшій голосъ призывалъ его на это уже самое мѣсто по прошествіи шести лѣтъ. Юродивый, дѣйствительно, явился и увидѣлъ другую икону Одигитріи. Объ этомъ пошла молва, появились странники и странницы; псковскій намѣстникъ донесъ госу-

даро. присланы были слѣдователи и повелѣно было построить монастырь".

Въ самомъ центрѣ холмовъ, на самомъ высокомъ мѣстѣ пріютилась Успенская церковь. У подошвы монастырской горы сверкаетъ, какъ зеркало, свѣтлое озеро въ оправѣ веселой зелени лиственныхъ деревьевъ; всякій встрѣчный непремѣнно спроситъ путешественника, понравились ли Святыя горы, и всегда въ отвѣтъ получаетъ одни и тѣ же слова: „рѣдкія мѣста, мало такихъ". Здѣсь же пріютилась Никольская церковь; отъ нея вверхъ сдѣлана каменная лѣстница, которая ведетъ въ верхній храмъ, противъ алтаря котораго и находится могила Пушкина съ памятникомъ, представляющимъ изъ себя мраморную пирамиду. Верстахъ въ пяти отъ монастыря на крутомъ холмистомъ берегу рѣки Сороти, гдѣ она расширяется и имѣетъ видъ озера, среди густого бора лежитъ живописное Михайловское (иначе Зуево), родовое имѣніе поэта, гдѣ онъ жилъ во время ссылки, и жизнь въ которомъ имѣла такое сильное вліяніе на творчество поэта; здѣсь онъ написалъ свои лучшія произведенія: „Бориса Годунова", „Евгенія Онѣгина" и др. Привожу отрывки изъ стихотвореній, навѣянныхъ чудной природой Михайловскаго:

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья,
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лонѣ счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На листный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты...

Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо —
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.
Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ.
А вечеромъ при завываніи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко:
Черезъ его невѣдомыя волны
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой

Убогій неводъ. По берегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ за ними
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

Такъ какъ почва Псковской губерніи нѣсколько суше и удобнѣе для земледѣлія, то оно здѣсь ведется лучше и шире, нежели въ другихъ губерніяхъ Озернаго края; большинство полей засѣяно льномъ, который родится здѣсь очень хорошо. Льноводство одно изъ старинныхъ занятій населенія, и ленъ составляетъ крупную отрасль промышленности, которая даетъ значительный доходъ всему населенію; произведеній льноводства вывозится ежегодно изъ Псковской губерніи на 8 милліоновъ рублей. Посѣвами льна занято болѣе 83 тысячъ десятинъ, что составляетъ 14% всей посѣвной площади. Хлѣбныя поля даютъ невысокіе урожаи, для озимой ржи самъ-3; ржи не хватаетъ для населенія, яровыхъ хлѣбовъ также. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ подъ ленъ засѣваютъ почти все яровое поле, а иногда ленъ сѣютъ на всѣхъ трехъ поляхъ; система хозяйства и здѣсь трехпольная, только у частныхъ владѣльцевъ—многополье, въ уѣздахъ, гдѣ наиболѣе развито льноводство (Псковскій, Островскій, Порховскій, Опочецкій и большая часть Новоржевскаго).

Поля удобряются плохо за недостаткомъ скота, котораго нечѣмъ кормить, такъ какъ выгоны, сѣнокосы все сокращаются и дѣвственныя земли все больше и больше распахиваются подъ ленъ, а подо льномъ почва сильно истощается, и хозяйство подрывается. Вслѣдствіе ухудшенія земли отъ посѣвовъ льна, арендныя цѣны „подъ

ленъ" нерѣдко превышаютъ продажныя цѣны земли, конечно, въ уѣздахъ, гдѣ особенно развито льноводство.

Въ Псковской губерніи можно встрѣтить очень большія богатыя села и деревни, но рядомъ и крайне бѣдныя. Богатъ сравнительно льняной районъ, хотя крестьянинъ получаетъ малый процентъ со своей земли, большая же часть прибыли достается скупщикамъ и тѣмъ, кто сдаетъ землю въ аренду подъ ленъ.

Аренда земель въ Псковской губерніи носитъ названіе „продажи", „арендовать" у нихъ все равно что „продать" и вотъ почему: какъ уже было говорено, ленъ очень истощаетъ землю и послѣ снятаго льняного урожая, она требуетъ очень хорошаго удобренія; если же оно недостаточно, если на этомъ участкѣ земли продолжаютъ сѣять ленъ, то она не только теряетъ свою первоначальную арендную цѣну, но цѣна эта доходитъ до самыхъ малыхъ размѣровъ, иногда же и совсѣмъ обезцѣнивается. И вотъ, особенно за послѣднее время, замѣчается усиленное передвиженіе крестьянъ изъ сѣверныхъ уѣздовъ въ южные; цѣны же на землю въ южныхъ уѣздахъ, какъ покупныя, такъ и арендныя, очень низки, да и земля тамъ новая, такъ что вполнѣ естественно движеніе льняной культуры по направленію къ югу. Въ сѣверныхъ уѣздахъ ленъ по преимуществу сѣется крестьянами на продажу; для домашняго употребленія оставляется сравнительно незначительное количество; въ южныхъ уѣздахъ, напротивъ, посѣвы льна въ крестьянскомъ хозяйствѣ не имѣютъ промышленнаго значенія; льняная промышленность тамъ только начинаетъ развиваться и, главнымъ образомъ, на

земляхъ, арендуемыхъ или покупаемыхъ лифляндцами.

Ленъ, кромѣ волокна, даетъ сѣмя какъ для посѣва, такъ и для полученія масла. На посѣвы идетъ лучшій сортъ, вывозимый въ другія губерніи и за границу.

Псковская губернія не имѣетъ ни фабрикъ ни заводовъ, которые бы обрабатывали свой ленъ; она представляетъ изъ себя только большой льняной рынокъ сырья для иностранныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Трепка льна очень вредно отзывается на здоровьѣ крестьянъ; большинство помѣщеній, гдѣ треплется ленъ, малы, низки, плохо освѣщены; сараи, гдѣ собирается много народу для трепки, не топятся въ виду того, что работники нагрѣютъ ихъ; масса пыли носится въ воздухѣ и попадаетъ въ глаза, вдыхается въ легкія.

Населеніе Псковской губ. не можетъ найти большого заработка въ своей губерніи поблизости. Здѣсь нѣтъ ни достаточно развитой кустарной промышленности, нѣтъ крупныхъ фабрикъ, на которыхъ могъ бы кормиться рабочій людъ. Мѣстные заработки большею частью продолжаются въ теченіе нѣсколькихъ зимнихъ мѣсяцевъ. Существуютъ лѣсные промыслы, льнотрепаніе, извозъ, рыболовство, но заработки отъ всего этого весьма ничтожны и не могутъ служить большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ. Болѣе распространенъ лѣсной промыселъ. Имъ занимаются во всѣхъ уѣздахъ Псковской губерніи, болѣе же всего въ Торопецкомъ, Холмскомъ и Великолуцкомъ, которые нѣсколько богаче лѣсомъ. Лѣсной промыселъ продолжается лишь въ теченіе зимы и заключается въ рубкѣ лѣса и свозкѣ его къ мѣсту

сплава. Крестьяне нанимаются у крупныхъ лѣсопромышленниковъ на всю зиму рубить и возить лѣсъ на своей лошади, а такъ какъ желающихъ работать очень много, а количество лѣсовъ все уменьшается, то заработокъ съ каждымъ годомъ все падаетъ: такъ за вывезенное дерево 15 вершк. въ отрубѣ, очищенное, при 3—5-верстномъ разстояніи, плата—15 коп., а такъ какъ кормъ лошади плохой, а работы много, то къ веснѣ лошадь до того изнуряется, что на ней нельзя пахать свое поле; нѣкоторые крестьяне работаютъ только изъ-за хлѣба. Заработокъ колеблется отъ 20 коп. до 1 р. 50 к.; онъ даетъ возможность крестьянину кое-какъ прокормиться зимніе мѣсяцы—и только.

Такъ какъ въ Псковской губерніи нѣтъ такихъ лѣсовъ, какъ въ другихъ губерніяхъ Озернаго края, то звѣрей и птицъ мало, и жители не имѣютъ возможности заниматься охотой, какъ промысломъ; охотятся только ради удовольствія. Мало выгоды приноситъ и льнотрепальный промыселъ; онъ также только зимній; занимаются имъ бѣдняки, нанимаясь къ богатымъ, но за послѣднее время и этотъ промыселъ падаетъ вслѣдствіе неурожая льна: заработокъ колеблется отъ 25—30 к. въ день на хозяйскихъ харчахъ. Иногда крестьяне скупаютъ сами нетрепанный ленъ, треплютъ и везутъ на продажу въ Псковъ или Островъ, но часто едва выручаютъ свои деньги, а иногда остаются въ убыткѣ, такъ какъ цѣны стоятъ нерѣдко низкія, а выжидать лучшихъ крестьянинъ не можетъ. Повсемѣстно распространены женскіе промыслы: пряжа льна и шерсти и тканье холста.

Мало выгоды и отъ зимняго извоза разныхъ кладей, —льна, хлѣба, льняного сѣмени и т. п. Сравнительно съ прежними годами плата за извозъ сильно понизилась до 5—6 коп. съ пуда, вслѣдствіе увеличенія числа рабочихъ рукъ.

Такъ какъ лѣсныхъ матеріаловъ въ Псковской губерніи довольно много, то существуютъ слѣдующіе промыслы почти повсемѣстно: выдѣлка кузнечнаго угля, деревянной посуды, колесъ, ведеръ и проч., а также санный, телѣжный, экипажно-колесный промыслы. Но и эти промыслы не въ блестящемъ положеніи. Во-первыхъ, изъ года въ годъ дорожаетъ матеріалъ, а цѣны на изделія падаютъ, затѣмъ выдѣлка приготовляемыхъ вещей не можетъ соперничать съ фабричной, вообще же кустарные промыслы здѣсь мало развиты.

Судостроеніе развито преимущественно въ Холмскомъ уѣздѣ; барки носятъ названіе: „овсянокъ", „дровянокъ"; ихъ отправляютъ въ Петербургъ и продаютъ не менѣе 200 рублей каждую.

Болѣе важное значеніе имѣетъ рыболовство; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ Слободской волости, Псковскаго уѣзда, это главное занятіе мѣстнаго населенія, такъ что земледѣліемъ, вслѣдствіе малаго количества земли, оно не занимается. Въ Псковскомъ уѣздѣ крестьяне добываютъ алебастръ; промыселъ этотъ довольно выгоденъ; къ сожалѣнію, мѣсторожденій алебастра очень немного. Крестьяне сдаютъ свои участки земли съ залежами алебастра въ аренду разнымъ лицамъ за хорошія цѣны. Кромѣ того, крестьянъ нанимаютъ возить алебастръ съ мѣста

ломки въ Псковъ. По берегамъ рѣкъ развиты известковыя ломки.

Главное занятіе въ губерніи все - таки земледѣліе: улучшенныхъ способовъ обработки земли встрѣчается мало: многопольная система — рѣдкость. Земство, заботясь объ улучшеніи пріемовъ хлѣбопашества, устроило сельско-хозяйственные склады въ Псковѣ и другихъ городахъ, въ которыхъ крестьяне стали пріобрѣтать плуги; земство же вводитъ постепенно искусственное удобреніе. Въ настоящее время выдѣлкой плуговъ стали заниматься даже мѣстные крестьяне. Земскій губернскій агрономъ ѣздитъ по губерніи. читаетъ лекціи и знакомитъ народъ съ лучшими способами веденія хозяйства.

Такъ какъ земли недостаточно, народу же много, то многіе оставляютъ деревни и уходятъ въ Петербургъ, Кронштадтъ и другіе большіе города. Почти $^1/_3$ населенія круглый годъ проводитъ на сторонѣ, поступаютъ въ дворники, на фабрики, заводы въ качествѣ рабочихъ; тѣ, которые остаются дома на лѣто, уходятъ на сторону зимой. Хотя отходъ и даетъ нѣкоторую поддержку, но все же заработокъ плохъ, не обезпеченъ; слишкомъ ужъ много людей ищетъ работы; поэтому плата понижается, работа добывается съ большимъ трудомъ; многіе, не найдя ея, возвращаются домой совсѣмъ нищими, проживъ въ городѣ послѣдніе гроши, вырученные отъ продажи скуднаго инвентаря; нѣкоторымъ же, какъ говорится, „повезетъ", и они имѣютъ возможность присылать домой отъ 40—100 руб. въ годъ. Многіе идутъ изъ дому, разсчитывая если не на заработокъ, то хоть на то, чтобы прокормиться внѣ дома, чтобы избавить семью

отъ лишняго рта; цѣны на рабочія руки сбиваются до невѣроятія, и заработокъ получается сравнительно незначительный.

За послѣдніе годы отходъ на сторону все увеличивается; стали уходить изъ тѣхъ уѣздовъ, изъ которыхъ прежде не уходили никогда; причинъ къ этому не мало: недостатокъ земли, дорогія цѣны на земли, малое развитіе или полное отсутствіе мѣстныхъ заработковъ и избытокъ рабочихъ рукъ, постоянно увеличивающійся съ увеличиваніемъ населенія; отсюда недостатокъ хлѣба, упадокъ хозяйства. Особенно это замѣтно за послѣдніе неурожайные годы. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ такъ называемые полувѣрцы, знающіе латышскій языкъ, возятъ глиняную посуду въ Лифляндію, вымѣниваютъ на тряпье и хлѣбъ; прежде и этотъ промыселъ давалъ много прибыли, но теперь число промышленниковъ стало увеличиваться, и заработки стали соотвѣтственно меньше.

Занимаются въ Псковской губерніи валяніемъ сукна; крестьяне считаютъ это занятіе очень трудной работой; производится она слѣдующимъ образомъ: сотканное сукно туго скатывается въ трубку и кладется въ мѣшокъ, который крѣпко завязывается, а затѣмъ его поливаютъ горячей водой. На широкой скамьѣ помѣщаются два крестьянина, такъ что корпусъ каждаго находится на покатыхъ подмосткахъ, а между слѣдами ногъ кладется мѣшокъ поперекъ скамьи: мѣшокъ этотъ начинаютъ крѣпко мять, перекатывать одинъ къ другому съ напряженной силой такъ, чтобы онъ имѣлъ постоянно вращательное движеніе. Работа эта производится обыкновенно въ теплое время года въ іюнѣ, іюлѣ, потому что,

чѣмъ теплѣе температура воздуха, тѣмъ успѣшнѣе сваливаніе, кромѣ того, топятъ очень жарко печку, мѣшокъ постоянно наливаютъ водой на столько горячей, какъ только могутъ терпѣть ноги. Въ такой невыносимой жарѣ долженъ работать крестьянинъ. Для того, чтобы приготовить кусокъ сукна, требуется не менѣе 16 часовъ безпрерывнаго валянія; каждая пара рабочихъ находится въ работѣ отъ 30—40 м., отдыхъ же требуется болѣе продолжительный; поэтому для приготовленія куска въ 50 арш. требуется 6 рабочихъ, т.-е. три смѣны.

Такъ какъ вся Псковская губернія изрѣзана большимъ количествомъ озеръ и рѣчекъ, то издавна часть населенія губерніи занимается рыбными промыслами. Особенно этотъ промыселъ развитъ на Псковскомъ озерѣ. Берега Псковскаго озера низменны, болотисты, мѣстами покрыты рѣдкимъ лѣсомъ; большія береговыя пространства рѣдко населены: населеніе разселилось, главнымъ образомъ, на холмахъ, берегахъ заливовъ и небольшихъ озеръ, образуемыхъ Псковскимъ озеромъ. Такъ какъ берега очень низки, то и деревеньки, расположенныя около самого устья имѣютъ весьма любопытный видъ; избушки построены почти вплотную одна къ другой и не имѣютъ улицъ, промежутки между избами напоминаютъ тропинки настолько узкія, что только коровѣ пройти; странно смотрѣть на эту сплошную темную массу; невольно сжимается сердце при мысли о пожарѣ: случись пожаръ,—отъ всей деревеньки останется одно воспоминаніе. Во время ледохода эти мѣстечки не имѣютъ никакого сообщенія со свѣтомъ; люди въ это время сообщаются между собой по жердямъ, просунутымъ въ окна, а жи-

вотныя спасаются на крышахъ. На Пасху нельзя пойти въ церковь и молятся въ часовняхъ; для чтенія молитвъ выбирается грамотный человѣкъ.

Псковское озеро соединяется съ Чудскимъ (Пейпусъ по-эстонски) проливомъ, назыв. Теплымъ озеромъ, потому что оно замерзаетъ труднѣе, чѣмъ озеро, вслѣдствіе того, что проливомъ идетъ довольно быстрое теченіе; длина этого пролива—15 верстъ, Псковскаго озера — 40 верстъ, а Чудскаго—80 верстъ. Чудское озеро представляетъ изъ себя часть морского залива, соединявшагося въ очень далекое время съ Финскимъ заливомъ и Балтійскимъ моремъ; доказательствомъ этого могутъ служить его древніе берега, похожіе на берега Балтійскаго моря, и найденный здѣсь одинъ видъ тюленя. Впослѣдствіи озеро опрѣснилось рѣчной водой, проходящей черезъ него. Хотя эти два озера и имѣютъ связь, но по характеру они рѣзко отличаются одно отъ другого. Дно Чудского озера каменистое, неровное, глубина 20 саженей и болѣе; Псковское же очень неглубоко — 5 саженей; около береговъ оно нѣсколько мельче, но въ общемъ глубина довольно равномѣрная по всему озеру, дно котораго ровное глинистое, съ массой водорослей. Вода въ Чудскомъ озерѣ чистая, прозрачная, въ Псковскомъ мутная. Въ немъ масса снитковъ, и населеніе Псковскаго побережья занимается исключительно снитковымъ промысломъ. „Хорошъ бѣлозерскій снитокъ, а все же не сравниться ему со псковскимъ“, говорятъ крестьяне. Есть и другая рыба: лещи, судаки, язи, окуни, налимы, сомы, но главной цѣлью промысла является снитокъ. Въ Чудскомъ озерѣ водится ряпушка, а въ Псковскомъ мелкій снитокъ, и разница въ водѣ настолько велика,

что сниток, попавъ въ Чудское озеро, хотя и увеличивается въ размѣрѣ, но дѣлается уже невкуснымъ; по всей вѣроятности, онъ любитъ неглубокія мѣста, илистое дно и водоросли.

Псковское озеро судоходно повсемѣстно, по немъ идетъ отъ Пскова къ рѣкѣ Наровѣ ленъ, пакля, кудель, снитки, лѣсъ и проч.: оно очень важно въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ; оно кормитъ и островныхъ и прибрежныхъ жителей. Съ юга въ озеро вливается рѣка Великая, къ сѣверо-западу отъ ея устья въ 35 верст. лежитъ группа Талабскихъ острововъ: Талабскъ, Верхній и Талавенецъ; живетъ на этихъ островахъ четыре тысячи человѣкъ, занятіе которыхъ исключительно—рыбная ловля. Всѣ три острова раздѣлены маленькими проливами, сложены изъ валунныхъ отложеній (остатокъ ледниковаго періода). Талабскъ и Талавенецъ совсѣмъ безлѣсны, Верхній же покрытъ роскошнымъ сосновымъ боромъ.

Талабскіе острова имѣютъ густое населеніе— это центръ снитковаго промысла; жители, какъ пріозерные, такъ и жители острововъ, преимущественно рыболовы; пріозерное населеніе можно считать приблизительно въ 15 тысячъ душъ; однимъ рыболовствомъ занято до 4000. Земледѣліе здѣсь крайне слабо, а въ одной изъ деревень (Горки) и совсѣмъ нѣтъ пахоты. Впрочемъ, эти Горки имѣютъ по р. Великой много острововъ, покрытыхъ роскошнѣйшей травой и представляющихъ изъ себя богатѣйшіе кормы. Талабскіе острова удалены отъ восточнаго берега озера на 3 версты и во время маловодія имѣютъ сухопутное сообщеніе по песчаной грядѣ, протянувшейся отъ острова къ берегу и называемой „Сутъ“.

Снитковъ ловятъ круглый годъ. Самымъ труднымъ и продолжительнымъ считается зимній ловъ. Окрѣпъ ледъ, сдѣлали прорубь, ловецъ, чтобы лучше видѣть, накрываетъ голову, ложится на ледъ и смотритъ въ прорубь. Рыбаки отличаются поразительной зоркостью, они замѣчаютъ снитка на трехсаженной глубинѣ. Но вотъ снитокъ выслѣженъ, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ его усмотрѣли, въ ледъ вбивается „пѣшня“; это мѣсто никто не имѣетъ право трогать — оно принадлежитъ нашедшему. Ловятъ большимъ неводомъ, длина его отъ 300 до 500 саженей: онъ вѣситъ болѣе 200 пудовъ и состоитъ изъ матки и двухъ крыльевъ, каждое въ 150 саж. длины; стоитъ неводъ около 800 рублей и можетъ служить только одинъ годъ; перевозятъ его на огромныхъ саняхъ, называемыхъ „падовикъ“, длиной почти 3 саж., запрягая въ нихъ не менѣе восьми лошадей: одна въ корень, а остальныя въ маленькія санки, называемыя „лохтинки“. Запрягаются онѣ такъ, что отъ переднихъ санокъ прикрѣплены веревки къ заднимъ, а отъ этихъ уже къ большимъ санямъ. Лохтинка длиной не болѣе 2 аршинъ, внутри ея есть углубленіе наподобіе ящика, глубиной въ 1/4 аршина. Въ такихъ санкахъ перевозится пойманный снитокъ. Кромѣ того, еще нужно 4 лошади: двѣ — для перевозки веревокъ для невода (каждая около 100 саж.), маленькаго невода и бочекъ для рыбы, и двѣ для перевозки такъ называемыхъ воротовъ. Воротъ — бочка, поставленная на сани.

Неводъ называется „большимъ запасомъ“, въ немъ участвуетъ хозяинъ запаса „жерщикъ“, тотъ, который управляетъ ловлей; лошадь и два рабочіе составляютъ „гнѣздо“, а всѣ вмѣстѣ

называются „дружиной“. Дружина бываетъ отъ 16 до 25 человѣкъ, 8 конешниковъ, т.-е. работниковъ съ лошадьми, и 8 тяглецовъ (безъ лошадей).

Владѣтели неводовъ не берутъ въ дружину талабскихъ крестьянъ, потому что у нихъ нѣтъ лошадей, за неимѣніемъ пастбищъ, а приглашаютъ изъ ближнихъ деревень. Къ дружинѣ пристаютъ такъ называемые кошечники. Названіе это происходитъ отъ кошковъ, которые они имѣютъ при себѣ. Кошекъ — обручъ, прикрѣпленный къ палкѣ, къ обручу привязанъ довольно длинный мѣшокъ, вязаный изъ тонкой веревки. Принимаютъ только тѣхъ кошечниковъ, у которыхъ есть лошади, лошадь помогаетъ при перевозкѣ, а кошечникъ помогаетъ ловцамъ. Когда тащатъ неводъ, то они имѣютъ право черпать кошками передъ неводомъ, и то, что они такимъ способомъ поймаютъ, остается у нихъ въ ихъ пользу. Очень часто имъ достается больше, чѣмъ ловцамъ.

На шубу ловецъ надѣваетъ простой холщевый кафтанъ, называемый „рябикомъ“, опоясывается кушакомъ; сверхъ „рябика“ одѣвается большой передникъ изъ цѣлой бычачьей кожи, смазываемый дегтемъ; онъ надѣвается съ головы, для которой сдѣланъ прорѣзъ и спускается до колѣнъ; на ноги длинные сапоги, а на голову мѣховая шапка съ отвороченными ушами.

Снитка обыкновенно сушатъ; сушка совершается очень просто: въ истопленныя и чисто выметенныя печи слегка сыплется песокъ на подъ, сверху набрасывается слой снитковъ, и печь быстро закрывается заслонкой на нѣсколько минутъ; когда снитокъ охватитъ жаромъ, его

посыпаютъ солью, черезъ нѣсколько времени поворачиваютъ желѣзной лопатой и по надлежащей высушкѣ ссыпаютъ въ корыта, потомъ въ корзины, предварительно вымѣривъ или свѣсивъ. Сушеный снитокъ продаютъ пріѣзжимъ скупщикамъ; крупные же заводчики отправляютъ цѣлыми партіями въ Петербургъ и Москву. Продаютъ снитокъ и сырьемъ на сниткосушильные заводы, выстроенные обыкновенно вблизи мѣстъ лова, по берегамъ. При продажѣ снитка въ Талабскѣ въ прежнее время существовалъ слѣдующій обычай, въ настоящее время почти не практикуемый. Рыбакъ по привозѣ снитка на островъ объявляетъ свою цѣну, если покупатели молчатъ, то продавецъ сбавляетъ цѣну до тѣхъ поръ, пока кто-либо изъ покупателей не произноситъ слова „донатамъ“: тотъ, кто произноситъ это слово, покупалъ рыбу.

Въ годъ вывозится псковскаго снитка среднимъ числомъ около 200.000 пудовъ, за каждый пудъ приходится 3 рубля и того выходитъ 600.000 р.; изъ нихъ около 400.000 приходится на долю промышленниковъ. Въ прежнее время рыбный промыселъ на Псковскомъ озерѣ процвѣталъ, теперь же въ значительномъ упадкѣ.

II.

Говоръ въ Псковской губ.—своеобразный, замѣчается искаженіе словъ, неправильное удареніе, напримѣръ, вмѣсто „поетъ“ говорятъ „пое“ и т. п. У жителей сохранились многіе старые обычаи, напримѣръ, масленицу они справляютъ особеннымъ образомъ. Въ субботу и воскресенье на масленицѣ парни и дѣвушки катаются по де-

ревнѣ, при чемъ нѣсколько саней въ рядъ, если улица широка, а то и гуськомъ, катаясь поютъ пѣсни, а подростки и нѣкоторые ребята ѣздятъ по деревнѣ съ дровянками для сбора дровъ, хвороста и всего, что попадетъ изъ сгораемыхъ вещей на „масленицу". Сборъ этотъ совершается крадучись. Набравъ достаточное количество дровъ, они вывозятъ ихъ за деревню, въ паровое поле, выбираютъ возвышенное мѣсто, если таковое найдется, кладутъ въ серединѣ похищенныя вещи, необходимыя въ хозяйствѣ: корыта, бороны, колеса и др., кругомъ обставляютъ хворостомъ. Въ сумерки зажигаютъ масленицу.

Увидавъ огонь, къ нему стекаются гуляющіе съ пѣснями: это зрѣлище привлекаетъ и пожилыхъ мужчинъ и женщинъ, нѣкоторые присоединяются къ молодежи и поютъ. Во время горѣнія „масленицы" вокругъ огня водятъ хороводы, скачутъ черезъ огонь. Когда дрова начнутъ догорать, всѣ присутствующіе кричатъ нѣсколько разъ: „Прощай, дорогая масленица!" Потомъ начинаются прощанія, цѣлуютъ одинъ другого и просятъ прощенія другъ у друга, идутъ въ деревню съ пѣснями и расходятся по домамъ. Ужинъ стараются закончить яичницей, называемой „сковородкою"; по окончаніи же всего „заколупываютъ масильцемъ", т.-е. берутъ на палецъ нѣсколько масла изъ блюда или чашки и съѣдаютъ безъ хлѣба; остатки ужина и посуду со стола не убираютъ, но оставляютъ до утра, въ виду того, что ночью придутъ ужинать ихъ умершіе родственники. Живы еще и другіе своеобразные обычаи, напримѣръ, соблюдаемые на свадьбахъ. Подошла пора женить парня, — въ домъ нужна работница. Отецъ съ маткой ведутъ разговоръ

объ этомъ дѣлѣ, перебираютъ дѣвицъ и ихъ пожилье, а парень ихъ, Василій, давно ужъ выбираетъ себѣ дѣвушку по вкусу. Наконецъ вся семья выбрала дѣвицу, Василій также не противъ, и вотъ собираются въ домъ невѣсты „на погляженье“. Родители невѣсты встрѣчаютъ гостей привѣтливо, сажаютъ ихъ на лавки. Сперва поговорятъ немножко, о чемъ придется, а потомъ ужъ дѣлаютъ такой вопросъ: „Ну, что жъ, добрые, какъ изволили къ намъ пожаловать: по хорошу, аль по худому?“ Родители жениха отклашиваясь говорятъ: что „пожаловали по хорошу, вашу дѣвицу смотрѣть, да подкиннячать“, т.-е. посмотрѣть на житье и достатокъ; „коли найдется согласіе, — вотъ у насъ парень, а у васъ дѣвица, можа и полюбятся“.

Послѣ этого отецъ приказываетъ матери пойти за дочерью-невѣстой, которая въ это время сидѣла за пологомъ или въ другой горницѣ. Невѣсту сажаютъ противъ жениха, сами начинаютъ какой-нибудь общій разговоръ, чтобы дать время побесѣдовать жениху съ невѣстой. Посидѣвъ еще нѣкоторое время, семья жениха молится и собирается домой. Распростившись, выходятъ въ сѣни, гдѣ и начинается окончательное совѣщаніе. Спрашиваютъ парня, по нраву ли ему дѣвица; если не нравится, то выходятъ на дворъ, садятся въ свои экипажи и уѣзжаютъ домой безъ проводовъ со стороны невѣстиной семьи. Если же женихъ скажетъ, что невѣста ему по нраву, то родители [illegible]: „тебѣ хорошо, а намъ уже хорошо“ и затѣмъ, помолясь, возвращаются въ избу, опять молятся Богу и заявляютъ, что „пришли съ миромъ и согласіемъ“. Если во время отсутствія семьи жениха, родители невѣсты при-



Рис. 14. Псковъ. Видъ съ соборной колокольни.

шли тоже къ согласію, то принимаютъ ее очень ласково, сажаютъ за столъ на почетныя мѣста: послѣ чего родители передаютъ другъ другу свое согласіе съ большими поклонами и привѣтствіями и тотчасъ же отецъ жениха достаетъ изъ кармана деньги, сколько опредѣлилъ на приданое невѣстѣ и кладетъ на столъ, разсыпая ихъ, — это называется „поклажье“; деньги отецъ невѣсты сейчасъ же убираетъ въ сундукъ. „Приступимъ, помолясь Богу, къ дѣлу, что жъ тянуть-то?“ говоритъ, наконецъ, отецъ жениха. Начинаютъ креститься, отецъ невѣсты беретъ икону изъ божницы, зажигаетъ свѣчу и выходитъ въ сѣни, а за нимъ и остальные. Въ сѣняхъ отецъ жениха ставитъ обручающихся рядомъ ближе другъ къ другу и накрываетъ ихъ тулупомъ. Послѣ этого беретъ у нихъ кольца, какія имѣются, произноситъ молитвы и причитанья, напутствованія и благословенія, мѣняя между ними три раза кольца, затѣмъ снимаетъ съ нихъ покрывало, они молятся передъ иконой и прикладываются къ ней. Окружающіе также крестятся и читаютъ шопотомъ молитвы. Обрядъ обрученья кончается тѣмъ, что послѣ молитвы обрученные кланяются въ ноги старикамъ, послѣ чего, по предложенію отца жениха, цѣлуются три раза. Какъ только возвратятся въ избу, ставятъ икону на мѣсто, молятся, сажаютъ обрученныхъ за столъ, за ними усаживаются остальные члены семьи, подается закуска, какая имѣлась, появляется водка, которой и обносятъ присутствующихъ. Съ этого дня вплоть до свадьбы въ домѣ невѣсты устраиваются вечеринки для молодежи.



Рис. 43. Псковъ. Видъ на соборъ и крѣпость.

III.

Изъ городовъ Псковской губерніи самый значительный Псковъ или Плесковъ. Онъ расположенъ на рѣкѣ Великой, впадающей въ Чудское озеро. Это старѣйшій русскій историческій городъ; въ XII вѣкѣ онъ числился уже значительнымъ русскимъ городомъ; сперва только пригородъ Новгорода, онъ понемногу пріобрѣтаетъ самостоятельность и переживаетъ самый Новгородъ. Новгородъ, несмотря на свое богатство и могущество, не могъ превзойти Пскова. Псковъ былъ боевой городъ; расположенный на самой окраинѣ, отдѣленный отъ нѣмцевъ только Талабскимъ озеромъ, онъ не былъ защищенъ, какъ Новгородъ. Жители Пскова должны были постоянно вести борьбу съ сосѣдями, и эта необходимость развила въ нихъ воинственный духъ.

Такъ же, какъ въ Новгородѣ, въ Псковѣ есть „дѣтинецъ,“ крѣпость. Кѣмъ она построена — неизвѣстно, но каменная стѣна вокругъ крѣпости построена св. кн. Довмонтомъ и носитъ названіе Довмонтовской. Въ крѣпости находилась церковь св. Троицы, главная святыня Пскова; полагаютъ, что ее основала св. кн. Ольга. Та часть города, которая прилегала къ дѣтинцу, называется кромомъ, т.-е. внѣшнимъ городомъ, иначе „застѣньемъ“. Въ крому находилось „торговище“ — мѣсто торговли.

Здѣсь же на Довмонтовой стѣнѣ висѣлъ вѣчевой колоколъ и собиралось вѣче. За кромомъ находился посадъ Полонище. Весь городъ дѣлился на концы и улицы. Самое большое значе-

ніе Псковъ имѣлъ во время княженія св. Довмонта; въ это время было построено много церквей, монастырей, укрѣпленій и въ торговлѣ древней Руси онъ пріобрѣлъ огромное значеніе.

Сперва онъ является только посредникомъ торговли Новгорода съ Западомъ, но потомъ вступаетъ въ союзъ ганзейскихъ городовъ. Цвѣтущее время Пскова кончается паденіемъ его независимости, т.-е. присоединеніемъ къ Москвѣ; потерявъ свободу, онъ потерялъ и богатство и опустѣлъ; нѣкоторыя семьи были выселены по повелѣнію московскаго великаго князя, другія сами бѣжали изъ разореннаго гнѣзда куда-нибудь въ лучшія земли или же постригались въ монастыри. Впослѣдствіи Псковъ перетерпѣлъ не мало бѣдствій: онъ былъ разграбленъ Іоанномъ IV, выдержалъ осаду Стефана Баторія, шведскаго короля Густава-Адольфа, наконецъ, страшный пожаръ уничтожилъ почти весь городъ.

Главной святыней Пскова былъ соборъ святой Троицы, по преданію основанный св. княгиней Ольгой. Много уцѣлѣло въ Псковѣ старинныхъ церквей, монастырей: храмъ св. Георгія, Успенская церковь, въ которой хранится серебряный ковшъ, подаренный Петромъ I; Спасо-Мирожскій монастырь, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, основанный новгородскимъ епископомъ Нифонтомъ и игуменомъ Аврааміемъ; въ монастырѣ хранится чаша, выточенная изъ корня; по преданію она принадлежала Нифонту.

Въ настоящее время Псковъ—самый обыкновенный провинціальный городъ. Раньше онъ по обширности, многолюдству, богатству считался первымъ послѣ Москвы; впослѣдствіи онъ пришелъ въ упадокъ, въ особенности послѣ того,



Рис. 45. Псковъ. Троицкій мостъ.

какъ въ 1446 году его посѣтила моровая язва. Въ силу его географическаго положенія, черезъ него Россія вела войны съ Ливоніей, Польшей и Швеціей, и это, конечно, мѣшало его развитію. Основаніе Петербурга и вообще петровскій переворотъ лишили Псковъ его былого торговаго значенія, отнятаго у него молодыми торговыми городами Финскаго побережья.

Въ современномъ обликѣ Пскова замѣтно нѣмецкое вліяніе—въ архитектурѣ домовъ, на улицахъ нерѣдко слышится нѣмецкій языкъ: гостиницы и торговыя лавки принадлежатъ нѣмцамъ. Близость Риги чувствуется, слышится и видится на каждомъ шагу.

Въ 12 верстахъ отъ города находится погостъ Лыбута вверхъ по рѣкѣ Великой, мѣсто родины св. Ольги. Подводные камни или, по-мѣстному, „слуды", расположенные въ одномъ изъ двухъ рукавовъ, на которые разбивается рѣка нѣ-

сколько ниже Лыбуты, носятъ названіе „Ольгиныхъ слудъ“. Точно такъ же второй рукавъ, болѣе удобный для прохода судовъ, получилъ имя „Ольгиныхъ воротъ“. Къ достопримѣчательностямъ Пскова принадлежатъ такъ называемые Поганкины палаты; они представляютъ интересный образецъ стариннаго устройства каменныхъ домовъ. Въ Поганкиныхъ палатахъ помѣщается теперь провіантскій магазинъ.

Надъ Великой, на отвѣсной скалѣ, красуется древнѣйшій монастырь Свѣтогорскій на горѣ Снятной: монастырь прежде пользовался большими богатствами, имѣя въ своемъ владѣніи рыбныя ловли, преимущественно снитка (давшаго обители имя), который въ изобиліи заходилъ подъ монастырскую кручу изъ Псковскаго озера.

Второй по значенію городъ—Островъ. Онъ получилъ свое названіе оттого, что раньше здѣсь была крѣпость, которая занимала почти весь островъ р. Великой, самъ же городъ находился на правомъ берегу рѣки. Раньше Островъ имѣлъ большое значеніе, какъ пограничная крѣпость съ Литвой. Теперь Островъ—одинъ изъ главныхъ центровъ льняной торговли. Отъ крѣпости Острова уцѣлѣли однѣ развалины, остатки стѣнъ и башенъ. Про эти башни въ народѣ сложились разныя легенды. Въ одной изъ нихъ, напримѣръ, говорятъ, были скрыты богатства; одинъ смѣльчакъ, купеческій сынъ, съ товарищами въ Иванову ночь пошли было на поиски: изъ двери подвала въ нихъ пахнуло пламенемъ, двое перебѣжали по лавамъ черезъ рѣку, но третій, перебѣгая, увидалъ двухъ огромныхъ черныхъ собакъ, плывшихъ за нимъ; перебѣжавъ бросился

онъ съ испуга на колокольню, поднялъ полуночный трезвонъ, сошелъ съ ума и умеръ.

„Другая легенда гласитъ, что во второй башнѣ живетъ заклятая царевна съ кошечкой, выходящею разъ въ годъ на рѣку пить воду. Одинъ удалецъ пытался освободить узницу, но былъ остановленъ кошкой, бросившейся на него.



Рис. 46. Псковъ. Козьмо-Дамьянская церковь.

Островъ—недурной городокъ: встрѣчаются удивительно красивые виды, горы.

„Горы, озера, лѣсные виды, гдѣ гармонически сочетаются густые тоны растительности съ веселыми и свѣтлыми тѣнями лѣсной рѣки, чѣмъ въ особенности богатъ нашъ разнообразный лѣсистый и озерный сѣверъ“.

Таковъ Озерный край. Не ласкова, угрюма его природа: [illegible] труда и энергіи требуетъ она отъ человѣка. Но не мало богатствъ скрыто въ ея

болотистыхъ и лѣсистыхъ нѣдрахъ, и не одна природа виновата въ той тяжелой жизни, которая выпала на долю русскому сѣверянину. Темнота, до сихъ поръ такая же безпросвѣтная, какъ самыя глухія лѣсныя чащи края, сковываетъ силы человѣка. Онъ не только не господинъ природы, онъ—безпомощный слабый рабъ ея суровыхъ законовъ. И единственное оружіе, годное въ борьбѣ съ нею,—знаніе и свѣтъ—еще не достигли въ нашъ глухой край. А тамъ, гдѣ нѣтъ знанія, нѣтъ умѣнья пользоваться силами и богатствами природы, она даетъ все меньше и меньше человѣку: на мѣстѣ строевого лѣса, безтолково сведеннаго человѣческимъ невѣжествомъ, возникаютъ болота; истощенная почва не въ силахъ производить нужнаго количества хлѣба, отъ неумѣлаго пользованія уменьшается количество рыбы въ обширныхъ водныхъ бассейнахъ края, и лѣсъ уже не кишитъ той массой всякаго звѣря и птицы, которая составляла прежде такую видную статью торговли.

И въ своей домашней и общественной жизни, крестьянинъ также безпомощенъ, какъ и передъ лицомъ природы. Онъ благодаритъ матушку-оспу за то, что „она изволила пожаловать", и, кромѣ этой робкой мольбы передъ страшнымъ врагомъ, онъ не знаетъ другихъ средствъ борьбы.

Кулаки, скупщики, чужая опека, чужая воля и собственная темнота сковываютъ силы забитаго угрюмой исторіей человѣка не хуже крѣпостного права... „На мѣсто цѣпей крѣпостныхъ, люди сковали не мало другихъ!" И если бы всталъ изъ гроба великій Пушкинъ, такъ любившій русскій печальный сѣверъ, такъ пламенно желавшій ему свободной просторной жизни: если бы онъ

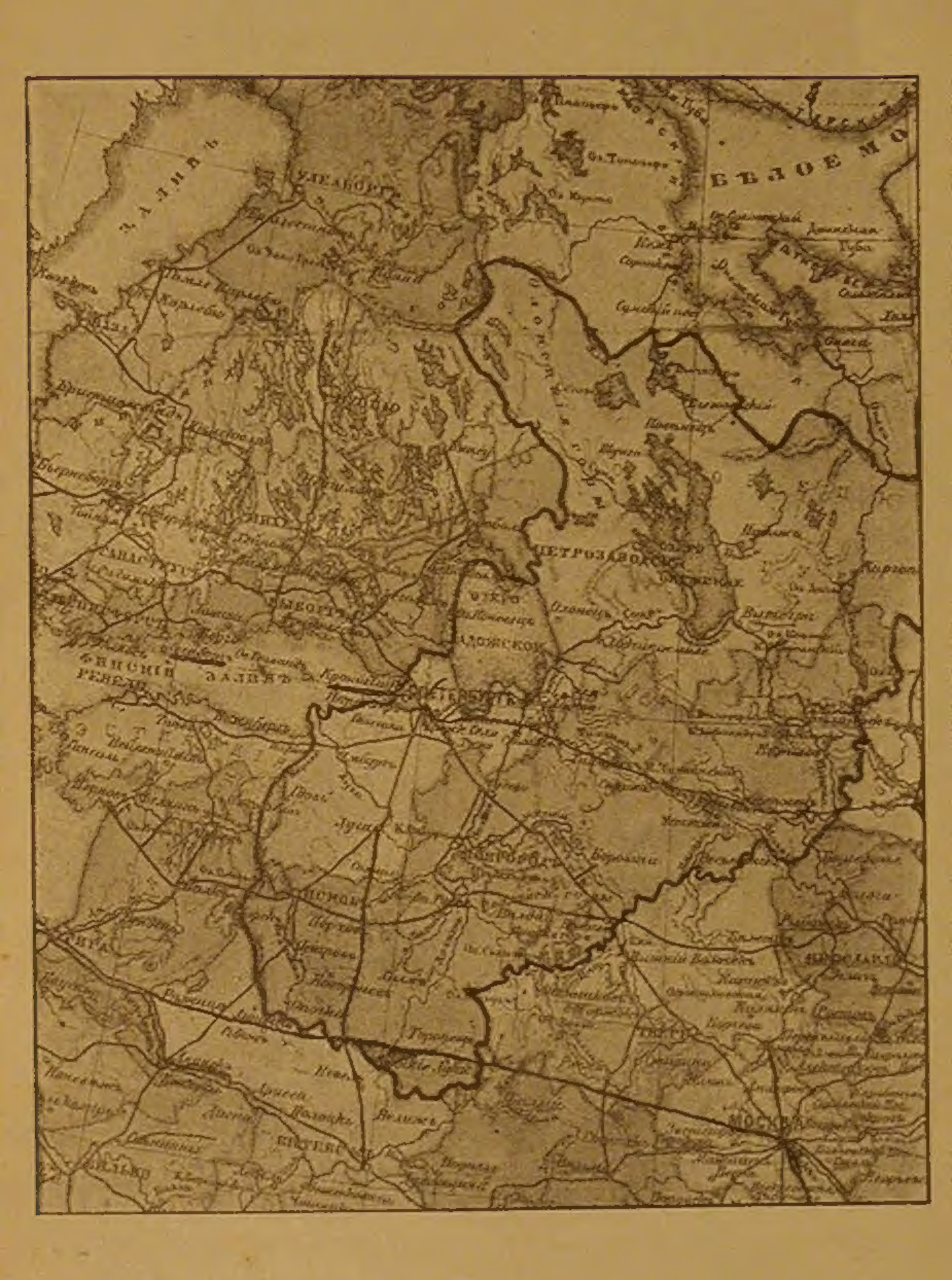
теперь увидѣлъ родные унылые холмы и равнины, какъ попрежнему по озеру плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой убогій неводъ: какъ и теперь еще кругомъ все сѣро, уныло, убого, бѣдно и сонно, развѣ не могъ бы онъ и въ наше время воскликнуть:

„Увижу ль я народъ неугнетенный?..
И надъ Россіею свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, желанная заря“.

Именно „наконецъ“, когда многовѣковая тяжелая жизнь почти истощила народныя силы, изуродовала природу и надломила въ русскомъ человѣкѣ вѣру въ то, что и для него возможна лучшая жизнь, — безъ голодовокъ, безъ непрерывнаго трепета, не въ атмосферѣ безправія и темноты.

Угрюма природа нашего края, но свободное творчество человѣка создастъ бодрую жизнь въ еще болѣе суровыхъ условіяхъ. Но чѣмъ суровѣе природа, тѣмъ тяжелѣе и опаснѣе всякія путы, сковывающія жизнь.

Н. А. Черемина (Коршъ).


ЗАЛИВЪ
БѢЛОЕ МО
ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
РЕВЕЛЬ